

Райс
Тулєбаев

Святая
любовь

К МЕДИЦИНЕ

Райс Тулебаев

614
T 820

СВЯТАЯ
ЛЮБОВЬ
К МЕДИЦИНЕ

Астана-2015

УДК 070: 614
ББК 76.02: 51.1
Т 82

Т 82 Тулебаев Р.К.
Святая любовь к медицине / Р.К. Тулебаев. – Астана:
Фолиант, 2015. – 200 с.

ISBN 978-9965-638-63-3

Известный ученый-медик, Заслуженный деятель Республики Казахстан, академик Райс Тулебаев в своей книге «Святая любовь к медицине» филигранно и с особой любовью создает литературные образы людей, связанных с профессией медика. Перо автора вырисовывает запоминающиеся, яркие образы наших современников, рассказы о которых наполнены глубоким смыслом и содержанием. В высокохудожественной форме автор сопереживает те или иные ситуации с героями своих повествований.

Книга проникнута гуманными чувствами и наполнена духовным содержанием, отражая общечеловеческие ценности, чем, несомненно, вызовет отклик в сердцах читателей и, надеемся, будет весьма полезна широкому кругу читателей.

УДК 070: 614
ББК 76.02: 51.1

ISBN 978-9965-638-63-3

© Тулебаев Р.К., 2015
© Издательство «Фолиант», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Вы держите в руках удивительную книгу. Называется она «Святая любовь к медицине». Ее автор – известный ученый-медик, академик Национальной академии наук, Заслуженный деятель Республики Казахстан Райс Тулебаев.

Понятно, что он не профессиональный писатель, а ученый. Однако многие, приписывающие себя к числу писателей, могут позавидовать глубокому содержанию его рассказов о судьбах и жизни наших современников. В повествованиях Райса Кажкеновича Тулебаева доступным языком и в то же время в изящной литературной форме описываются характеры людей, посвятивших всю свою жизнь нелегкому труду врачевания, поскольку сам автор пережил трудную судьбу поколения людей, родившихся в период Великой Отечественной Войны.

В народе говорят, что если человек имеет талант, то он проявляется во всем. Данный тезис вполне подходит к Райсу Тулебаеву. Прежде всего, его натуре присущи врожденная интеллигентность, мягкость характера, тактичность и деликатность. Все эти черты его характера удивительно сочетаются с целеустремленностью, настойчивостью и упорством.

Об этом свидетельствуют многие факты. Он увлекается музыкой, особую любовь проявляет к классике. В юные годы окончил музыкальную школу по классу народных инструментов, играет на домбре и баяне. На досуге занимается фотографией, любит природу и пешие прогулки. Но не только это впечатляет. Следует отметить, что с ним интересно вести беседу на самые разные темы. Он не ограничивает себя только познаниями в медицине и научной сфере, а достаточно хорошо разбирается в искусстве, великолепно знает историю, философию, отлично ориентируется в вопросах религии.

В книге «Святая любовь к медицине» ученый с любовью рассказывает о своих друзьях медиках. В частности, с поразительной точностью передает характеры людей и их незабвенную преданность медицине. Например, это нашло отражение в очерке «Щедрое сердце доктора Кученева» и в повествовании «С Аралом связанная судьба». В рассказах «Портрет учителя» и «Тернистый путь в науку» он с высоким чувством благодарности описывает роль учителя и наставника, раскрывает их положительные образы, передавая им сердечные слова признательности и глубокого уважения.

Автор настоящего литературного эссе предстает перед читателями как истинно высокоинтеллектуальная, духовная личность. Во всех повествованиях красной нитью проходит чувство признательности автора к людям в белых халатах, преклонение перед их одухотворенностью, богатством мироощущения, исключительной порядочностью, воспитанной на гуманистических идеалах и в лучших национальных традициях.

*Академик Торегельды Шарманов,
Заслуженный деятель,
лауреат Государственной премии,
президент Казахской Академии питания*

ЧУДЕСНАЯ ПОРА ЮНОСТИ

Самым счастливым периодом моей жизни стали, конечно, прекрасные годы юности и студенческая пора. Про юность и студенческий этап становления личности написаны великолепные романы, новеллы и повести. В своем небольшом рассказе о минувших днях юности я с щемящей тоской предаюсь воспоминаниям о тех далеких и трудных, но очень дорогих сердцу чудесных временах.

Моя юность и студенческие годы пришлись на 50-е и начало 60-х годов двадцатого столетия, когда все дождалось, наконец, победоносного окончания Великой Отечественной войны. К нашей неопишуемой радости наступил период восстановления разрушенного войной хозяйства. Вся наша страна залечивала раны после военного лихолетья, и в этом самое активное участие принимали молодежь и ее передовой авангард комсомол. Уже в начале первых послевоенных пятилеток Советский Союз быстро восстановил народное хозяйство и экономику и стал одной из могучих держав мира. Поэтому мы гордились своей страной.

Захватническая война, начатая германскими фашистами, унесла миллионы человеческих жизней. Горест-

но сознавать, что в боях погибли в основном молодые люди, в том числе студенческая молодежь. В самые первые дни войны многие студенты добровольно отправившись на фронт. Значительная часть молодежи, составлявшей золотой фонд страны, выполняя свой долг перед Отечеством, погибла на фронтах в неравных боях.

Однако, несмотря на тяготы войны и фронтовой жизни, большинство вернувшихся к мирной жизни бывших студентов с особым упорством взялось за учебу, и многие из них блестяще окончили вузы. Среди них было много талантливых людей, после окончания институтов продолживших учебу в аспирантуре и докторантуре, защитивших кандидатские и докторские диссертации, став известными учеными и хорошими педагогами, прошедшими суровую военную школу. Именно такой профессорско-преподавательский состав обучал студентов во многих вузах в послевоенные годы.

Мы учились именно у таких опытных педагогов в нашем медицинском институте.

Мои студенческие годы проходили в Семипалатинске, старом уездном городе, который основал еще Петр Первый как форпост, охранявший восточные границы Российской империи. Благодаря выгодному географическому расположению на берегах могучей реки Иртыш город быстро разрастался. Среди его жителей преобладали местные ремесленники и купцы. Торговый люд и купцы застроили город деревянными и кирпичными домами с богатыми фасадами, имевшими на окнах и дверях причудливые и красивые украшения, вырезанные из дерева. Многие из этих домов в первоначальном виде сохранились до сегодняшнего дня в старой части города. Еще до Октябрьской революции в Семипалатинске были открыты гимназии и духовные семинарии. В одной из них обучался великий казахский

поэт-философ и просветитель Абай Кунанбаев. Будучи еще молодым и начинающим поэтом он познакомился с выдающимся русским писателем Федором Михайловичем Достоевским, который в то время отбывал там ссылку.

Исторически в конце XIX века так сложились обстоятельства, что почти вся казахская интеллигенция – революционеры, алашординцы, писатели, ученые, деятели культуры и искусства – были выходцами из Семипалатинской губернии или ее уездов. Обучаясь в медицинском институте, мы гордились своими земляками, вступая в диспуты и споры об их значительной роли в становлении казахской интеллигенции.

Некоторое представление о студенческой жизни я получил еще в старших классах школы от сестры Раи. Она была тогда студенткой третьего курса Семипалатинского государственного педагогического института. Сестра пыталась в свободное время опекать меня и рассказывала о студенческой жизни много интересного, познавательного. К нам домой часто приходили ее сокурсницы. С некоторыми из них я тесно общался, слушая их забавные истории о студенческой жизни. Особенно мне понравилась ее близкая подруга Нагима, очень скромная и обаятельная девушка. Она предложила сестре пригласить меня на новогодний студенческий бал. Сестра позвала меня и сказала:

– Хорошо, братик, мы возьмем тебя на студенческий вечер. Ты уже стал взрослым парнем, – и, улыбаясь, добавила: – Голос у тебя уже басистый, как у настоящих мужчин, даже прорезались усы!

Подруга сестры серьезно отнеслась к моему участию в новогоднем студенческом бале. Она спросила меня, умею ли я танцевать бальные танцы. Получив от-

рицательный ответ, она заявила, что они с Раей обучат меня разным танцам и прежде всего вальсу.

Сокурсница сестры оказалась очень доброй, сердечной и отзывчивой девушкой. Нагима произвела на меня впечатление весьма энергичного и подвижного человека. Она занималась спортом, о чем свидетельствовала ее спортивная фигура, имевшая изящную форму. Выглядела она очень молодо, как школьница. Можно было подумать, что она учится в старших классах.

Я очень обрадовался предложению посетить студенческий бал. Нагима усердно принялась обучать меня различным бальным танцам. Продемонстрировала, как нужно танцевать быстрый фокстрот, медленное танго и, конечно, вальс. Первые уроки не дали особых результатов. Мне с трудом удавалось своевременно вступать в ритм вальса. Несмотря на мои усердия, кружиться в быстром темпе вальса первое время я совершенно не мог. Определенную проблему представляли ноги партнерши, так как при каждом кружении я непроизвольно наступал на ее туфли и спотыкался.

Тогда сестрица придумала оригинальный метод моего обучения. Он заключался в следующем: она раскладывала на полу три белые полоски из тетрадного листа, разместив их по ходу треугольника. Я должен был по ходу часовой стрелки делать круговые движения, строго по намеченным листочкам, и в заданном ритме выполнять пружинящие шаги. Считал такты в заданном ритме, напевая мелодию вальса. Меня начали обучать вальсировать под музыку очень известных и популярных в то время мелодий: «На сопках Маньчжурии», «Дунайские волны», «Амурские волны», а также под музыку очень популярного тогда школьного вальса из художественного фильма «Испытание верности», написанного композитором Исааком Осиповичем Дунаевским на стихи Михаила Львовича Матусовского.

Наконец настало время долгожданного новогоднего вечера. В ту предновогоднюю ночь стоял сильный мороз, и хотя погода была безветренная, мороз постепенно усиливался, и уже к вечеру на улице температура достигала почти минус сорока градусов, а на ледяном покрове реки она была еще ниже. Мы добирались до педагогического института от нашего дома, расположенного на левом берегу Иртыша в поселке Жана Семей, через обледеневшую реку на правый берег. В правобережной части Иртыша располагался старый город, в центральной части которого находился главный корпус педагогического института. В этом районе города, кроме педагогического института, недалеко друг от друга располагались корпуса медицинского и зооветеринарного институтов, и студенческая молодежь активно дружила между собой. В педагогическом институте в основном обучались девушки, а в зооветеринарном – преимущественно юноши, приехавшие из аулов. Будущие ветеринары часто ходили на вечера в пединститут, составляя сильную конкуренцию для парней из медицинского института. Но девушкам из пединститута почему-то больше нравились медики.

Почти за два часа до новогоднего бала мы втроем направились пешком через Иртыш по заснеженным сугробам, из которых торчали ледяные заторы. Временами путь пролегал по проложенной пешеходами дорожке. Мы поеживались от холодного ветра, всегда дувшего на реке. Я старался бодро шагать в своих осенних туфлях на тонкой подошве, в которых было удобнее танцевать. У Раи и Нагимы на ногах были валенки, а сменную обувь (модные туфельки на каблучках) они захватили с собой. Сестра предложила мне надеть черную вельветовую куртку, очень модную в те годы. На мне была белая рубашка с отложным воротничком, хо-

рошо контрастировавшая с черной курткой. Рая принарядилась в свое любимое светло-синее платье с белыми горошинами. Выглядела она великолепно. Ее длинные черные косы достигали колен. Большие темно-карие глаза и длинные брови, изогнутые дугой, подчеркивали облик красивой восточной девушки. У нее была тонкая, изящная фигура и стройные ножки. Великолепно смотрелась и Нагима. Ее светлые волосы были заплетены в коротенькие косички и прекрасно гармонировали с карими глазами и светлой кожей лица.

Возле просторного холла главного корпуса института стали собираться студенты. Они шумно и весело обсуждали какие-то вопросы. Некоторые пары уже танцевали и лихо кружились в быстром темпе вальса под звуки духового оркестра. Руководил оркестром дирижер, одетый в черный смокинг. Во время бала звучали известные старинные вальсы, великолепно исполнявшиеся духовым оркестром.

Чувствуя мое смущение и волнение, Нагима взяла инициативу на себя и повела в центр зала. На ухо шепнула: «Будь смелее, главное, не наступай на мои ноги». Первый выход на танец прошел, на мое удивление, удачно – конечно, благодаря репетициям и урокам. Сестру на танец постоянно приглашали молодые кавалеры. У меня это вызывало чувство гордости. Она имела большой успех. По-моему, многим сокурсникам она нравилась. В перерыве между танцами к нам подходили молодые студенты. Сестра знакомила меня с ними и с гордостью говорила, что это ее братик, выпускник школы, будущий студент-медик. Услышав, что я еще школьник, они делали снисходительный поклон, произносили с иронией:

– Привет, школьник!

И приглашали на танец мою партнершу.

Первый студенческий новогодний бал оставил сильное впечатление. Я решил, что должен непременно поступить в институт и начать, как мне тогда казалось, беззаботную студенческую жизнь.

Наступила долгожданная пора окончания учебы в школе. Мы с нетерпением ждали выпускного бала.

Школьный вечер начался в торжественной обстановке. Под звуки оркестрового марша нам вручили аттестаты зрелости. Директор школы (бывалый фронтовик) Юрий Иванович Филимонов впервые надел перед нами свои боевые ордена и медали. Он произнес теплые напутственные слова.

На выпускном вечере наш духовой оркестр часто играл школьный вальс. Я уже смело приглашал на танец девчонок. Вальсировал хорошо, на что обратили внимание мои одноклассники. Услышав от них приятный отзыв, я с гордостью сказал, что моим первым учителем танца является моя сестра, старшекурсница филологического факультета педагогического института.

Выпускной бал по случаю окончания школы оставил в нашей памяти чудесные воспоминания, какие оставляют незабываемые дни юности. Мы отчетливо сознавали, что уже находимся на пороге зрелости и следует определяться с выбором будущей профессии.

Мое решение о выборе специальности созрело уже давно, когда еще учился в девятом классе. Поводом стал несчастный случай, произошедший на тренировке в спортивном зале школы. Я посещал секцию спортивной гимнастики, имел определенные успехи. Однако слишком самоуверенно, без подстраховки, начал выполнять новый комплекс упражнений на турнике. При соскоке я упал, получил серьезную травму головы и даже на короткое время потерял сознание. Произошло это весной, в начале четвертой четверти. Мне пришлось

из-за полученной травмы больше месяца находиться на постельном режиме. После травмы начали беспокоить головные боли, родители водили на консультации к различным светилам медицины. Поэтому я твердо решил стать врачом.

Мои неразлучные друзья Болат и Нургазы тоже решили поступать в медицинский институт. Не раздумывая мы втроем подали документы на лечебный факультет Семипалатинского государственного медицинского института. В нашем городе институт был открыт еще в начале 50-х годов прошлого столетия.

По совету моей старшей сестры Раи, которая уже проходила этот сложный и ответственный этап при поступлении в педагогический институт, мы стали готовиться к вступительным экзаменам с особым усердием. Это было обусловлено, прежде всего, большим конкурсом среди абитуриентов, подавших документы в медицинский институт.

В те годы для выпускников городских школ без трудового стажа, согласно существовавшим правилам, по лимитированной квоте выделялось ограниченное количество мест. Значительные преимущества и льготы при зачислении имели лица, отработавшие на производстве не менее двух или трех лет. Без конкурса в институт зачислялись демобилизованные из Советской Армии. Льготы также имели абитуриенты, окончившие школу в сельской местности. Особой привилегией пользовались дети чабанов отгонного животноводства, окончившие среднюю школу в отдаленном ауле. По-видимому, это решение государственных органов было справедливым и верным, так как многие выпускники медицинских вузов, выходцы из села, возвращались на работу в сельские участковые больницы, где в те годы ощущался острый дефицит врачебных кадров.

Члены приемной комиссии четко и доходчиво разъясняли всем поступавшим абитуриентам городских школ, не имевшим трудового стажа, что конкурс среди них будет самый высокий. Действительно, в те годы на одно место претендовали пять выпускников.

Вступительные экзамены все абитуриенты, в том числе и медалисты, окончившие школу с золотой и серебряной медалью, сдавали по четырем предметам. Однако при равном количестве набранных баллов преимущество при зачислении имели медалисты.

Письменный экзамен сдавали по русскому языку и литературе. Выпускники русских школ писали сочинение, а лица, окончившие национальную школу, диктант. Остальные профильные предметы – биологию, химию и физику – сдавали устно.

На лечебном факультете первый экзамен был письменный (сочинение или диктант). Как правило, уже по итогам письменных экзаменов многие получали неудовлетворительные оценки, т. е. двойки. Таким образом, в первом туре происходил значительный отсев абитуриентов.

Письменный экзамен мы преодолели успешно, каждый получил за сочинения по четверке. Следующим по расписанию стояла химия. За экзамен по химии мы не волновались, так как были уверены в знании этого предмета. В школе химию нам преподавал весьма строгий и требовательный учитель Василий Иванович Волков. В городских олимпиадах по химии наша школа постоянно завоевывала призовые места. Василий Иванович был педагогом высочайшей квалификации с университетским образованием. Он очень любил свой предмет и старался всем ученикам дать глубокие знания. Поэтому по химии на вступительных экзаменах все трое получили отличные отметки.

Оставшиеся два экзамена – биологию и физику – Болат и Нургазы сдали на четверки. Набрав необходимые пороговые баллы, они были зачислены в институт. По биологии я тоже получил четверку. Однако меня подкачала физика. Принимал экзамен по физике Ваксман, работавший ассистентом на кафедре физики в Семипалатинском медицинском институте. Он поставил мне тройку, поскольку я недостаточно ответил на вопрос о законе Джоуля.

До проходного балла я не дотянул и мое зачисление было под вопросом. Придя домой, с досадой раскрыл учебник физики и несколько раз перечитал злополучный закон Джоуля. Оказалось, что основная суть закона заключена в сохранении энергии при низких температурах. Он изучал электромагнитные колебания при низких температурах и вывел эквивалент сохранения тепла в единицах Джоуля. Путем математического расчета он определил, что $1 \text{ Дж} = 0,2388 \text{ калориям}$.

На экзамене Ваксман упрекнул меня и наставительно сказал:

– Молодой человек, должен отметить, что для науки и практики особое значение имеет знание закона Джоуля. Запомните, Джеймс Прескотт Джоуль являлся известным английским физиком с мировым именем. Ученый состоял членом Королевского общества и сделал много открытий в области ферромагнитных колебаний.

Приемная комиссия посоветовала до окончательного вердикта конкурсной комиссии не забирать документы, так как возможно было выделение дополнительных мест.

И действительно Министерство высшего и среднего специального образования (так тогда именовалось нынешнее Министерство образования и науки) решило выделить дополнительные резервные места нашему институту за счет неиспользованных квот других вузов.

О возможности зачисления в институт по дополнительным местам я рассказал маме. Получив такую важную информацию, которая подогрела ее мечту, мама решила приложить все возможные усилия. Она каждый день с раннего утра и до позднего вечера обивала пороги мединститута, чтоб попасть на прием к ректору Чувакову.

Наконец мама добилась встречи с руководством вуза, ее принял декан лечебного факультета Исаак Монсеевич Турецкий. Профессор Турецкий, к неопишуемой радости мамы, положительно решил вопрос. По выделенной дополнительной ректорской квоте я был зачислен студентом.

После первого зимнего семестра все зачеты и экзамены я сдал на пятерки. Однако мне предстояло еще целых шесть лет упорно трудиться, грызя гранит науки, чтобы стать хорошим специалистом и достойно нести факел Гиппократата.

На первом курсе мы продолжали изучать химию и физику. С преподавателем физики Ваксманом, принимавшим у меня вступительные экзамены, мы подружились. Спустя много лет, когда я уже возглавлял отдел науки в Министерстве здравоохранения, мы вновь встретились. Он обратился ко мне с небольшой просьбой, которую я с большой радостью выполнил.

Теперь, спустя более полувека, в памяти ярко всплывают незабываемые дни, связанные с первым посещением занятий в медицинском институте. Некоторые воспоминания сохранились в мельчайших подробностях.

После зачисления в институт нас предупредили, чтобы мы явились в учебную часть не позднее чем за неделю до начала занятий, чтобы получить расписание. Прибыв к назначенному сроку, прочитал на доске

объявлений информацию, что все студенты практические занятия и лекции должны посещать только в медицинских халатах. Оставалось несколько дней и нужно было срочно достать медицинские халаты.

Как всегда эту заботу взяла на себя мама. Она попросила нашу знакомую тетю Дусю, хорошую портниху, обслуживавшую всех соседей в округе, срочно пошить для меня два медицинских халата с колпаками.

В отглаженном и накрахмаленном белоснежном халате и вышитыми на верхнем кармане инициалами «ТРК» я выглядел как настоящий прилежный студент-медик, готовый познавать премудрости медицины.

Меня определили в первый поток. Уже в восемь часов утра начинались лекции, а с двенадцати часов — практические занятия. С первых недель наш поток приступил к изучению анатомии.

Запоминающимся и особенно волнительным был первый день. Практические занятия начали с освоения азов анатомии. В анатомическом классе стояли длинные столы, за которыми разместились наша шестая группа из пятнадцати человек. Причем ребят было всего пятеро. Старший преподаватель анатомии Зинаида Александровна Потемкина, весьма строгая на вид женщина, приказала лаборантке кафедры разложить на столе кости позвонков. Запомнилось ее образное высказывание: если говорят, что театр начинается с вешалки, то изучение медицины начинается с анатомии.

Опытный педагог Зинаида Александровна требовала от студентов изучать латинский язык, заставляла все анатомические названия запоминать на латыни. Уже на первом занятии она проводила урок по анатомии, используя латинскую терминологию. Хорошо помню, как она отчетливо произнесла на латыни:

– Vertebrae prominentae – это шейные позвонки; vertebrae thoracalae – грудные позвонки; vertebrae lumbarae – так называются поясничные позвонки.

Далее Зинаида Александровна стала пояснять, что учение о костях означает «osteologiae», оно происходит от слова «ostea» – кость и окончания «logos» – учение. Сделав паузу, она твердо заявила:

– Усваивать анатомические названия и термины вы будете только на латинском языке.

В этот день я впервые взял в руки шейный позвонок человека и дрожащими пальцами стал изучать отростки позвонка и его бугорки. Искоса поглядывая на моих коллег-студентов, невольно отметил, что и они с дрожью в руках рассматривают кости позвонков. Мой сокурсник, сидевший рядом, шепотом задал, наклонив голову, риторический вопрос:

– Интересно, кому принадлежали эти позвонки, мужчине или женщине?

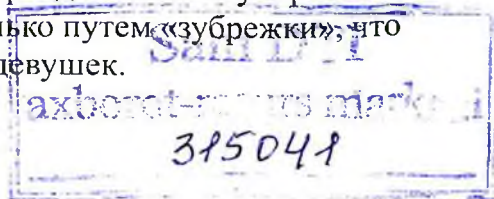
Дать правильный ответ, конечно, было невозможно. Однако в связи с заданным им вопросом вдруг по аналогии вспомнился эпизод из величайшей трагедии Шекспира «Гамлет» – диалог Гамлета с могильщиком. Взяв в руки череп, обнаруженный при раскопке могилы, могильщик многозначительно произнес:

– Эта голова когда-то принадлежала королевскому шуту Йорику!

На что принц датский с горькой иронией ответил:

– Увы, мой бедный и любимый Йорик!

Почти месяц мы изучали сложную анатомию костей скелета человека. Большую сложность для запоминания многочисленных «foraminae» – отверстий в костях, в том числе в черепе, мы преодолевали с упорством. Иногда успех достигался только путем «зубрежки», что лучше получалось у наших девушек.

Лекционный курс по анатомии читал заведующий этой кафедрой, являвшийся одновременно деканом нашего факультета, профессор Турецкий. При нашем знакомстве на первой лекции он с гордостью заявил, что является учеником знаменитого анатома Воробьева. Его шеф был известным и крупным ученым, имел звание академика Академии наук Украинской ССР и заведовал кафедрой анатомии в Харьковском медицинском институте.

Турецкий любил свой предмет, читал лекции по анатомии блестяще. Он говорил, что анатомия не мертвая дисциплина, знания о ней необходимы всем врачам. Профессор с интересом рассказывал о своем выдающемся учителе Воробьеве, создавшем пятитомный атлас анатомии человека.

Мы с интересом восприняли историю о том, что академик Воробьев совместно с академиком Збарским разработал совершенно новый и уникальный метод сохранения тел умерших. На основании своих открытий они участвовали в бальзамировании тела Владимира Ильича Ленина, вождя пролетарской революции.

Профессор Турецкий в своих лекциях особо обращал наше внимание на то, что анатомическая специальность широкая, она связана с клиникой, имеется такое понятие, как клиническая анатомия, пластическая анатомия. Существуют аномалии развития и целый ряд особенностей анатомических структур.

Практическую анатомию мы изучали по учебнику, написанному академиком Владимиром Николаевичем Тонковым. По его учебнику более полувека обучалось не одно поколение медиков. Поэтому наш заведующий кафедрой профессор Турецкий рекомендовал изучать анатомию по учебнику Тонкова.

Лектор рассказывал интересные истории из жизни и деятельности академика Тонкова. Ученый был основателем Ленинградской школы анатомов. Еще до революции он возглавлял Императорскую военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Дослужился в советское время до звания генерал-лейтенанта медицинской службы. Будучи верующим в Бога, под страхом разоблачения, с большим риском для жизни сохранил тайно в своем анатомическом музее мощи православного святого Александра Свирского.

Через два месяца учебы, примерно в двадцатых числах ноября, нас шокировали известием, что по особому решению государственных органов первокурсников всех трех институтов города Семипалатинска – нашего, педагогического и зооветеринарного – отправляли на уборку хлопка в Узбекистан.

Оказывается, в тот год в Узбекистане был выращен громадный урожай хлопка, который хлопкоробы и узбекские дехкане не могли убрать своими силами. Почти более половины урожая хлопка оставалось на полях, что угрожало его потерей. Под уже начавшимися осенними дождями хлопок на полях начал гнить, что могло привести Республику Узбекистан к серьезным экономическим потерям. Учитывая это, все соседние республики, в том числе и Казахстан, решили помочь братскому Узбекистану и направили всех первокурсников высших и средних специальных учебных заведений на уборку хлопка.

На сборы нам дали всего два дня. Наши кураторы предупредили, что предстоит дальняя дорога. Время в пути на поезде до столицы Узбекистана Ташкента более двух суток, поэтому рекомендовали запастись провизией.

Мой близкий отъезд сильно встревожил маму. Впервые ее сын уезжал из дому в такой далекий путь, за пределы Казахстана. Мама с особой тщательностью стала собирать меня в дорогу. Разыскала большой папин солдатский рюкзак, который он привез после окончания войны.

Фронтовой рюкзак сохранился в добротном состоянии, правда изрядно выцвел. Мама положила в него теплую телогрейку, легкое шерстяное одеяло. Несмотря на мои категорические возражения, она приготовила много провизии и стала ее раскладывать по свободным местам и углам рюкзака, заявив, что эти продукты не испортятся от долгого хранения. Она завернула в специальную пергаментную бумагу различные сорта копченых колбас, в том числе мой любимый сервелат, несколько рулонов охотничьих колбасок, по две банки варенья и сгущенного молока, печенье и другие сладости. По поводу такого количества еды я выразил несогласие, но мама настояла на своем. Ее мудрые советы оценил, когда пришлось поголодать во время работы на хлопковых плантациях. Кормили нас плохо, еда была однообразной и состояла в основном из макарон по-флотски с микроскопическим количеством мясного фарша неизвестного происхождения. По субботам в качестве праздничной еды нам давали рисовую кашу.

Выехали из Семипалатинска организованно, специальным эшеленом, состоявшим из плацкартных вагонов. Каждый вуз имел свои прикрепленные вагоны. В этих же вагонах вместе с нами ехали преподаватели. Практически на уборку хлопка отправили весь первый курс, за исключением нескольких студентов, освобожденных от физических нагрузок по состоянию здоровья. В частности, не смогла поехать Света Аранзон, с которой я подружился с первых дней учебы. Она стра-

дала сложным заболеванием глаз – астигматизмом – и имела большую степень близорукости.

В поезде было весело, все шутили, пели под гитару, рассказывали смешные истории, анекдоты из студенческой жизни. В своем вагоне я познакомился с миловидной и очаровательной девушкой, звали ее Назира, а ее подруга назвалась почему-то русским именем Шура, хотя по национальности была казашкой.

Назира покорила меня своей обаятельной улыбкой, достойными манерами, интеллигентной внешностью. Тонкие черты лица и красивая, стройная фигура придавали ей особую привлекательность. В ней все было гармонично. Во время одной нашей непринужденной беседы я как бы шутя отметил:

– Назира! Ни разу я тебя не видел на лекциях, может быть, ты просто их просыпаешь?

Нисколько не обидевшись, она шутливо ответила, что мне надо лучше смотреть. По правде говоря, я и не мог ее видеть на лекциях, поскольку она училась на втором потоке в четырнадцатой группе и наши расписания не совпадали.

Девушка рассказала, что родом из Восточного Казахстана, родители живут в городе Усть-Каменогорске, папа работает редактором в областной газете. Я сразу почувствовал, что она выросла в семье советских интеллигентов. Увлекалась литературой, в школе посещала секцию спортивной гимнастики, даже имела по ней спортивный разряд.

В той нашей дружеской беседе активно участвовала и ее подруга Шура, находясь с нами в тамбуре вагона. В это время я держал левой рукой входную дверь в вагон, не думая о возможности травмы кисти. Так и случился несчастный случай. Один из студентов, не видя, что я держусь за косяк двери, сильно ее захлопнул и

прищемил мизинец на левой руке. От боли я застонал, из глаз покатались слезы, а из пальца хлынула кровь. Все сбежались на зов девушек о помощи.

Туго перевязали бинтом рану, попросили пошевелить пальцем, это у меня получилось. Тогда меня успокоили, сказав, что перелома нет, только рваная рана. Мои однокурсники, вспомнив известную в народе поговорку, сказали:

— Бывает и похуже, до свадьбы заживет.

Девочки с сочувствием отнеслись к моей травме, особенно Назира. Этот случай стал как бы поводом для нашей дружбы, и после возвращения в институт мы продолжили наши встречи. Мизинец зажил уже через три дня, однако остался рубец, сохранившийся и по сей день.

Наш эшелон с многочисленными остановками проехал за сутки около тысячи километров, делая вынужденные остановки на всех разъездах и маленьких станциях, пропуская все встречные поезда. Утром, около десяти часов, состав доехал до Алма-Аты. Погода, несмотря на глубокую осень (конец ноября), была чудесной. Ярко светило солнце, согревая теплом пассажиров и жителей города, которые ходили в легких плащах или костюмах.

Мы выбежали из вагонов на перрон вокзала. Повсюду встречались торговцы с ведрами и предлагали купить по низкой цене алмаатинский апорт. Цены даже для нас, студентов, казались смешными и совсем низкими. Ведро яблок предлагали за пятьдесят копеек (в ценах до первой послевоенной денежной реформы). Мы набрали по несколько ведер яблок, и весь наш вагон пропитался особым приятным ароматом. Тогда широко славился этот великолепный сорт яблок, выращенный в горах Заилийского Алатау. Иногда встречались особе

крупные плоды апорта, достигавшие величиной головы новорожденного.

Почти через двое с половиной суток после выезда из Семипалатинска мы ранним утром прибыли в столицу Узбекистана. В те времена железнодорожный вокзал Ташкента был самым большим и современным в республиках Средней Азии. Мы впервые прошли пешком по широкому туннелю и череде подземных переходов, ведущих к многочисленным железнодорожным путям и к выходу в город. Наш эшелон встретили представители советских и партийных органов Пахта-Аральского района, крупного хлопководческого хозяйства. До приезда транспорта из районного центра нам разрешили не более трех часов осмотреть центр Ташкента, строгой-ше предупредив не задерживаться дольше назначенного времени.

В конце 50-х годов прошлого столетия Ташкент очень отличался своим восточным колоритом. Центр города имел красивые архитектурные здания, вид которых украшали пирамидальные тополя, густые кустарники, южные породы деревьев. Однако в старой части города мы увидели узкие улочки, одноэтажные глиняные дома с высокими заборами, которые называют дувалами. Со стороны проезжей части улицы дома были без окон. В таких домах окна выходили во двор.

К назначенному часу все были в сборе. Нас посадили в американские грузовики, переоборудованные для перевозки людей, и большой колонной машины двинулись в путь.

Приехали в совхоз перед закатом солнца, устроились в бараках. В помещении было довольно прохладно, поскольку бараки не отапливались, и я был благодарен за предусмотрительность мамы, обеспечившей меня теплым шерстяным одеялом.

Рано утром нас разбудили на завтрак и сообщили, что через час выйдем на поля убирать хлопок. На обед отводился один час, затем нужно было продолжать работу почти до заката. Установили определенную норму, каждый должен был собирать в день не менее 60 килограммов хлопка. В первые дни норму выполнить удавалось не каждому, от непривычной позы ныла спина, пальцы были ободраны.

Собирать хлопок в неблагоприятных погодных условиях всегда сложно. Осенью часто идут дожди, от которых хлопковое поле превращается в месиво грязи, которая прилипает к обуви. К тому же в середине декабря начались заморозки, приходилось работать в перчатках, что снижало производительность труда. Поэтому руководство хлопкового хозяйства решило, что дальнейшее пребывание студентов на уборке хлопка нецелесообразно. Было принято решение отправить нас домой, чему мы были несказанно рады. К сожалению, на хлопковых полях еще осталась значительная часть несобранного урожая.

В институте преподаватели увеличили количество часов на занятиях из-за отставания от программы. И все же первый курс был успешно преодолен. Однако нам предстояло еще пять лет упорно трудиться, чтобы оправдались наши надежды стать врачами.

Заканчивалась моя юношеская пора, счастливые дни молодости, о которых теперь вспоминаю с особой теплотой.

ВЕРШИНА СЛАВЫ ТЕТИ МАРЗИИ

Мы относимся к роду найманов. Согласно древней легенде, у Наймана было семь сыновей, однако шестеро из них умерли в раннем возрасте и остался единственный сын Токпан. Отец женил его на знатной дочери среднего рода Аксулу (в переводе с казахского языка «белая красавица»). Однако и единственный сын через год после свадьбы умер, оставив красавицу жену вдовой в восемнадцатилетнем возрасте.

Мудрая невестка Аксулу стала сильно горевать, поскольку ее тесть остался без наследства и продолжателя рода. Дождавшись церемонии годовщины со дня смерти единственного наследника Токпана, шестеро сыновей старшего рода аргын стали поочередно свататься к красавице Аксулу. Однако она отклонила все предложения сватов и гордо заявила, что не может оставить седовласого старца одного, стоящего на пороге смерти. Поэтому она должна лично отправить его в последний путь. И тогда сваты на время покинули ее жилище.

Воспользовавшись предоставленной отсрочкой, она поехала в свой родной аул. Там засватала молодую дочь богатого бия (судьи) в качестве невесты дедушки. Аксулу дала мудрый совет своей будущей «невестке-

матери», что лаской и женским обаянием она сможет возбудить мужскую силу супруга и тогда Бог даст ему долгожданного наследника.

«Невестка-мать» точно исполнила все сказанное и, к великой радости деда, родила ему сына, которого нарекли Белгибаем. Через год, в возрасте девяноста лет, умер Найман, и тогда Аксулу дала обет перед Богом, что сама воспитает его наследника. Дождавшись совершеннолетия Белгибая, мудрая женщина в возрасте тридцати семи лет вышла замуж за сына Наймана, фактически сводного брата ее покойного мужа. Она родила Белгибаю двух сыновей. Так сохранился и продолжился род.

Одним из ведущих родовых колен найманов стал известный род найман-бура, от которого пошла следующая родовая ветвь келдыгул, представителями которой являемся мы с тетей Марзией.

Марзия родилась в городе Аягузе Семипалатинской области. Тогда это был большой районный поселок, быстро разросшийся благодаря узловой железнодорожной станции, через которую проходила знаменитая Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль.

Отец тети, Нурмагамбет-ага, умер вскоре после ее рождения. Удочерил тетю младший брат ее отца Ахметжан. Фактически он стал ее родным отцом, проявляя все годы истинную заботу, безмерную любовь, прилагая все силы, чтобы она выросла достойной наследницей. Его надежды оправдались. Успехи Марзии он успел увидеть еще при жизни.

Ахметжан-ага родился в степном ауле еще в начале XX века, а если быть точным, то, по воспоминаниям его родственников, осенью 1901 года, в восьмом ауле от поселка Жарма Семипалатинской губернии. В юности стал свидетелем Великой Октябрьской революции

и прихода новой власти в его родной аул. В молодые годы вступил в партию большевиков. Трудовую деятельность начинал рабочим Риддерского рудника. Затем включился в эпохальную стройку того времени – сооружение Турксиба – и стал здесь одним из первых героев труда, добившись невероятного рекорда на прокладке железнодорожного полотна: более трех километров пути в день.

Почти тридцать лет, до самого выхода на заслуженный отдых, проработал он железнодорожником. В середине 80-х годов прошлого столетия перестало биться сердце ветерана труда, которому исполнилось восемьдесят пять лет. Он был удивительным человеком, добрым и мудрым. Аксакал обладал чудесным даром искреннего общения с детьми, умел проявлять особое чувство любви ко всем окружающим. В его характере и манере поведения всегда ощущалось стремление нести близким добро. За незабываемые годы общения с ним я ни разу не видел его сердитого взгляда или проявления недовольства. Он всегда улыбался при встрече, учтиво интересуясь состоянием моего здоровья. Конечно, он был выдающейся личностью. С его именем связана эпохальная стройка прошлого века, он одним из первых казахов принял участие в строительстве Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали (Турксиб). За рекордные показатели в строительстве в 1931 году был удостоен высокой награды Родины – Ордена Трудового Красного Знамени.

Детство Марзии проходило в самый тяжелый период становления Казахской Республики. В 30-е годы прошлого столетия в нашей стране люди умирали от голода и болезней. В результате необдуманной политики нерадивого руководителя, тогдашнего первого секретаря компартии республики господина Голощекина (эта

фамилия точно подходит под его отрицательный образ), среди казахов начался массовый голод, поскольку в селах и аулах у населения поголовно забирали скот. Повсеместно проводилась насильственная коллективизация, был полностью ликвидирован средний класс имущих людей, осталась одна беднога. Люди с трудом выживали, многие бежали в соседний Узбекистан, а часть населения эмигрировала через границу в Китай.

Буквально через три-четыре года после ужасного лихолетья и голодомора, начиная с 1937 года, участились массовые аресты безвинных людей. Многих сажали в тюрьмы просто по оговору, а оговаривать их заставляли других несчастных, арестованных тоже без всякой вины. В результате сталинских репрессий Казахстан превратился в большой концентрационный лагерь с печально известными «Карлагом» в Караганде и «Алжиром» в Акмоле. В этих тюрьмах отбывали наказание лучшие представители казахской интеллигенции и ссыльные со всего Союза.

В таких суровых условиях прошло детство того поколения. Когда тетя Марзия окончила начальную школу, началась Великая Отечественная война, принесящая многим семьям горе и обрекая страну на новые тяжелые испытания.

В те годы школьники наравне со взрослыми трудились в тылу, по мере сил помогая приближать долгожданную победу над фашистской Германией. После разгрома немецких оккупантов население нашей страны свободно вздохнуло от изнурительной войны и принялось восстанавливать народное хозяйство. Однако страна еще залечивала раны, не хватало продуктов питания, которыми людей обеспечивали по карточной системе. Но крепка была вера в светлое будущее, и мо-

лодежь стремилась учиться дальше после окончания школы, выбирая полюбившиеся профессии.

Тетя Марзия, как и многие ее сверстники, мечтала о профессии педагога, чтобы нести в народ свет знаний. Она много читала, увлекалась филологией и решила учиться в Ленинграде. После окончания средней школы с отличием она поступила на восточный факультет Ленинградского государственного университета, выбрав отделение арабского языка. Учеба давалась ей легко, уже в студенческие годы она свободно владела сложной арабской лингвистикой, блестяще выполняя курсовые задания и научные рефераты. В свободное время, обладая прекрасным голосом, музицировала, великолепно исполняла казахские народные песни. По-видимому, этот талант затем передался по наследству ее дочери, которая выбрала профессию музыканта.

После окончания Ленинградского университета она в течение трех лет трудилась старшим научным сотрудником в архивном управлении Казахской ССР, одновременно совмещая эту деятельность с педагогической работой в Алма-Атинском педагогическом институте (ныне университете) имени Абая Кунанбаева.

В 1958 году тетю Марзию пригласили на работу в старейшее высшее учебное заведение страны – Казахский Государственный университет имени С.М. Кирова (ныне Казахский Национальный государственный университет имени аль-Фараби), сначала в качестве ассистента, а затем старшего преподавателя и доцента. За сорок лет работы в авторитетнейшем университете республики она прошла славный путь от ассистента до профессора и заведующей кафедрой. За эти годы профессор передала свой богатый опыт педагогического мастерства и глубокие знания по арабистике целому поколению молодых специалистов. Ее прекрасные лек-

ции и семинарские занятия прослушали десятки тысяч студентов.

Наряду с педагогической деятельностью тетя Марзия вела также интересную научную работу. Быстро защитила кандидатскую диссертацию по исследованию средневековых памятников, изложенных на арабском языке, по тюркской грамматике. Тщательно изучила творчество *Абу Хайян ат-Таухиди* – арабского философа, поэта, популяризатора знаний и блестящего стилиста, которого его современники называли «литератором среди философов и философом среди литераторов». По итогам этих и других научных изысканий она издала фундаментальные монографии, учебные пособия для университетов и методические разработки для учителей средних школ. Возглавляемая ею кафедра за последние двадцать лет подготовила более четырехсот специалистов по арабской философии и филологии, а также современной истории арабских стран.

С особой гордостью хочется отметить, что ее глубокие знания арабской письменности и филологические исследования стали важным подспорьем для литературного творчества известных писателей нашей республики. В частности, с благодарностью о ее роли вспоминают знаменитые казахские писатели Абиш Кекильбаев, Музафар Алимбаев, Мухтар Магауин, Султан Оразалин, Дукенбай Досжан, Рынгали Нурғалиев и многие другие.

Моя тетя являлась яркой представительницей казахской интеллигенции, всю свою творческую жизнь достойно неся факел знаний людям нашего поколения.

Удивительно сложилась ее семейная жизнь. Ее супруг Яхья Аубакирович Аубакиров был выдающимся ученым, имел высокое научное звание академика Национальной академии наук Казахстана. Он создал осно-

ву казахстанской экономической науки. В то же время это был удивительно простой и приятный в общении человек. Его прямодушные, откровенность и человеческое обаяние притягивали к нему многих людей. Мне крупно повезло общаться с дядей Яхьей долгие годы, когда я еще начинал учиться в аспирантуре. Его пример и мудрые советы помогли мне в дальнейшей творческой работе. Все эти годы я с теплотой вспоминаю наши встречи, с какой-то щемящей тоской осознаю, что их уже больше не будет. Однако добрые дела, которые оставили после себя тетя Марзия и дядя Яхья, долго будут жить в наших сердцах, и особенно в памяти их прекрасных наследников.

Дядя и тетя вырастили и воспитали замечательных и талантливых детей. Их дочь Жания стала, не побоюсь этих слов, культурным достоянием Республики Казахстан. Жители нашей страны по праву гордятся ею, величайшей пианисткой эпохи. Она является лауреатом многих престижных премий мировых музыкальных конкурсов. Можно долго перечислять достижения Жании как прекрасного профессора, педагога, ректора консерватории, лауреата Государственной премии и т. д.

Младшая дочь Жанар и сын Канат пошли по стопам отца и стали учеными в области экономики.

Мне особенно приятно говорить и писать о яркой судьбе и достойно прожитой жизни моих родственников – тети Марзии и дяди Яхьи, которыми я очень горжусь. Вечная им слава!

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ ДОКТОРА КУЧЕНЕВА

В глубокой тишине зарождающегося дня, изредка нарушаемой проезжающими на большой скорости машинами, спешившими, видимо, в аэропорт, я шагал на прогулку по еще окутанным сном улицам. Мой напряженный взор задерживался на каждом здании, кое-где в окнах жилых домов теплился зажженный свет. С севера на городские улицы дул сырой, холодный ветер, наполняя воздух частичками пыли и местами рассеивая утренний туман.

Через некоторое время туман полностью растаял и на небе появились снопы желтого цвета. Солнечные лучи пробили дымку на небе, и все как будто ожило. Поток машин увеличился, воздух стал пропитываться гарью, и я заспешил домой.

Утром, на свежую голову, вот уже многие дни делаю записи воспоминаний о безвременно ушедшем из жизни незабвенном друге, коллеге-отоларингологе Юрии Алексеевиче Кученеве. В памяти, как вспышки молний, предстают события прошлых лет. Наша дружба продолжалась почти сорок лет, начавшись еще в 70-е годы прошлого столетия. Сегодня Юрия Алексеевича нет

среди нас, но его добрые дела остались в памяти многочисленных друзей.

Он был неординарной личностью. Пациенты, которых он успешно лечил, называли его не иначе как «мудрый доктор». Среди своих коллег он получил заслуженное признание, и многие врачи называли его народным академиком.

Достиг больших почестей Кученев только благодаря своему неустанному труду и преданной любви к профессии врача. За свою более чем сорокалетнюю врачебную деятельность он вылечил сотни больных, десяткам тысяч оказал неоценимую помощь.

В тот день, когда его родственники и друзья отмечали сорок дней со дня безвременной кончины Юрия, на поминки собрались сотни людей. Среди его друзей были люди различных национальностей. Звучали искренние и трогательные выступления узбеков, греков, казахов, киргизов, немцев, чеченцев, карачаевцев. Все отмечали, что он был подлинным интернационалистом.

В своих воспоминаниях о жизни моего друга, народного лекаря, человека с большим щедрым сердцем я попытаюсь, насколько это возможно, изложить некоторые этапы его жизненного пути.

К сожалению, при жизни многих достойных людей окружающие стараются не замечать их заслуг и только после ухода таланта в мир иной спохватываются, начинают рассуждать о непревзойденных качествах человека, обладавшего добрым сердцем и вместе с тем скромного по своей натуре.

Однако при наших встречах я постоянно говорил:
– Юра, ты талант и даже немножко гений!

Но он, обращая мои слова в шутку, отвечал:

– Ты мой друг, и тебе так кажется, другие думают иначе!

Печально бывает на душе у каждого, когда из жизни уходят близкие люди, друзья и соратники. Очень тяжело переносить такую утрату, особенно когда ты не ожидаешь внезапного траурного известия. Шокирующее известие я получил в среду, 16 марта 2011 года. В этот день я отдыхал вместе с семьей в санатории «Белокуриха» Алтайского края. Мне позвонила его супруга Елена и сообщила скорбную весть о внезапной кончине мужа. Сказала, что Юрий получал несколько месяцев химиотерапию при лечении рака, а в последние дни состояние его резко ухудшилось.

В суете повседневных будней в течение довольно долгого времени, почти три месяца, мне не удавалось позвонить Юрию в город Тараз. Там он работал в частной оториноларингологической клинике, которую возглавлял в течение десяти лет. Работа у него шла с большим успехом, и я полагал, что он очень занят, ему просто некогда со мной пообщаться.

Накануне нового 2011 года я готовился отметить свой семидесятилетний юбилей и позвонил на мобильный телефон Юрию, сообщив, что выслал ему приглашение на юбилейную конференцию, которая будет проходить в медицинском университете «Астана». В этом университете я работаю теперь заведующим кафедрой оториноларингологии после ухода с должности ректора медицинской академии.

На мой звонок Юрий ответил необычным, уставшим и печальным голосом, непривычным для него. Сообщил, что болен неоперабельным раком легкого, который, к великому сожалению, у него был обнаружен почти полгода тому назад.

Он принимал массивные дозы химиотерапии и сказал тихим голосом в трубку, как бы прощаясь:

– Извини, дорогой Райс Кажкенович, в таком состоянии приехать на твой день рождения не смогу. Передай, пожалуйста, привет всем знакомым и друзьям. Надеюсь, что коллеги достойно проведут твой юбилей.

Услышав от него такое неожиданное известие, я на какое-то время оцепенел, навалилась грусть и глубокая печаль, возникла какая-то щемящая боль в сердце, ощущение пустоты на душе. Еле сдерживая волнение, произнес в трубку, что не надо сразу опускать руки. Стараясь как-то утешить его, убедительно стал говорить об определенных успехах в области онкологии и имеющихся в настоящее время современных достижениях медицинской науки в лечении таких опухолей.

Под впечатлением от услышанного перед моими глазами пронеслись, как в калейдоскопе, события далекого прошлого. Вспомнились интересные эпизоды нашей сорокалетней дружбы. Обладая множеством достоинств настоящего мужчины, Юрий имел одну вредную привычку – много курил. Как-то в шутку он мне сказал:

– Начал баловаться папиросами еще с детского сада! – Однако потом добавил сокрушенно: – По правде сказать, начал курить в раннем юношеском возрасте, со школы, примерно с седьмого класса.

Возможно, эта вредная привычка и повлияла на причину возникновения у него рака легкого.

Мой друг много рассказывал мне о своей юности. Как-то на мой вопрос, почему он выбрал профессию врача, признался, что решающую роль сыграла его мама Клавдия Алексеевна, добрейшей души человек. Она часто хворала. Дети ее очень любили, особенно Юрий. Он относился к ней с особенным обожанием. Своего отца Алексея Петровича тоже любил, но побаи-

вался его строгого взгляда. Ему больше нравилась материнская ласка. Его братья и сестры, тоже обожая мать, с сочувствием относились к ней и старались взять на себя все домашние хлопоты.

Уже со старших классов Юра стал думать о профессии врача и после выпускных экзаменов сообщил родителям о своем намерении поступить в медицинский институт. Те очень обрадовались, особенно мама. Стали усердно готовиться к поступлению сына в институт, откладывая деньги для поездки Юрия в город Фрунзе – так называлась тогда нынешняя столица Кыргызстана Бишкек.

Что было особенного в биографии Юрия Кученева? Пожалуй, ничего. Родился он в небольшом селе Покровка Таласской области Киргизской ССР, где преимущественно проживали высланные в период Великой Отечественной войны поволжские немцы. Из-за этого местные жители в шутку называли Покровку «немецкой слободкой». Однако село было многонациональным: здесь жили дружной семьей русские, узбеки, корейцы, киргизы. В поселке часто устраивались сельские вечеринки после долгого трудового дня. Соседи в свободное от работы время навещали друг друга, разделяя сельские заботы и обсуждая последние новости.

Дружная семья Кученевых высоко ценила труд. Все работали с охотой, в соответствии с укладом сельской жизни – с самого раннего утра и до поздней ночи. Щедрая и плодородная земля давала богатый урожай овощей и фруктов. В домашнем хозяйстве, как и многие сельчане, они имели корову, свиней, кур и гусей и даже выращивали крольчат. Семья жила в достатке, в добротном доме и старалась подражать соседям-немцам, которые содержали свои подворья в идеальной чистоте и порядке.

Юрий вспоминал, что особенно ему нравился его родной поселок в вечернее время. Тогда они с мальчишками любили бегать по широким песчаным улицам, уже по вечерней прохладе, вдыхая ароматный ветерок, дувший с гор. По обеим сторонам улицы в строгом стройном порядке стояли кирпичные, а иногда и деревянные домики с причудливыми синего цвета ставнями.

У большинства сельчан подворье огораживали деревянные заборы с крепкими воротами, зеленели палисадники с высаженными вдоль дороги пирамидальными тополями, почти в каждом дворе имелись яблоневые посадки.

Широкая, почти безлюдная улица полностью была в распоряжении детей. Проезжавших по ней машин было мало, и детвора на дороге с азартом гоняла мяч, иногда резалась в русскую лапту. Играя с киргизскими мальчишками и водя с ними большую дружбу, Юра в совершенстве овладел киргизским языком. Так же хорошо он знал казахский и узбекский языки. Свободно владея тюркскими наречиями, он мог вести беседу на любые темы.

Все это очень пригодилось ему, когда он уже стал работать врачом.

Окончательно приняв решение после школы подать документы в медицинский институт, он стал усиленно готовиться к вступительным экзаменам. В первую очередь надо было основательно штудировать физику и химию, так как по расписанию они стояли первыми.

В школе он учился хорошо. По биологии и русскому языку в аттестате стояли пятерки. Полученные им в средней школе глубокие знания помогли выдержать вступительные экзамены. Однако еще до экзаменов среди абитуриентов поползли слухи, что в вуз будут зачислять в основном лиц коренной национальности.

Поэтому пришлось изрядно поволноваться, поскольку на одно место претендовали пять человек.

К счастью, он успешно преодолел конкурсный отбор и, окрыленный поступлением в институт, приехал домой, обрадовав родителей и прежде всего, конечно, маму.

Учеба в институте давалась ему легко. Однако еще на первом курсе с ним случился курьезный случай. Стремясь подражать друзьям-однокурсникам, он пропустил ряд лекций по истории партии, научному коммунизму и семинарские занятия. Многие студенты были убеждены, что будущим врачам необязательно знать научный коммунизм, поскольку этот предмет не имел какого-либо отношения к медицине.

Узнав о пропусках Юрия, куратор группы строго сказал ему:

– Кученев, ты способный юноша, память у тебя прекрасная, но позволяешь себе много озорства. Пора сознательно относиться к учебе, ты уже не школьник, а студент первого курса.

Этот укор педагога глубоко задел самолюбие Юрия, и ему стало неловко за свое поведение. Больше замечаний от преподавателей он уже никогда не получал.

Когда Юра перешел на старшие курсы и стал изучать клинические дисциплины, его увлекла хирургия. Стал посещать студенческий научный кружок. Вместе с другими членами этого кружка многие часы после занятий работал в виварии с животными. Совместно с преподавателем хирургии участвовал при операциях. Многие выпускники медицинских институтов, особенно юноши, после окончания вуза тогда выбирали специальность хирурга. Об этом мечтал и он.

Быстро пролетели студенческие годы. С этим прекрасным периодом жизни у него были связаны самые

лучшие воспоминания. Очарование первой романтической любовью уже с первого курса к своей сокурснице Галине оставило глубокий след на всю жизнь. Их взаимная дружба переросла в большую любовь. Он с нетерпением ждал своего счастливого дня. Галя с удовольствием приняла его предложение, и они поженились не дожидаясь окончания учебы.

На шестом курсе, за год до окончания института, состоялась скромная студенческая свадьба. Через год родилась дочь Алена, вслед за ней с годовым интервалом появился на свет сын Игорь. Молодая семья была безмерно счастлива, взаимная любовь и общие интересы скрашивали трудные условия жизни молодых. Они и не замечали особых неудобств быта. Все невзгоды преодолевали вместе.

После окончания лечебного факультета Киргизского государственного медицинского института Юрия направили в Ленинопольскую районную больницу, где он начал работать врачом-хирургом. Однако в районном центре не было специалиста-отоларинголога, и ему предложили поработать ЛОР-врачом.

Его направили для прохождения первичной специализации в город Фрунзе, на кафедру болезней уха, горла и носа Киргизского государственного медицинского института, руководимого в те годы профессором Василенко.

Новая специальность пришлась Юрию по душе, и он полюбил оториноларингологию. Проработав более двух лет в районной больнице, он быстро овладел практическими навыками малой хирургии в области оториноларингологии. В условиях районной больницы оперировал больных (взрослых и детей) с хроническим тонзиллитом и аденоидами, проводил радикальные операции при хронической гнойной патологии средне-

го уха, удалял инородные тела из верхних дыхательных путей.

За два года самостоятельной работы на селе он получил хорошую хирургическую практику и решил дальше совершенствовать свои практические навыки в условиях большого города. Вместе с супругой они решили переехать в Джамбул, уже тогда известный в Союзе как один из крупных индустриальных областных центров юга Казахстана.

Теперь город второй раз переименован и получил свое первоначальное название Тараз. В давние времена через него проходил знаменитый Шелковый путь. Однако древний город был полностью разрушен. В начале прошлого столетия на том же месте появился совершенно новый город, названный горожанами Аулие-Ата, что переводится как «святой отец».

После прихода советской власти ее идейные руководители усмотрели в названии города оттенок религиозности, и в 40-е годы прошлого столетия город был переименован в Джамбул – в честь известного казахского акына Джамбула Джабаева. С обретением республикой суверенитета областной центр стал Таразом, а область сохранила свое прежнее название – Жамбылская, с учетом казахской транскрипции без буквы «Д» в начале.

Юрий устроился на работу заведующим оториноларингологическим отделением при первой городской больнице. В те годы население Джамбула составляло около двухсот тысяч человек. Экономика города базировалась на развитой промышленности, химических предприятиях.

Одним из крупнейших являлся суперфосфатный завод, а в конце 70-х годов был сдан в эксплуатацию Ново-Джамбульский фосфорный завод, выпускавший желтый фосфор и минеральные удобрения. Это хими-

ческое предприятие являлось одним из крупнейших фосфорных заводов, и не только в союзном масштабе. Возводили завод всей страной. Среди строителей было много молодежи, в том числе работали и условно освобожденные. Фосфорное сырье для завода доставлялось из близрасположенных рудников. Были освоены новые богатые месторождения фосфорных руд Каратау и Жана-Тас, где быстро выросли поселки городского типа. На рудниках тоже в основном работала молодежь.

В городские больницы Джамбула часто доставляли рабочих с травмами головы и шеи, переломами носа. Нередко попадались пациенты с огнестрельными ранениями головы, лица. Все это требовало от бригад скорой и неотложной помощи быстрой доставки больных в городские и областные клиники Джамбула. Поэтому работы врачам хватало, особенно хирургам и отоларингологам. Первая городская больница являлась практически самым крупным многопрофильным медицинским учреждением города, а его оториноларингологическое отделение было единственным в области.

Поэтому в ЛОР-отделение городской больницы привозили пациентов из всей области, в том числе из сельской местности и поселков городского типа. Первая городская больница в последующем была реорганизована в больницу скорой и неотложной медицинской помощи. Главным врачом был назначен хирург Мун, очень опытный клиницист и хороший организатор здравоохранения. Юрий многому у него научился. В конце семидесятых годов Мун пригласил его своим первым заместителем по хирургической службе, и уже к 1980 году ЛОР-отделение больницы было расширено до семидесяти коек.

Юрий с головой окунулся в интересную и любимую работу. Практически дневал и ночевал в больнице.

Большое трудолюбие и самоотверженная преданность профессии отоларинголога дали ожидаемые результаты. Вскоре он стал одним из ведущих ЛОР-специалистов на юге Казахстана. Стремясь глубже познать свою специальность, он часто ездил в клинику ушных, носовых и горловых болезней Киргизского государственного медицинского института, которую к тому времени возглавлял известный и талантливый профессор Георгий Аронович Фейгин. Это замечательный врач, виртуоз хирургии. К нему старались попасть больные из всех уголков Киргизии. Добрая слава о нем быстро распространялась.

Фейгин творил чудеса в области восстановительной, т. е. так называемой реконструктивной хирургии ЛОР-органов. В частности, профессор восстанавливал функцию гортани и трахеи после сложнейших операций по поводу злокачественных опухолей гортани.

Юрий старался перенять богатый опыт известного уже тогда во всех республиках Средней Азии профессора Фейгина. К счастью, он живет и работает по сей день, хотя ученый давно уже отметил свой 80-летний юбилей.

Используя время своего трудового отпуска, вместо отдыха Юрий ездил стажироваться в тогдашнюю «Мекку» нашей специальности – Ленинградский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи. В клинике этого института, обучаясь у знаменитых отоларингологов, он овладел их мастерством.

Переломным и значимым этапом его жизни стали 70-е годы. В 1973 году Юру, еще молодого, но уже опытного оперирующего ЛОР-хирурга, назначили заведующим оториноларингологическим отделением.

Наше знакомство произошло весной 1974 года. Тогда я работал старшим научным сотрудником института

краевой патологии в Алма-Ате. Наш институт изучал заболеваемость, в том числе профессиональную, на химических предприятиях южных областей Казахстана. Мы исследовали состояние здоровья работников суперфосфатного и фосфорного производства в Джамбуле. В середине марта 1974 года научная бригада, состоявшая из ведущих клиницистов института краевой патологии, прибыла в Джамбул.

Руководил большой научной экспедицией главный внештатный специалист по профессиональной патологии Министерства здравоохранения Казахской ССР, кандидат медицинских наук Марат Тауфикович Бердыходжин, заведовавший одним из ведущих научных отделов института краевой патологии. Под его руководством я возглавлял оториноларингологическую группу. Перед нами стояла задача изучить воздействие выбросов фосфорного производства на организм в целом и, в частности, на слизистую оболочку верхних дыхательных путей, а также изыскать пути снижения и профилактики поражений слизистой полости носа, рта, гортани и трахеи у рабочих, занятых на основных участках фосфорного производства.

Поскольку масштабные научно-клинические исследования в условиях медико-санитарной части крупного предприятия трудно осуществлять без поддержки местных руководителей, мы обратились за помощью к заведующей Джамбульским областным отделом здравоохранения Жамал Ахмадиевне Аппасовой – высокой, стройной и красивой казашке. Ее большие черные глаза с длинными ресницами напоминали облик восточных красавиц. Она чем-то была похожа на известную народную художницу Казахской ССР Гульфайруз Исмаилову. Во всем ее облике сквозил характер твердой и мудрой

интеллигентной женщины. Быстро вникнув в суть проблемы, она заявила:

– Коллеги, мы выполняем общее дело по охране здоровья нашего населения и трудящихся.

Я попросил в помощь для осмотра рабочих фосфорного завода врача-отоларинголога, так как в медико-санитарной части предприятия не было этого специалиста. Она тут же позвонила заведующему городским ЛОР-отделением, тогда его возглавлял Кученев, и попросила его оказать нам необходимую помощь. В свою очередь она обратилась и к нашим сотрудникам с просьбой о взаимной практической помощи работникам медико-санитарной части фосфорного завода. А характеризуя Юрия, с гордостью подчеркнула, что это прекрасный клиницист, и добавила – специалист с хорошими организаторскими способностями.

Так состоялось наше знакомство с Юрием Алексеевичем. Встретил он меня очень дружелюбно, как своего давнего знакомого. По-доброму взглянув на меня, широко улыбнулся, крепко пожал руку, радостно произнес:

– Райс Кажкенович, много о Вас наслышан, весьма рад нашей встрече, будем друзьями.

Юра понравился мне с первого взгляда. В нем чувствовался твердый мужской характер. Как руководитель медицинского учреждения, он имел много достоинств, был смелым и решительным, строгим и властным. В то же время притягивал людей своей искренностью и простотой. В нем не было характерных для иного рода руководителей гордыни и зазнайства. Он держался одинаково ровно и с достоинством как с подчиненными, так и со старшими коллегами по должности.

Обстоятельно расспросив о нашем быте и условиях работы, он сказал, чтобы мы не стеснялись и обращались к нему в любое время. Я ему поведал, что мои кол-

леги из института краевой патологии будут обследовать рабочих завода в течение месяца. На что он с благодарностью сказал:

– Прежде всего, вам необходимо наладить питание. Месяц жить вдали от дома очень тяжело.

Юрий предложил свою помощь и пригласил всех моих сотрудников поужинать в городской диетической столовой, заведовала которой его пациентка. Иногда он баловал нас, приглашая на ужин в ресторан. Его щедрость не знала границ. Ради благополучия друзей он не жалел денег, с удовольствием приглашал к себе, а двери его кабинета всегда были открыты каждому посетителю. К нему за советом приходили многие знакомые и друзья.

С теплотой вспоминаю, что уютный и скромно обставленный рабочий кабинет Юрия находился на первом этаже оториноларингологической клиники. В нем размещались небольшой медицинский столик, настольная лампа, набор необходимых инструментов для осмотра пациентов, два стула, кресло, медицинский шкаф, раковина с хирургической моечной установкой.

Половина этажа, примыкавшая к кабинету, была отведена для посетителей, где в удобных креслах за журнальными столиками их угощали чаем. Телефон в его кабинете не умолкал с самого раннего утра до позднего вечера. За консультациями к доктору обращались многие жители отдаленных аулов и городов, даже приезжали земляки из соседней Киргизии. Он всех встречал приветливой улыбкой, быстро вставал с места и первым подавал для приветствия свою крупную ладонь. На нем был всегда выглаженный белоснежный халат, накрахмаленный медицинский колпак, закрывавший его широкий и высокий лоб. На посетителей смотрел, не мигая, светло-синими внимательными глазами, иногда

прищуренными, словно «просвечивая» рентгеновскими лучами, чтобы лучше узнать человека и его проблемы.

Пациенты относились к нему с большим доверием и понимали, что попали к хорошему врачу, чуткому и внимательному, большому специалисту в области оториноларингологии.

– Конечно, от одноразового посещения вы сразу не вылечитесь, – говорил он больным полушутя. – Даже неоднократные посещения не сделают погоды при таком запущенном состоянии болезни. Но вы не отчаивайтесь и не пугайтесь операции, которую необходимо обязательно сделать. Не поймите меня превратно, болезнь, а тем более запущенная, есть болезнь, поэтому приходится прибегать к хирургии, что в вашем случае неизбежно.

Юрий всегда искал взаимопонимания с каждым пациентом, когда возникшая ситуация с оперативным лечением пугала больных.

– Напрасно вы теряете время, – твердо убеждал он нерешительных пациентов. – На выражение «авось пронесет» не надейтесь!

Все понимали, что доктор прав, и с верой и надеждой ждали своего выздоровления.

Другие доктора при отказе больных от операции нередко с обидой высказывались: «Дело ваше, если не желаете лечиться у меня, идите к другому специалисту». Однако Юрий так никогда не поступал, он проникался искренней заботой, проявлял профессиональный долг по отношению к каждому больному и нередко при несогласии с позицией пациента, направленного большим начальством, настаивал на своем мнении ради здоровья больного, рискуя вызвать неудовольствие высокопоставленных чиновников.

– У вас есть, конечно, свои причины отказаться от операции, – говорил он. – Но задумываетесь ли вы, что я отношусь к вам не только как профессионал, а просто по-человечески?

Сказанные им сердечные слова задевали какую-то живую струнку у больных, и они исправляли промах, который сделали. Поэтому после некоторых раздумий больные благодарили доктора за помощь и просили извинения за необдуманнные поступки.

– Вот теперь вы поступаете благоразумно, готовьтесь к операции, – подытоживал он. В его добрых глазах светилась улыбка.

Наконец наступал поздний вечер, когда в кабинете уже не было посетителей, замолкал и телефон. Из-за стены, отделявшей кабинет от коридора, слышались шаги прогуливающих больных, голоса дежурных медицинских сестер, приглашавших пациентов на очередные процедуры.

Юрий усаживался в удобное кожаное кресло напротив раскрытого окна, закуривал сигарету и с удовольствием затягивался. Своим видом он словно говорил: теперь можно отдохнуть. Обращаясь ко мне, заботливо спрашивал:

– Райс Кажкенович, ты не устал меня ждать? Сейчас поедим ужинать. Нас приглашает в ресторан мой давнишний друг. Он наш бывший пациент, давно выздоровел после операции, но мы продолжаем общаться.

В одном из самых престижных ресторанов города поужинали с его другом, похожим по внешности на кавказца и оказавшимся на редкость обаятельным человеком. Он почитал Юрия и искренне произнес:

– Друг моего друга тоже будет для меня уважаемым человеком.

Юрий представил его мне как одного из главных гаишников города и пошутил, что может теперь ездить на своей машине с любой скоростью, не опасаясь штрафа.

Мы пробыли в городе Джамбуле с экспедицией почти сорок дней и уезжали перед майскими праздниками, когда весна была в самом разгаре. В это время улицы были заполнены толпами людей. У всех сияющие, радостные лица. Это передалось и мне. Я бодро шагал в субботний день по тротуару, любуясь красотой зеленого города.

Заглянул по пути на работу к Юрию – он консультировал больных даже по субботам. Увидев меня, обрадовался и сказал, что сам собирался приехать в гостиницу, чтобы пригласить съездить на два дня к нему на родину в поселок Ленинополь, куда его позвали немецкие друзья на свадьбу.

Решили выехать после обеда на его новых «Жигулях». В предстоящей поездке мы должны были проехать около двухсот километров, из них часть по грунтовой дороге.

В пути он рассказал о традициях немецких свадеб, на которых часто бывал, когда жил по соседству с немецкими семьями. По немецким обычаям, решающую роль при выборе невесты или жениха играют родители. Сын должен обязательно заручиться согласием отца. Однако прежде чем послать родителей свататься, парень должен как бы случайно встретиться со своей девушкой на улице и спросить, согласна ли она стать его женой.

Обычно сватать невесту полагается отцу или кому-то из близких родственников юноши. Это должен быть уважаемый человек в округе. После прихода в дом невесты отца или очень уважаемого родственника сваты незаметно, в тактичной форме наводят справки о благосостоянии семьи и здоровье невесты и только потом

приступают к сватовству. Мужская сторона – сваты – говорит о благосостоянии жениха и представляет его в выгодном свете. Если стороны согласны, только тогда в присутствии родственников происходит помолвка и назначается дата свадьбы.

Приехав в село, мы сразу отправились на свадебный вечер. Родители жениха и невесты были облачены в национальную немецкую одежду. У мужчин на головах красовались тирольские шляпы с пером. Туловища опоясаны полотенцами с расшитыми узорами и вышивками на концах.

На стол подали суп с говядиной, затем говяжье мясо с картофелем и овощами, отварную ветчину с капустой и белыми бобами. Позднее принесли телячье рагу и рисовую кашу. На столе были также неперменные домашние немецкие колбаски.

Во время свадебного вечера все пели и танцевали. Двое музыкантов – один на аккордеоне, другой на скрипке – дуэтом исполняли мелодии, похожие на тирольский вальс.

Интересен был обряд по краже туфель невесты: происходило это в тот момент, когда на стол подавали капусту. Немцы, желая счастья, говорят: «Живи хорошо, ешь капусту».

Когда у невесты похищали туфельку, то вначале взамен ей предлагали старые рваные башмаки и только за выкуп возвращали обувь. В конце свадебного пира вручали подарки новобрачным. На стол ставили тарелку, покрытую салфеткой. Гости клали на тарелку деньги или подарок.

Возвратились мы в Джамбул на следующий день. Настроение было приподнятое – на свадьбе мы хорошо отдохнули и повеселились. На обратном пути у меня возникла одна идея, и я тут же изложил ее Юрию. Речь

шла об организации областного общества отоларингологов в Джамбуле. Он мне сообщил, что в начале 60-х годов заведующей областным ЛОР-отделением работала доктор Данильцина, и ей профессор Борис Владимирович Еланцев, руководивший тогда Казахским обществом отоларингологов, поручил организовать областное ЛОР-общество. Однако оно существовало лишь на бумаге. Заседания не проводились. Такое же положение было и при другом внештатном специалисте Шаюнусове.

Юрий сказал мне, что научное ЛОР-общество не функционирует и он не знает с чего начать. Я с удовольствием согласился в этом ему помочь. Позвонил в Алма-Ату председателю Республиканского общества отоларингологов профессору Тайбогарову и сообщил ему, что в городе Джамбуле работает новый заведующий отоларингологическим отделением, на которого областной отдел здравоохранения возложил функции главного внештатного специалиста области. Я подчеркнул, что заведующая областным отделом здравоохранения его поддерживает и не возражает против создания областного научного ЛОР-общества. Тайбогаров согласился с моим предложением и дал «добро» по восстановлению областного общества.

О состоявшихся переговорах с Алма-Атой и положительном решении вопроса мы доложили заведующей здравоохранением области. Она издала приказ о командировании районных и городских специалистов на первое заседание областного научного общества отоларингологов.

Врачи собрались в актовом зале областного отдела здравоохранения. Мы напечатали программу общества. На первом заседании я выступил с докладом «Ранняя диагностика и профилактика профессиональной па-

тологии верхних дыхательных путей». Юрий сделал сообщение о внутричерепных осложнениях при хронических гнойных заболеваниях среднего уха по материалам отоларингологического отделения. На организационном заседании собравшиеся единогласно избрали Юрия Кученева председателем областного научного общества. Сообщение об этом вскоре было напечатано в республиканском научно-практическом журнале «Здравоохранение Казахстана».

Осенью того же года мы с экспедицией снова приехали обследовать рабочих фосфорного завода. Состоялась наша долгожданная встреча с Юрием. Мы обнялись как старые добрые друзья. Он рассказал мне о своих успехах. После утверждения его в должности председателя общества стал регулярно собирать врачей области на заседания. Довольно часто бывает в ЛОР-клинике у профессора Фейгина. Недавно приехал из Ленинграда, где обогатился новыми знаниями и усовершенствовал профессиональное мастерство по проведению различных операций.

Юрий хорошо разобрался не только в медицине. Многим своим знакомым он давал полезные советы по агрономии. Родившись в деревне, он с детства постиг сельский труд. Прекрасно знал, как выращивать сельскохозяйственные культуры. Обычно ранней весной он высаживал овощи, свежий лук, огородную зелень и помидоры, обеспечивая семью натуральными витаминами. Несмотря на занятость врачебной деятельностью, выезжал на совхозные поля, арендовал участки земли. На больших площадях сажал лук и чеснок, собирал приличный урожай и сдавал его в потребкооперацию.

Уже в те годы Юрий использовал рыночные отношения, привлекая к труду на земле своих братьев, родственников и друзей. Нередко трудовой отпуск про-

водил в родном селе Покровка, увлеченно работая на овощных плантациях. Благодаря его организаторским способностям укреплялось материальное положение родителей и семьи. На вырученные от урожая деньги добрые и отзывчивые друзья помогли ему выстроить в городе большой дом – одноэтажное здание с цокольной пристройкой. Я часто бывал в этом уютном особнячке, содержащемся в порядке и идеальной чистоте.

Во время очередного приезда в Джамбул предложил Юрию провести здесь первую межобластную научно-практическую конференцию отоларингологов в октябре 1975 года. Мой друг обрадовался:

– Дорогой Райс Кажкенович! Идея прекрасная, но справлюсь ли я с такой ответственной задачей?

Он решил, что нам следует посоветоваться с заведующей областным отделом здравоохранения Аппасовой.

Она поддержала наше предложение и дала дельный совет – включить в план организационных мероприятий Минздрава данную конференцию и издать соответствующий приказ министра. На основании этих документов обещала выйти с ходатайством в областной комитет партии и облисполком. Довольный таким решением, с чувством исполненного долга я выехал в Алма-Ату.

Однако провести межобластную конференцию в намеченные сроки не удалось по объективным причинам. Восьмого июля 1975 года внезапно от инфаркта умер мой отец. О трагедии я известил Юру. В тот же вечер он приехал с коллегами на своей машине в Алма-Ату. В багажнике привез живого барана, мешок муки и риса, а также фрукты и овощи. Эту своевременную помощь я помню до сегодняшнего дня и вечно ему благодарен. Так поступают, конечно, истинные друзья и люди особого склада души.

Вскоре у меня произошли перемены по работе. По рекомендации директора нашего Института краевой патологии, известного ученого республики профессора Атчабарова меня назначили начальником отдела науки Министерства здравоохранения Казахской ССР.

Директор действительно был выдающейся личностью. Он стоял у истоков казахстанской медицинской науки. О его демократическом стиле руководства ходили легенды. Он бессменно, более тридцати лет, возглавлял коллектив Института краевой патологии. Даже руководивший в те годы здравоохранением республики министр Шарманов был его учеником.

Моя новая работа требовала больших усилий и отдачи. Все было для меня новым. Приходилось глубже вникать в более широкие и масштабные проблемы научных разработок, включая кадровые вопросы и обеспеченность научным потенциалом. В перечень прямых обязанностей входила также организация съездов и конференций. Помня о своем обещании помочь Юрию организовать в городе Джамбуле межобластную конференцию, я включил в план организационных мероприятий Минздрава проведение этой научно-практической конференции отоларингологов.

План был утвержден. Минздрав после согласования с первым секретарем Джамбульского областного комитета партии Бектургановым издал приказ о проведении первой межобластной конференции отоларингологов 1–2 октября 1976 года в городе Джамбуле.

Я позвонил Юрию и обрадовал его хорошей новостью. Теперь предстояла большая работа по подготовке к большому форуму. Конференция впервые проводилась в областном центре, где не было медицинского института.

На конференцию прибыли врачи-отоларингологи из всех областей Казахстана, все заведующие кафедрами медицинских институтов и их доценты. Из Алматы приехали профессора Тайбогаров и Баймаканова. С большой делегацией прибыл профессор Григорьев из Актюбинска. Перед предстоящей защитой докторской диссертации приехал заведующий кафедрой доцент Романов из Семипалатинска. Одними из первых для участия в работе конференции прилетели профессор Шаихов из Целинограда и профессор Брофман из Караганды.

На конференцию с докладами прибыли крупные ученые из России, Узбекистана, Киргизии, в частности, из Москвы главный профпатолог-отоларинголог Союза профессор Остапкович, сделавшая блестящий программный доклад по профессиональной патологии ЛОР-органов.

Ученых Сибири представляли профессор Шантуров (Иркутск), Красильников (Томск), Мишенькин (Омск).

Послушать известных ученых собрались не только ЛОР-врачи, здесь были хирурги, педиатры, стоматологи, офтальмологи, а также студенты областного медицинского училища.

Любопытно, что на конференцию приехали на двух модных тогда черных автомобилях «Волга» все три профессора из Узбекистана – главный отоларинголог республики профессор Миразизов, заведующий кафедрой болезней уха, горла и носа Ташкентского института усовершенствования врачей профессор Ибрагимов, первый проректор Ташкентского медицинского института профессор Муминов.

С профессором Муминовым мы стали потом большими друзьями. Он в течение десяти лет работал ректором двух вузов в Узбекистане, сначала в Бухаре, затем возглавил Самаркандский медицинский институт.

Печально и трагически сложилась судьба этого талантливому ученого. Он погиб в автомобильной катастрофе по дороге в Ташкент.

При проведении конференции неоценимую помощь Юрию оказывала заведующая областным отделом здравоохранения Аппасова, лично участвовавшая во всех мероприятиях, включая культурную программу. Для гостей был устроен специальный прием руководителями советских и партийных органов области.

Пресса широко освещала работу конференции. Проведенный в Джамбульской области важный научно-практический форум отоларингологов, в организации которого большая заслуга Юрия, остается яркой страницей в истории отечественной оториноларингологии.

Осенью 1977 года я пригласил его в Караганду. Заведующий кафедрой Карагандинского медицинского института профессор Брофман отмечал двадцатипятилетний юбилей кафедры и организовал областную конференцию. Мы с Юрием разместились в одном номере гостиницы и были рады нашей встрече, немало времени проведя за разговорами, причем о самом наблевшем и сокровенном.

С тех пор мы часто встречались на многих конференциях и съездах отоларингологов. В памяти сохранились незабываемые дни, проведенные в Иркутске, Ленинграде, Ташкенте, Алма-Ате, Чимкенте и других городах.

Весной 1979 года мне позвонил Юрий и с явной тревогой в голосе сообщил, что у его жены обнаружили рак груди. Врачи рекомендовали ей срочную операцию.

Юрий попросил моей помощи для экстренной госпитализации супруги в клинику Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии, поскольку в отделении опухолей головы и шеи работала моя жена Галина Соломоновна. Мы договорились с заведующим отделением. На операции мы разрешили

присутствовать Юрию. Онкологи обнадежили его, сказав, что обратились за помощью в институт своевременно. Поэтому опасений для развития рецидива опухоли не должно быть. Однако через 13 лет случился рецидив и его супруга скончалась в 1990 году. Эта трагедия сильно отразилась на здоровье Юрия. Он похудел, осунулся и, казалось, потерял всякий интерес к работе и дальнейшей жизни.

Юрий безмерно любил и обожал свою Галину. Она тоже испытывала к нему самые нежные чувства. Они любили своих детей и были созданы друг для друга. Прошло почти десять лет после кончины Галины, а Юрий продолжал жить один, воспитывая детей и внуков.

Осенью 1993 года меня перевели в город Шымкент ректором Южно-Казахстанского государственного фармацевтического института. Узнав о моем назначении, через некоторое время, кажется, в начале ноября, в Шымкент приехал Юрий. Он был рад, что я стал ректором.

– Теперь мы будем еще чаще встречаться! – восторженно говорил он, поскольку нас отделяло всего сто шестьдесят километров.

Юрий продолжал работать в той же больнице скорой медицинской помощи заведующим оториноларингологическим отделением. Он выглядел уже лучше, чем три года назад, боль от потери любимой супруги понемногу стала затихать. Однако рана еще не зажила, о чем с грустью поведал он мне. Новую семью не завел. Я посоветовал ему не оставаться в одиночестве. Ведь жизнь продолжается, а дети уже выросли, обзавелись семьями и живут отдельно.

За дружеской беседой не заметили, как наступил вечер, и Юрий заспешил домой. У меня опять возникла

идея помочь ему в работе над кандидатской диссертацией.

В период наших командировок в Джамбул он нам здорово помогал при исследовании рабочих Ново-Джамбульского фосфорного завода. По материалам этих исследований он вместе с нами опубликовал ряд статей и даже подготовил методические рекомендации.

Однако Юрий отказался:

– Спасибо, дорогой Райс Кажкенович. Я практик, и не хочу быть искусственным ученым.

Но попросил, чтобы я помог его молодому ученику, работавшему в этой же городской больнице заместителем главного врача по хирургии, Нурлану Джайнакбаеву, и пригласил меня в ближайшее время в город Тараз обсудить этот вопрос.

В один из воскресных дней я приехал к Юрию. Он познакомил меня с Нурланом. Его ученик произвел хорошее впечатление своей целеустремленностью и большим желанием заниматься научно-исследовательской работой. Мы набросали план совместных действий. Я дал научное направление, пояснил ему, как проводить необходимые тесты и как собрать фактический материал. В медико-санитарной части завода соискателю следовало получить данные по заболеваемости.

Юрий и Нурлан часто приезжали ко мне в Шымкент. Наконец спустя три года начинающий ученый показал мне свои материалы, включая черновой вариант диссертации. В 1997 году под моим руководством он защитил кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербургском государственном медицинском университете имени академика И.П. Павлова. Спустя несколько лет он стал доктором медицинских наук и теперь является ректором Казахстанско-Российского медицинского университета в городе Алматы.

В 2000 году Юрий Алексеевич сообщил мне приятную весть, что нашел вторую половину в лице прекрасной Елены. Его вторая супруга встретила меня во время приезда тепло и радушно. Во всем чувствовалось, что она любит Юрия и признательна судьбе за знакомство с ним. Через год у них родилась замечательная дочурка Анечка. Сейчас ей десять лет.

В январе 2001 года Юрий приехал в Алматы на мой шестидесятилетний юбилей. Там я познакомил его с моим другом академиком Мариусом Плужниковым (теперь его тоже уже нет в живых – он умер после тяжелой продолжительной болезни от рака). В тот юбилейный вечер оба, как практикующие хирурги, быстро нашли общий язык. Мариус как младшего брата полюбил Юрия. В их характерах и жизнелюбии было много общего. Мариус высоко ценил добропорядочных людей. При наших встречах он интересовался делами Юрия, спрашивал, не нужна ли ему помощь. Еще до женитьбы в августе 1997 года Юрий открыл свою частную отоларингологическую клинику, оснастив ее самым современным оборудованием. В этом помогали его молодые ученики Нурлан Джайнакбаев и Газиз Абдугалиев.

Практически частная клиника Кученева обеспечивала высокоспециализированной отоларингологической помощью население южных регионов Казахстана. Об успехах клиники доктора Кученева знали далеко за пределами нашей страны. Академик Мариус Плужников из Санкт-Петербурга и Георгий Аронович Фейгин из Бишкека приводили в качестве яркого примера успешную работу его частной клиники.

С первых дней создания коллектив клиники во главе с Юрием серьезное внимание уделял самым новейшим достижениям современной оториноларингологии, в частности внедрению эндоназальной, т. е. внутриносовой хирургии. Характерной чертой сотрудников

клиники стало стремление к рационализации и совершенствованию методов лечения заболеваний верхних дыхательных путей и уха.

Заканчивая свое небольшое повествование о жизни и судьбе моего друга, могу сказать, что только благодаря таким личностям окружающие нас люди высоко ценят тяжелый и благородный труд медиков. Несмотря на то что Юрий не имел высоких ученых степеней и званий, он, бесспорно, заслуживает высшей оценки как прекрасный врач и как яркая личность.

Запущенная раковая опухоль легкого внезапно обрвала жизнь Юрия. Его друзья и коллеги вспоминают о нем с особой теплотой. Для них он был замечательным доктором, благородным человеком, обладавшим большим и щедрым сердцем. Он всегда был справедливым и скромным, добрым и отзывчивым. Будучи неординарным, отзывчивым человеком, он ценил и крепко хранил дружбу. Проявляя святую любовь к своей профессии, всего себя отдавал людям.

На протяжении почти сорока лет нас связывали добрые и дружеские отношения. Многие наши невзгоды мы переживали вместе. Во время наших встреч и телефонных разговоров мы радовались успехам друг друга.

Теперь его нет с нами. Однако остаются исполненные им добрые дела, которые продолжают наши ученики. Его талантливые последователи сейчас возглавляют оториноларингологическую клинику имени доктора Кученева и успешно продолжают начатое им дело.

Юрий Алексеевич оставил большое научно-практическое наследство, а также достойных потомков. Он вырастил и воспитал хороших детей и внуков. Надеюсь, что они, а также его коллеги и друзья, всегда будут хранить добрую память о нем как о мудром отце и дедушке, как о талантливом докторе с щедрым сердцем, отдававшем себя служению людям.

ОБЛАДАТЕЛЬ ЗОЛОТОГО СКАЛЬПЕЛЯ

С глубокой древности идут споры о профессии хирурга и хирургической специальности. Одни считают работу хирурга искусством врачевания, другие относят к разряду ремесла. По-видимому, истина в сочетании искусства и ремесла. Сегодня благодаря современным научным достижениям в области естествознания, биологии, физики, химии, а также общему техническому прогрессу медицина, в том числе и хирургия, достигла небывалых высот.

В настоящее время хирурги применяют в своей практической деятельности высокие технологии. Весь мир восхищается успехами хирургов в области трансплантации органов и тканей, пересадки сердца, печени и почек. Колоссальные достижения демонстрируют кардиохирурги и нейрохирурги, выполняющие сложнейшие операции на сердце и головном мозге.

Следовательно, понимание древних ученых об искусстве врачевания или ремесле полностью можно отнести к врачам-хирургам. Настоящим и высокоодаренным хирургам присущи свойства обеих ипостасей – плюс святая любовь к своей профессии и, конечно, огромное трудолюбие. К сожалению, этими качествами

обладают не все хирурги, и когда среди хирургов встречаются истинные таланты, это оказывается для людей, страдающих недугами, большим счастьем. Мне за свою полувековую деятельность врача и ученого приходилось общаться с целым рядом талантливых хирургов, называемых еще «хирургами от Бога».

Об одном из них, живущем днем и ночью мыслями о хирургии, мне хочется рассказать вам и поведать – об известном не только в Республике Казахстан, но и далеко за ее пределами талантливом хирурге, ученом, профессоре Сексенбаеве.

О знаменитых хирургах написано много книг и различных трактатов. В этом повествовании я хочу показать некоторые особые черты и добавить яркие штрихи к портрету хирурга, являющегося неординарной личностью. К своей вершине славы хирург и ученый шел тернистым путем, преодолевая жизненные невзгоды.

Родился Сексенбаев за два года до начала Великой Отечественной войны, 5 января 1939 года, в отдаленном ауле Кызылординской области, расположенном за сотни километров от областного центра и вдали от Аральского моря. Благодаря природной одаренности (он с шести лет пошел в школу) Дербисалы, еще не достигнув семнадцати лет, стал студентом лечебного факультета Алма-Атинского государственного медицинского института, в то время носившего имя Молотова.

Первые годы учеба в институте давалась ему с большим трудом. Прежде всего, конечно, сказывалось плохое знание русского языка, но через год он уже догнал своих сверстников по учебе и даже находил время для занятий спортом. Дербисалы страстно увлекся конькобежным спортом и добился в нем больших успехов. На старших курсах, уже выступая на соревнованиях за студенческую сборную команду Республики Казахстан,

выполнил норму кандидата в мастера спорта на Всесоюзных соревнованиях в Ленинграде. Как известно, талантливый человек талантлив во всем. Студент Сексенбаев сдал также на спортивный разряд по пулевой стрельбе, в последующем став страстным охотником и рыболовом.

Хирургией он увлекся еще с четвертого курса медицинского института, активно посещал студенческий научный кружок, которым руководил известный хирург Казахстана профессор Брякин. Требования к постижению медицинских дисциплин, особенно хирургии, в период его обучения были намного строже, чем теперь. Обучались по учебникам, объем которых был намного больше. Студентам приходилось запоминать все термины только на латинском языке.

Сексенбаев твердо решил стать хирургом и после окончания учебы в институте попросил распределительную комиссию, чтобы его направили в любой отдаленный район, где он мог бы работать хирургом. Его мечта стать хирургом наконец сбылась. Он дни и ночи проводил в амбулатории и больнице.

Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что самыми яркими, созидательными и насыщенными в трудовой деятельности многих врачей, начинавших свою карьеру на селе, оказались именно годы, проведенные в сельской глубинке.

Дербисалы, работая в трудных сельских условиях, научился самостоятельно думать, принимать быстрые и жизненно важные решения. Непредвиденных ситуаций возникало множество, и они закалили молодого хирурга. На селе он проработал несколько лет, и хотя с точки зрения истории это небольшой отрезок времени, однако на всю оставшуюся жизнь он благодарен судьбе, что ему довелось создавать в отдаленном районе первую

хирургическую службу. Во всем его поддерживали в этом благородном начинании коллеги – врачи и средний медицинский персонал. Те самые рядовые медики, за плечами которых не одна сотня спасенных жизней.

Хотя перед хирургом стояла отнюдь не легкая задача. Во-первых, больница была расположена в старом, ветхом здании, не хватало инструментария, приходилось работать при плохом освещении операционного стола – над столом висела старая операционная лампа еще до-революционного периода.

Во-вторых, перед работниками сельской больницы стояла сложная задача развивать безотлагательную первичную и скорую неотложную помощь, принимать тяжелые роды беременных в трудных условиях приаральского климата, при отсутствии элементарных условий: водопровода, электричества и жилья для медиков, в плохих бытовых условиях, при высокой заболеваемости населения. Хирургу порой приходилось оказывать женщинам также и акушерско-гинекологическую помощь, проводить операции при внематочной беременности!

В общем, условия труда и быта в отдаленном Приаралье были весьма тяжкими, из-за сложной санитарно-гигиенической обстановки люди нередко страдали желудочно-кишечными заболеваниями, много было гнойничковых поражений кожи. Часто встречались пациенты с запущенными грыжами, пупочными и паховыми – эти больные, конечно, нуждались в оказании квалифицированной хирургической помощи. Всем им молодой хирург оказывал своевременную и квалифицированную помощь. Он оперировал почти круглые сутки, порой казалось, что находится в боевом прифронтовом госпитале...

Работа любого хирурга подразумевает определенную долю риска, который с годами и приобретенным

опытом доводится до минимума. Безусловно, многое зависит от личных качеств хирурга. Если задуматься о деятельности врача-хирурга, то становится понятно, что эта профессия требует от человека сочетания профессионального опыта и огромной преданности своему делу, любимой работе, стремления оказывать людям бескорыстную помощь.

Дербисалы вполне можно отнести к такой категории людей. Выросший в далеком ауле, рано познавший трудности и невзгоды, он, будучи очень честным и принципиальным, закалился в нелегкой борьбе с чиновниками и завистливыми недругами. Многим не нравились его прямота, непокорный характер. Он не мог терпеть явного подобострастия, особенно перед высоким начальством, и требовал такого же отношения от своих коллег. Добиваясь всего упорным трудом, он заставил чиновников областного здравоохранения признать его труд и талант.

Вскоре его перевели в областную больницу Чимкента и назначили заведующим хирургическим отделением. В те далекие 60-е годы, будучи еще молодым, но вполне созревшим опытным хирургом, он решил заняться большой научной работой и стал скрупулезно собирать интересный клинический материал по краевой патологии южноказахстанского региона, в частности, стал изучать распространенность эхинококкоза у жителей сельской местности. Его интересовали способы раннего выявления данного заболевания и своевременного хирургического вмешательства.

Эта важная практическая тема после многих лет забвения впоследствии была подробно исследована его коллегой, хирургом-онкологом Кулакеевым в его докторской диссертации. Между тем Сексенбаев с присущей ему скрупулезностью собрал другой инте-

реснейший научно-клинический материал по каловому перитониту. Он описал эпидемиологическую распространенность данной патологии в южном регионе, особенности клинического течения. Итогом явились операции, проведенные лично им более чем у трехсот больных с осложненным перитонитом. В результате этой кропотливой работы ему удалось блестяще защитить кандидатскую диссертацию под руководством профессора Хохлова в 1972 году в Караганде.

На Ученом совете Карагандинского государственного медицинского института высокую оценку этой научной работе дал известный профессор Забозлаев, приехавший из далекой Винницы Украинской ССР.

Забозлаев был талантливым хирургом и крупным ученым, уже в те годы получившим известность среди союзных светил хирургии. Выступая на Ученом совете Карагандинского медицинского института в качестве первого официального оппонента, профессор в своем отзыве охарактеризовал научную работу соискателя как важное направление в абдоминальной хирургии. Ученый посоветовал молодому ученому продолжить научные изыскания.

После успешной защиты диссертации Дербисалы вернулся в родной Чимкент. Там он с головой окунулся в новые научные поиски. Вскоре его назначили на ответственную должность – главным штатным хирургом при областном отделе здравоохранения, сохранив совместительство заведующего хирургическим отделением.

Работая главным штатным хирургом Южно-Казахстанской области, Сексенбаев налетал на санитарной авиации сотни часов и побывал почти во всех отдаленных районах и аулах региона. Везде жители встречали

его с большой радостью, поскольку молва о блестящем хирурге гремела во всех уголках Южного Казахстана.

Он начал создавать свою школу хирургов и подготовил десятки молодых специалистов. Его имя стало известно в медицинских кругах нашей республики. К этому времени Дербисалы овладел практически всеми видами сложнейших хирургических вмешательств.

В Казахстане он уже в 80-е годы стал признанным и уважаемым мэтром хирургии, как академик Алиев в Алма-Ате, профессор Цой в Целинограде, кардиохирург Рейш в Усть-Каменогорске, профессор Лохвицкий в Караганде и академик Изимбергенев в Актюбинске.

Я познакомился с этим обаятельным и незаурядным человеком в начале 90-х годов прошлого столетия, когда приехал работать в Шымкент (новое название города) ректором Южно-Казахстанского фармацевтического института. Через полгода в этом вузе мною были открыты два факультета: лечебный и педиатрический. Институт теперь стал называться Южно-Казахстанской государственной медицинской академией.

Меня в первую очередь заинтересовали клинические базы в Шымкенте. Конечно, гордостью медиков южного края была крупная многопрофильная областная клиническая больница, которую в то время возглавлял Сексенбаев, уже известный ученый. О нем я был слышан от моих коллег в Алма-Ате и ведущих сотрудников Министерства здравоохранения нашей республики. Примерно через неделю после вступления мною в должность ректора на прием с поздравлениями пришел профессор, мой будущий друг. Он стремительной походкой подошел, крепко пожал мою руку и, улыбнувшись, сказал:

– Реке, теперь мы должны вместе готовить достойные кадры будущих врачей.

Этими словами он меня сразу покори́л и мы стали впоследствии большими друзьями.

Уже в то время Шымкентская областная больница была хорошо оснащена новейшим медицинским оборудованием и техникой. Больница считалась одной из лучших в республике, в этом была огромная заслуга главного врача. В начале 80-х годов за самоотверженный труд он получил высокое звание Заслуженного врача Казахской ССР. В конце 80-х и начале 90-х годов Сексенбаев одним из первых в республике внедрил эндоскопическую хирургию и широко проводил эндоскопические операции на желчном пузыре, удаляя камни эндоскопическим доступом, широко используя эндоскопическую видеотехнику. Такие же оперативные вмешательства проводились при урологических заболеваниях и даже при аппендиците.

Дербисалы оперировал легко, виртуозно владея скальпелем или другим хирургическим инструментом. В народе ему дали прозвище «Золотой скальпель», а коллеги к его 70-летнему юбилею подарили памятный хирургический скальпель, изготовленный из чистого золота.

Профессор действительно был «хирургом от Бога», оперируя искусно и смело. Вспоминаю очень интересный эпизод. Мы жили по соседству в одном доме, только в разных подъездах. Дружили семьями и всегда вместе отмечали наши дни рождения. Все мы являемся по гороскопу Козерогами, т. е. родились в январе. Моя супруга Мария и его сын Бахытжан родились первого января. Кстати, теперь Бахытжан стал доктором медицинских наук, в настоящее время работает ректором Южно-Казахстанской фармацевтической академии. Дербисалы родился 5 января, у меня день рождения

15 января, мой младший сын Олжас родился 19 января, а обаятельная супруга моего друга Турсын, мать троих детей, родилась 25 января.

В день ее рождения мы с Марией, взяв большой букет роз, пришли вечером поздравить Турсын с днем рождения. Дверь открыл хозяин дома. Увидев нас с цветами, он с улыбкой сказал, что экстренно госпитализировал супругу в хирургическое отделение своей больницы. Он поведал нам, что решил сделать ей «подарок» на день рождения и утром ее прооперировал, удалив вместе с камнями желчный пузырь эндоскопическим способом. Большие камни желчного пузыря были обнаружены накануне при ультразвуковом обследовании. Через три дня после операции супруга была уже дома. Мы восхищались смелостью хирурга. Как правило, оперировать своих родных многие медики не решаются.

Дербисалы не только превосходный специалист в области хирургии, но и человек очень творческий. В частности, он увлекается историей, хорошо знает казахский эпос, любит общаться с людьми артистическими. Ему, как талантливому ученому, прекрасному хирургу, посвятила свои стихи его пациентка – известная казахская современная поэтесса Ханбиби Есенгараева.

Вот таким я знаю Дербисалы Сексенбаева и горжусь дружбой с этим честным и добропорядочным человеком, блестящим хирургом и маститым ученым, теперь уже имеющим сотни печатных работ, ряд монографий и изобретений, а также воспитавшим многих учеников, ставших под его руководством кандидатами и докторами наук.

С АРАЛОМ СВЯЗАННАЯ СУДЬБА

На бескрайних просторах древней тюркской степи в самом центре среднеазиатских пустынь величественно красовалось большое соленое озеро, больше похожее по величине на море. Тюрки называли его «Аралом», что в переводе означало «остров», поскольку эти водные просторы были для них спасительным островом жизни среди пустынь, обозначенных его обитателями песками «Каракумы» и «Кызылкум».

Арал наполнялся водами рек Амударьи и Сырдарьи, бывших когда-то могущественными, которые питали живительной влагой море. Через многие века все резко изменилось. Море за последние столетия начало высыхать из-за губительного отношения людей к природным богатствам, которые создал наш Всевышний. Однако, несмотря на природные катаклизмы, люди продолжали необдуманно растрачивать водные ресурсы, что губительно отразилось на природе Арала, некогда богатого рыбами осетровых пород и другими. В связи с постепенным высыханием Аральского моря изменились природно-климатические условия. Вода в море стала более соленой, а высохшая почва выдувалась пыльными бурями и ветрами.

На долю жителей Приаралья выпали большие трудности. Особенно тяжело пришлось рыбакам, которые даже во время бушующего шторма вынуждены были отплывать далеко от берега на старых камышитовых лодках, чтобы раздобыть какое-то количество улова и прокормить свои многодетные семьи. Безжалостная стихия не щадила отважных рыбаков, от некоторых настолько отворачивалась фортуна, что их навсегда поглощала водная пучина. Безмерное горе поселялось в семьях невернувшихся рыбаков.

В этих суровых, порой невыносимых условиях прошли детство и юность Абубакира. Он родился в семье рыбака.

Его отец в годы Великой Отечественной войны трудился в тылу, имел так называемую «бронь» и работал в артели рыбаков. На промысле работники артели находились почти круглые сутки, поскольку приходилось обеспечивать фронт и тыл важными продуктами питания.

Абубакир, ставший вторым сыном в семье, родился осенью, через год после окончания Великой Отечественной войны. Осень, по воспоминаниям его матери, в тот год выдалась жуткая. Из-за военного лихолетья в стране царили голод и нищета. Семья жила в маленькой земляной избушке, состоявшей из одной комнатенки. В холодной прихожей хранились скудные продукты питания. Сквозь маленькое окошко едва пробивался дневной свет, а ночью комнатка тускло освещалась единственной керосиновой лампой с разбитым стеклом.

В этом вечном, холодном полумраке и принимала роды местная повивальная бабка, которой помогали сестры мужа роженицы. В те годы в поселке не было не то что фельдшера, но даже медицинской сестры, поэтому роды принимали опытные повивальные бабки.

Родовые схватки начались на исходе ночи. С приближением предрассветного часа подул сильный ветер, пронизывавший все насквозь. Осенний студеный ветер, несший тучи песка, остервенело выдувал тепло из неказистой хибары. Злые языки ветра проникали во все щели на подоконнике, пронизывали оконный проем, издавая нечеловеческие звуки, похожие на тоскливый вой собак или диких волков. Однако во время родовых схваток ветер внезапно стих, в комнате воцарилась тишина, нарушавшаяся лишь стонами роженицы и окриками повивальной бабки, приказывавшей посильнее поднатужиться.

Наконец раздался плач младенца и все радостно закричали, что родился еще один сын, достойный наследник рода Алим. В неказистой хибаре словно стало светлее и теплее от облегчения и счастья.

Пришел дед Кенжебай, сурово, но в то же время любовно посмотрел на детей и внука. Он повелел назвать внука Абубакиром и нарек, что внук проживет долгую и счастливую жизнь. Пророческим высказываниям старика его сноха была безмерно рада. Она тоже обладала неким даром предвидения, разгадывала сны и слыла в округе мудрой предсказательницей. Когда ее сын привел домой невесту, нынешнюю роженицу, мать сказала своей снохе, что она родит трех сыновей. Предсказания свекрови сбылись.

Шли годы. С самого раннего детства Абубакир жил в суровых условиях на далеком островке Тасты, что в переводе с казахского языка означает «Каменистый». Их островок находился в двухстах километрах от районного центра. Сообщение с материком осуществлялось на небольших катерах, преимущественно в судоходный период. Начиная с начала ноября и до середины мая суда не курсировали из-за ледяных покровов, которые

сковывали всю поверхность моря. В Аральском море находились и более крупные острова: Барсакельмес, Казжетпес и другие.

Их крошечный островок находился почти в середине Арала, окруженный со всех сторон камышитовыми зарослями. На острове было всего сорок домов, в них жили не более двух сотен человек, связанных друг с другом родственными узами или профессиональной деятельностью. Почти все взрослое население занималось рыбным промыслом, даже дети и подростки закидывали небольшие сети в море, помогая своим семьям в лове рыбы. Артель рыбаков сдавала ежедневный улов приплывавшим рыболовецким баржам, которые отвозили его на рыбоконсервный завод города Аральска.

Он пошел в школу рано, едва исполнилось шесть лет. Школа в поселке размещалась в небольшом саманном доме из трех комнат, в одной из них жила учительница, она же по совместительству была завхозом. В ее подчинении работала уборщица. Дети занимались в две смены. С утра единственный педагог школы вела уроки с учениками первых и вторых классов. Поскольку детей было мало, занятия для учеников первых и вторых классов проводились совместно. После обеда учительница обучала школьников третьего и четвертого классов. Абубакир быстро освоил букварь, через полгода свободно читал тексты, а также имел хорошие отметки по арифметике. Его перевели во второй класс, а после обеда он стал заниматься с учениками четвертого класса.

Жизнь островного поселка протекала размеренно. Дети помогали взрослым по хозяйству, кормили и поили скотину, занимались уборкой подворья, возили на тележках рыбу к приемному пункту. С самого раннего детства мальчик познал труд. Вместе со своим старшим братом ухаживал за четырьмя младшими братьями и

сестренкой. Большая, многодетная семья, как и другие семьи поселка, сполна познала тяготы сельского труда и сурового быта. Питьевую воду домой носили более чем за три километра от места, где была пробуровлена единственная артезианская скважина. В качестве топлива на зиму вместе с взрослыми заготавливали камыш. Во время летних каникул, когда камышитовые листья еще не пересохли, дети скашивали их вручную серпом. К вечеру у всех ныли спины, пальцы рук были изранены, однако малыши стойко переносили любые невзгоды. Младшие дети собирали засохший коровий навоз, который тоже заготавливался на зиму в качестве топлива. Дров не хватало, так же как и элементарных продуктов питания. Муку выдавали только по талонам. Иметь в доме к чаю сахар считалось большой удачей, и не каждой семье это было доступно. По особым праздничным дням дети получали красивые кристаллики твердого сахара, отливавшие голубоватым цветом.

Наша страна залечивала раны после изнурительной Великой Отечественной войны. Всюду была разруха, люди жили впроголодь, но твердо верили в светлое будущее. Шел восстановительный период. В первую очередь возрождали разрушенные города, восстанавливали заводы и фабрики, другие промышленные объекты. На возрождение сел не хватало средств и рабочих сил, поэтому жители поселков, в особенности отдаленных аулов, находились в особенно тяжелых условиях. Но несмотря ни на что, советские люди трудились в городах и селах с большим энтузиазмом. Все были уверены, что еще чуть-чуть – и настанут счастливые дни.

Шел памятный пятьдесят третий год, всколыхнувший страну одним из самых значимых событий: умер вождь Коммунистической партии и Советского Союза товарищ Сталин. Началась эра развенчания культа личности.

В памяти малыша отдельными эпизодами сохранились впечатления от 5 марта того года. Весть о кончине Иосифа Виссарионовича распространилась быстро, скоро она дошла и до маленького поселка Приаралья. Из-за траура уроки были отменены и всех школьников отпустили домой, чему дети были рады. Однако их крайне удивляло, что взрослые люди плакали и горестно причитали. Дети не понимали, почему обычно невозмутимые отцы и матери, дяди и тети так скорбят, словно ушел из жизни близкий родственник.

Из воспоминаний далекого детства в его памяти надолго сохранилось и другое трагическое событие, связанное с гибелью одноклассника. Они тогда учились во втором классе и часто проводили свободное время вдвоем. Как-то после уроков друг стал жаловаться на сильные боли в животе. К вечеру его недомогание усилилось, он стал стонать от нестерпимой боли. Однако медицинскую помощь оказать было некому, родители оказались бессильны и только прикладывали теплую грелку на живот ребенку. В те годы в поселке не было медицинских работников, отсутствовала связь с материком. Самолет санитарной авиации по графику прилетал в поселок два раза в неделю. Обычно фельдшер санитарной авиации привозила медикаменты и интересовалась наличием больных. Однако накануне фельдшер уже была в поселке, следующий прилет ожидался к концу недели. На второй день состояние больного сильно ухудшилось, он потерял сознание и к вечеру умер. Абубакир тяжело перенес смерть друга. Уже спустя многие годы, став детским хирургом, он часто вспоминал этот трагический случай и нелепую смерть товарища. Теперь причину он, конечно, смог бы объяснить. По всей видимости, она наступила от сепсиса, полученного в результате прободения флегмонозного

аппендицита, который осложнился гнойным разлитым перитонитом. Если бы тогда была возможность вызвать самолет санитарной авиации, мальчика вполне могли спасти...

В их поселке была только начальная школа, окончив которую ученики были вынуждены перебираться в другие крупные села Приаралья для продолжения учебы в средних школах. Но Абубакиру повезло: родители переехали в другое село, где уже была семилетняя школа, и построили там дом. Лишь после окончания семилетки Абубакир поехал учиться в большой островной поселок, где находилась школа-интернат. Там он закончил десятилетку и получил аттестат зрелости.

В начале шестидесятых годов по всей стране комсомольцы бросили клич: «Всем выпуском едем работать на село!» После окончания школы по инициативе комсомольской молодежи все должны были один год отработать на селе. Абубакир в числе первых добровольцев откликнулся на призыв и ровно год трудился в селе на рыболовецком предприятии. Но с юных лет он мечтал стать врачом и поэтому решил поступить в медицинский институт, выбрав вуз в Алма-Ате. Всегда тяготевший к знаниям, он успешно выдержал трудные вступительные экзамены, набрал проходные баллы и, к удивлению земляков, сумел поступить на педиатрический факультет Алма-Атинского государственного медицинского института.

На первых порах учеба давалась с трудом. Прежде всего, сказывалось плохое знание русского языка. Однако этот пробел благодаря своему упорству и неустанному труду Абубакир быстро преодолел.

С первого и до последнего курса он жил в общежитии, безмерно радуясь прекрасной поре студенчества. Будучи общительным, честным и смелым, он быстро

обрел обширный круг друзей. С ним тесно общались и дружили не только земляки из Приаралья. Молодежь в те годы высоко ценила полученные от учителей и педагогов знания, всеми силами стремилась хорошо учиться. Абубакир с энтузиазмом взялся за учебу в институте, он полюбил хирургию. С удовольствием посещал студенческий научный кружок по детской хирургии, готовил научные рефераты. Проводил опыты на животных, оперировал на кроликах и собаках. В свободные дни, преимущественно по вечерам, занимался в спортивной секции, посещал тренировки по национальной борьбе казакша-курес. Не забывал уделять часть своего драгоценного времени духовному развитию, посещая оперный театр, филармонию.

В студенческие годы к нему пришла настоящая большая любовь. Он с первого взгляда влюбился в свою сокурсницу Раушан и пронес это чувство через всю жизнь. После окончания института Абубакира забрали в армию для прохождения двухгодичной службы в качестве военного врача. В рядах Советской армии достойно выполнил долг перед Родиной, внося посильный вклад в оказание медицинской помощи солдатам и офицерам войсковых частей и подразделений, где два года проработал военным хирургом в крупных госпиталях – вначале в городе Ижевске, а затем в Воронеже. Будущая невеста терпеливо ждала его возвращения. После демобилизации он женился.

После прибытия в Алма-Ату его приняли на работу в хирургическое отделение Первой городской клинической больницы, где Абубакир получил первую закалку детского хирурга. Он проводил в клинике бесчисленные бессонные ночи. Не отказывался от ночных urgentных дежурств. В клинике старался много оперировать

и с удовольствием перенимал богатый опыт у старших коллег.

Через пять лет его, уже как признанного детского хирурга, пригласили заведовать хирургическим отделением Алма-Атинской областной детской больницы, где проработал достаточно длительный период.

Учитывая богатый клинический опыт и хорошие организаторские способности Абубакира, руководство здравоохранения Республики назначило его главным хирургом области. В эти годы наставником и учителем Абубакира стал известный ученый Ормантаев, возглавлявший тогда Казахский научно-исследовательский институт педиатрии и детской хирургии. Директор института по-отечески, заботливо относился к молодому коллеге. Они оба были выходцами из одного рода, и их детство прошло в тех же регионах Приаралья. Абубакир очень гордился своим земляком и прилагал все усилия, чтобы оправдать надежды учителя. Он многому научился у своего верного наставника, выдающегося детского хирурга и ученого, профессора Камала Саруаровича, теперь его учитель уже академик Национальной академии наук Республики Казахстан, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки.

Под научным руководством Ормантаева молодой соискатель успешно защитил кандидатскую диссертацию при Всесоюзном научно-исследовательском институте педиатрии и детской хирургии в Москве. Он выбрал весьма актуальную проблему, чрезвычайно важную для детских хирургов и травматологов. Практический хирург обобщил большой собственный клинический материал по результатам лечения частых переломов плечевой кости у детей. Его глубокие научные исследования были широко внедрены в практическое здравоохранение нашей республики. В тот период пер-

спективного ученого, получившего степень кандидата медицинских наук, назначили заместителем главного врача по хирургической службе, а через год доверили должность главного врача первой городской детской клинической больницы Алма-Аты.

Познакомился я с ним в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, когда он после защиты кандидатской диссертации стал работать главным штатным хирургом Алма-Атинской области. Он много изобретал, создав ряд оригинальных инструментов для практикующих детских травматологов, внедрил оригинальные рационализаторские предложения. Опытные образцы инструментов, а также многочисленные авторские свидетельства на изобретения принес мне в отдел науки Министерства здравоохранения, где я курировал научные разработки. Эти материалы, после рассмотрения Ученым советом Минздрава, были высоко оценены, автор получил звание Почетного изобретателя. Абубакира наградили специальной нагрудной медалью «Аль-Фараби» за успешное внедрение научных разработок в практическое здравоохранение.

Получив такую высокую награду, изобретатель зашел в мой кабинет, чтобы выразить благодарность и признательность за оценку его труда. Он произнес слова благодарности искренне, с какой-то притягательной теплотой, чем сразу расположил к себе. Сделав серьезное лицо, я сказал:

– Нет, Абубакир, спасибо говори своей жене, а это событие надо «обмыть», – шутливо предложил я ему, улыбаясь.

– Реке! Хорошо, готов сразу приступить к «обмыванию», – радостно ответил он, продолжая наш шутливый разговор. Затем, выдержав паузу, уже серьезным тоном предложил:

– А что, давайте, правда, отметим это событие и поужинаем в ресторане с друзьями. Пригласите ваших коллег.

Потом, засмущавшись, сказал:

– Простите за мою бесцеремонность, может быть, Вы согласитесь, да и мне будет приятно познакомиться с новыми друзьями. Думаю, что общение с ними обогатит меня.

Он сказал это от всей души, непринужденно, словно мы были старыми друзьями. Его сердечные слова вызвали у меня глубокую симпатию к нему.

– Абеке! Ваше предложение принимаю с почтением, большое спасибо! Что касается знакомых коллег, хочу познакомить Вас с моим давним другом профессором Шаиховым. Он работает проректором Целиноградского медицинского института, а также заведует кафедрой отоларингологии, приехал вчера в Минздрав сдавать научный отчет в отдел науки. Вы увидите, он неординарный человек, замечательный врач и хирург, даже можно сказать – нестандартный ученый. Я полагаю, с ним нам будет интересно. Было бы хорошо пригласить его поужинать с нами. Однако спрошу у него, сможет ли он составить нам компанию.

– Реке! Очень хорошо, буду рад этому знакомству. У меня встречное предложение: давайте пригласим и моего друга Марата, он работает у Вас в Минздраве, в управлении кадров.

– Абеке! Прекрасно! Конечно, пригласите. Я его тоже хорошо знаю, мы в дружеских отношениях, хотя он и моложе меня. Марат коммуникабельный, нам часто приходится общаться, поскольку курирует медицинские институты.

Решили организовать встречу после рабочего дня, предварительно согласовав с профессором Шаиховым

намечаемое место ужина. Я созвонился с профессором. Он был обрадован моим предложением и высказал просьбу:

– Реке! Может быть, по-настоящему «обмоем» получение награды Вашего коллеги в бане «Арасан» и там поужинаем, сочетая приятное с полезным отдыхом? Я, в который раз приезжая в Алма-Ату, не могу попасть в вашу знаменитую баню.

– Задаш Шаихович! Вы наш гость и старший по возрасту. Ваши рекомендации принимаем. Заказываем в «Арасане» восточную сауну, в ней я тоже еще не был.

В начале восьмидесятых годов при строительстве новых культурных объектов города Алма-Аты по личной инициативе первого секретаря Коммунистической партии Казахстана Динмухамеда Кунаева был воздвигнут упомянутый банно-оздоровительный комплекс «Арасан». Этот комплекс функционирует по сей день. Наш гость из Целинограда поразился внутренней отделке комплекса. Стены, потолки и полы в нем были отделаны мраморной плиткой с красивыми восточными узорами. Это сооружение является одним из красивейших в республиках Средней Азии. Восточная сауна была оборудована специальными отсеками в виде ниш, с мраморными лежаками. Причем в каждой нише была разная температура, от плюс тридцати до шестидесяти градусов тепла.

Абубакир заказал восточную сауну-люкс, где были созданы все условия для комфортного отдыха. Он привез из дома горячий бешбармак, приготовленный с любовью и со вкусом его супругой. Мы сели за трапезу и тут наш ученый коллега воскликнул:

– А где же, ребята, выпивка, чем вы собираетесь обмывать награду?

В те годы генеральным секретарем КПСС Андроповым в стране негласно был введен сухой закон, и в общественных местах пить спиртное запрещалось. Однако люди умудрялись нарушать запрет и на свой страх и риск употребляли горячительные напитки. Наш хозяин неловко засмушался, сказав, что забыл захватить из дома коньяк. Я постарался выручить его и сказал, что мы решили соблюдать здоровый образ жизни и будем пить зеленый чай. Но все же, чего греха таить, профессор иногда любил в компании выпить и настоял, чтобы мы раздобыли коньяк. Спустя много лет мы часто вспоминали ту нашу встречу в бане «Арасан».

После практической деятельности в лечебных учреждениях города Алма-Аты Ормантаев предложил Абубакиру работу на кафедре детской хирургии при Алма-Атинском медицинском институте. Начинать Абубакир на новом месте ассистентом, затем получил должность доцента кафедры. В начале девяностых годов перешел работать в Институт усовершенствования врачей и стал заведовать курсом детской хирургии. Здесь проявился его талант большого ученого, организатора и педагога.

Правительство республики высоко оценило научные достижения Абубакира. Он, вместе со своим руководителем, за цикл научных работ по новым технологиям диагностики и лечения в детской травматологии и ортопедии в конце девяностых годов получил высокое звание лауреата Государственной премии Республики Казахстан. Конечно, важным и особо значимым событием для молодого ученого явилась защита докторской диссертации в начале нового тысячелетия. Его фундаментальный научный труд был посвящен клинко-патологическому обоснованию и разработке новых методов лечения переломов лучевой кости у детей.

После долгой разлуки мы встретились, когда он уже стал доктором медицинских наук. Встреча произошла весной, накануне праздника Наурыз. В Алматы (теперь так называется наша бывшая южная столица) меня пригласил ректор медицинского университета профессор Муминов для грандиозного празднования Нового года по Восточному календарю. Тогда это мероприятие впервые отмечалось так широко. На праздник собрались почти все ректора медицинских академий Казахстана, директора научно-исследовательских институтов, руководители практического здравоохранения города. Мероприятие проводилось на большой территории Первой городской клинической больницы, являвшейся учебной базой медицинского университета.

После двадцатого марта в Алматы тогда стояла великолепная погода. Весеннее яркое солнце ласкало своими лучами позеленевшие лужайки. Земля уже подсохла и покрылась нежным травяным ковром. На всей свободной территории больницы были установлены казахские юрты, собранные накануне праздника. Здесь были и большие, и средние юрты, красочно оформленные национальными узорами. Молодые врачи – девушки и парни в ярких национальных костюмах – ухаживали за гостями.

В центральной большой юрте из белого войлока собрались руководители ряда клиник и других учреждений. Внутреннее убранство этой юрты было великолепным. Стены его украшали разноцветные ковры, на полу расстелены национальные кошмы, выделанные из бараньей шерсти, с удивительным орнаментным рисунком. На стенах висели казахские сабли, лук с колчаном стрел, украшения из серебра, музыкальные инструменты: домбра и кобыз, сарнай и жетиген. На большом круглом деревянном столе, накрытом белоснежной узорча-

той скатертью, находились разнообразные изысканные блюда казахской кухни. Глаз радовали обилие мясного ассорти, национальные лепешки и, конечно, с любовью накануне праздника приготовленное наурыз-коже с использованием не менее семи различных ингредиентов. Приготовить его правильно способен не каждый. Как правило, наурыз-коже готовят на катыке, наподобие кефира, и добавляют пшеничную кашу. Кроме того, в состав коже обязательно входят отварное конское мясо, кусочки казы и другие деликатесы. Такой наваристый суп является очень калорийной пищей и поэтому он полезен ранней весной, когда после зимы организм человека нуждается в витаминах и полноценных белках.

Медицинские работники, прибывшие для участия в праздновании Наурыза, были в нарядной одежде. Мужчины великолепно смотрелись в своих разноцветных и ярких национальных чапанах и головных уборах, похожих на наполеоновскую треугольную папаху, и выглядели особо экстравагантно.

Меня пригласили в центральную юрту, где за дастарханом находились руководители медицинских учреждений города Алматы и области. Здесь я увидел многих своих знакомых, но не ожидал встретить Абубакира. Он так же, как и другие гости, сидел в нарядном чапане темно-бардового цвета, находясь в центре всеобщего внимания. Увидев меня, радостно встал и поприветствовал. Мы крепко обнялись. Эта встреча для обоих была неожиданной и приятной. Попросив минуту внимания, он представил меня сидящим. На что большинство присутствующих заговорили хором:

– Абеке! Присядь, пожалуйста! Мы хорошо знаем уважаемого академика Тулебаева, с которым ты дружишь многие годы. Мы из-за этого на тебя смотрим даже с некоторой завистью, – шуточно заявили гости.

Отведав приготовленный со вкусом бешбармак, мы вышли из юрты для беседы после долгожданной встречи.

– Реке! – произнес с волнением он. – Я безмерно рад нашей встрече. Наверное, сам Господь направляет наш путь. Давно собирался приехать в Астану и посоветоваться. Пытался дозвониться до тебя, но не получалось. Мой шеф советует поехать к тебе в медицинскую академию. Он настаивает, чтобы я возглавил кафедру детской хирургии и одновременно недавно открытый у вас Казахский филиал научно-исследовательского института педиатрии и детской хирургии. По этому поводу он собирался позвонить тебе.

– Абеке! Твой шеф уже мне звонил. Ответил ему согласием. Он, оказывается, не знал, что мы давние друзья. Конечно, я тебя возьму на кафедру без всякой протекции. Мы нуждаемся в квалифицированных научно-педагогических кадрах по детской хирургии. После смерти профессоров Нейкова и Орманова, к сожалению, кафедра детской хирургии осталась без руководителя. Поэтому твой приезд был бы очень кстати. Нам будет престижно иметь в медицинской академии еще одного лауреата Государственной премии. Жду тебя к началу нового учебного года. А теперь расскажи новости о семье. Прошло ведь уже много лет, как мы не виделись. Как поживает супруга, где работают дети? Они, наверное, уже женаты?

– Да, Реке! Много воды утекло с тех пор. Мой старший сын пошел по моим стопам, начал работать детским хирургом, а теперь решил заняться проблемами неонатологии. Собирает материал для кандидатской диссертации. Его научным руководителем также является академик Ормантаев. Теперь мой сын как бы его внучатый ученик. Самый младший сын не захотел быть медиком, он

учится в техническом вузе, выбрал специальность инженера. Реке! Мы потеряли нашего любимого второго сына Ануара еще в начале девяностых годов. Ему было всего 16 лет. Непредсказуемый трагический случай. Он умер от асфиксии. В гортань попало инородное тело, обыкновенная жевательная резинка. Никого рядом не было, он задохнулся, поскольку эта резинка прилипла к дыхательному горлу. Так тяжело об этом вспоминать. Мы его очень любили. Сын был круглым отличником, учился в специализированной математической школе и заканчивал одиннадцатый класс, — он горестно вздохнул и вытер ладонью накотившуюся слезу.

Тут я заметил густую прядь седых волос на его висках. Чтобы как-то отвлечь его от тяжелых воспоминаний, я предложил помянуть сына и выпить рюмочку коньяка. Перед расставанием мы обменялись телефонами и договорились обо всем.

Абубакир приехал в Астану осенью, к началу нового учебного года. Как прошедший по конкурсу он был принят заведующим кафедрой детской хирургии. Однако в это время я уже не работал ректором и обеспечить его жильем не смог. Поэтому он более пяти лет жил с семьей в крохотных двух комнатенках институтского общежития, как в былые студенческие годы. Вместе с тем, несмотря на неблагоприятные условия быта, он с первых дней работы значительно активизировал деятельность кафедры, сплотив коллектив, создав здоровую конкурентную атмосферу. К научной и педагогической деятельности с воодушевлением привлек также практических врачей клиники детской больницы, где базировалась его кафедра. По его инициативе возобновилась работа городского научно-практического общества детских хирургов, а также студенческого научного общества. Студенты старших курсов под его руковод-

ством выполнили ряд оригинальных исследований, результаты которых были доложены на международных и республиканских конференциях молодых ученых и получили высокую оценку. Научные разработки его молодых учеников всегда занимали призовые места. Этот же период работы Абубакира совпал с еще одним радостным событием – защитой кандидатской диссертации его старшего сына.

Приближалась юбилейная дата, шестидесятилетие Абубакира, которое в ноябре 2006 года отметила вся медицинская общественность Казахстана. По случаю торжеств приехали многочисленные друзья, родственники и земляки из Приаралья. Поздравить его с юбилеем прибыл и наш видный государственный деятель, бывший председатель кабинета Министров Республики Казахстан Караманов, а также академик Ормантаев.

За десятилетие работы в нашей медицинской академии – теперь уже университете – Абубакир подготовил более двух десятков докторов и кандидатов медицинских наук и сумел за относительно короткий период создать в Астане свою научную школу детских хирургов. Написал сотни статей, издал две монографии и десятки учебно-методических пособий и рекомендаций, в том числе на государственном языке, который знал блестяще. Запомнилось, что он свободно цитировал классиков казахской литературы, очень любил творчество Абая, восхищаясь мудрыми словами назидания великого поэта и мудрого философа.

В течение ряда лет Абубакир работал на общественных началах вместе со мной в Министерстве науки и образования при Комитете по надзору в сфере науки и образования, аналоге Российской высшей аттестационной комиссии. Мы были экспертами по аттестации кандидатских и докторских диссертаций. Здесь мой друг

показал себя специалистом широкого научного кругозора, проявляя гражданскую позицию, высокую честность и добросовестность.

Как-то незаметно пролетели годы нашего общения. Несколько лет тому назад он стал жаловаться на недомогание. Коллеги обнаружили повышенное содержание сахара в крови и установили диагноз – сахарный диабет. Но несмотря на серьезное заболевание, Абубакир на первый план ставил работу, участвуя в многочисленных научных и практических конференциях, симпозиумах и конгрессах детских хирургов в странах ближнего и дальнего зарубежья. Обогащаясь на этих научных форумах знаниями и щедро делясь ими со своими коллегами и учениками, он безмерно радовался успехам современной медицины, бывая в научных поездках в Израиле, Египте, Италии и других странах, где выступал с докладами от имени казахстанских детских хирургов.

Ему некогда было следить за своим здоровьем, он спешил жить и делать добрые дела. Через некоторое время у Абубакира диагностировали злокачественную опухоль средостения, к сожалению, уже не операбельную. Даже будучи серьезно больным, он продолжал читать лекции врачам-интернам и резидентам. Болезнь переносил мужественно. В последние месяцы своей жизни Абубакир мне признался, что иногда ему кажется странным ощущать свое состояние. Так и сказал:

– Реке! Я на себя смотрю как бы со стороны, словно это происходит не со мной.

Теперь уже нет с нами нашего доброго друга, скромного по натуре и очень порядочного, светлого душой человека – Абубакира. Однако есть уверенность, что его добрые дела продолжают многочисленные ученики, сыновья и внуки, которых он безмерно любил и лелеял.

ПАТРИОТ СТЕПНОГО КРАЯ

До приезда в Астану (в те годы Акмолу) я трудился в Шымкенте, крупном областном центре на юге Казахстана. Там я вначале руководил фармацевтическим институтом, преобразованным позднее в медицинский вуз. В эти края я переехал из Алма-Аты, теперь уже бывшей южной столицы, в начале 90-х годов прошлого столетия после служебного перевода по работе из Высшей аттестационной комиссии Республики Казахстан.

В июне 1997 года мне позвонил министр здравоохранения Девятко. Он сообщил, что коллегия Минздрава утвердила меня ректором Акмолинской медицинской академии в порядке служебного перевода из Шымкентской медицинской академии.

Министр приказал в устной форме при беседе по телефону, что к работе надо приступать не позднее второй декады июня, и пожелал удачи на новом месте.

Через несколько дней я вылетел транзитным рейсом через Алма-Ату в Акмолу. В те годы рейс из Шымкента выполнялся на старом турбовинтовом самолете АН-24. Полет длился более трех часов.

Мотор старого воздушного судна издавал сильный шум и гул, особенно в переднем салоне, где оказалось

мое место. К концу полета моя голова стала гудеть, заложило уши. Находился в каком-то дискомфортном состоянии. И облегченно вздохнул, услышав от стюардессы, что самолет пошел на снижение. Она попросила привести кресло в вертикальное положение и пристегнуть привязные ремни на пояс.

Снижался самолет, как мне показалось, очень долго. Мы попали в какую-то воздушную яму, и нас периодически трясло и укачивало. Наконец мы выбрались из густых облаков.

Я посмотрел в иллюминатор и увидел красивую обширную желтую степь. По мере приближения нашего воздушного судна к земле стали отчетливо вырисовываться постройки, жилые дома, движущиеся по дорогам машины. Самолет начал довольно сильно раскачиваться — по-видимому, из-за бокового ветра, — издавая неприятные, скрипучие звуки. Вдруг судно резко накренилось, но затем, сделав полукруг, самолет принял горизонтальное положение и пошел на посадку. Шасси резко коснулись посадочной полосы, взревел мотор, мы ощутили движение колес по бетону и дружно облегченно вздохнули.

В аэропорту меня встречал друг по Шымкенту полковник Комитета национальной безопасности Ержан Исакулов (теперь генерал), считавший себя уже старожилом Акмолы. Он приехал сюда за год до моего назначения. Мы сели в его служебную машину «Волгу» и благополучно добрались до города.

Мне был забронирован номер в гостинице «Ишим», которую построили еще в период освоения целины. Напротив находилась гостиница «Москва». В те годы это были единственные в Акмоле отели. Мы договорились с Ержаном, что он заедет к вечеру на ужин.

Принять душ, к сожалению, не удалось. В номере отсутствовала горячая вода. Переодевшись в спортивную одежду, вышел осматривать город.

Я никоим образом не ожидал, что в конце июня в Акмоле может стоять такая мерзопакостная погода. Дул сильный, пронизывающий, холодный ветер, обильно сдобренный песком и пылью. Ветер сек лица прохожих, которые, прикрыв ладонью глаза, перебежали через тротуары на противоположную сторону улицы. Студеный северный ветер остервенело выдувал грязь с непокрытых асфальтом участков земли, поднимая тучи частичек глины и песка. Эта пыль, временами закручиваемая в вихри, проникала в глаза, нос и уши. Лютый ветер не унимался: периодически ослабевая, он затем, словно опомнившись, задувал с новой силой, издавая неприятные звуки. Так что пришлось быстро завершить осмотр центральной части города. Я вернулся в отель и стал ждать звонка Ержана.

На следующее утро поехал в Акмолинскую медицинскую академию, где на Ученом совете меня должен был представлять коллективу первый заместитель министра здравоохранения нашей республики.

В течение месяца познакомился почти со всеми заведующими кафедрами. Несколько заведующих находились в отпуске или на учебе.

В один из памятных дней в мой кабинет пришел заведующий кафедрой общей хирургии профессор Миронюк. На его лице светилась добрая улыбка, притягивающая искренностью и дружелюбием. Его стройная высокая фигура выдавала в нем спортивного человека. Однако в манере разговора, мягком движении рук, искристом мудром взгляде голубых глаз угадывались черты истинного ученого и достойного профессора. Вежливо склонив голову, Николай Васильевич тактично извинился, что не смог до этого прибыть на со-

беседование, поскольку был в отъезде. Он рассказал, что приехал из Санкт-Петербурга, где участвовал в большом форуме хирургов. Мне было приятно об этом слышать, и я с удовольствием рассказал ему, что Санкт-Петербург считаю своей второй альма-матер, поскольку в городе на Неве прошли прекрасные годы зрелости и там состоялась защита моей докторской диссертации. Вспоминая питерских ученых, мы нашли много общих знакомых.

В частности, восхищались долголетием хирургической практики знаменитого профессора Углова, у которого как раз и был в клинике Николай Васильевич. Покидая мой кабинет, он, несколько смущаясь, позвал меня с супругой в гости к себе домой. Николай Васильевич шутя отметил, что хорошо знает казахские обычаи, согласно которым вновь приехавших на новое место людей следует приглашать на «ерулик». Согласно многовековой традиции, прибывшие на новое место жительства семьи приглашаются хозяевами на ужин. И поэтому он, соблюдая традиции, как хозяин города первым обязан позвать меня – как прибывшего новосела – к себе домой и непременно угостить национальным блюдом «бешбармаком» (как правило, это мясо конины и другие составляющие). Крепко пожав друг другу руки, на том и порешили.

Не откладывая на более поздний срок любезное приглашение на «бешбармак» мы с супругой Марией в субботний день приехали в гости к Николаю Васильевичу. Жил он тогда в небольшой скромной трехкомнатной квартире еще «хрущевской» постройки. Нас приветливо встретила с очаровательной улыбкой его супруга Галина Георгиевна и как-то сразу расположила. словно мы были уже давними знакомыми. Своей открытостью Галина походила на мою супругу Марию.

Мы поужинали великолепно приготовленным бешбармаком, заправленным тонким тестом, а также отварной картошкой, как принято у истинных северных казашек. На праздничном столе были и другие изысканные блюда казахской кухни: казы и карта, а также жая.

С тех пор мы стали друзьями и общались семьями. Их милый сыночек Игорек тогда еще учился в школе и штудировал, по совету отца, английский язык. Он собирался поехать в Америку для продолжения учебы в средней школе по специальной программе и обмену. Уже было известно, что он будет жить в американской семье с таким же ровесником.

На мое предложение поработать проректором Николай Васильевич категорически отказался: «Если надо чем-то помочь, сказал он, я буду рад выполнять Ваши поручения без номенклатурной должности». Все же я уговорил его стать проректором по клинической работе. Мы выполняли свои обязанности слаженно, без всякой излишней суетливости. Вместе с тем тогда были очень трудные времена. Правительство задерживало зарплату и даже стипендию студентам на несколько месяцев. В лекционных аудиториях и учебных классах зимой было очень холодно, лекторы и студенты занимались в верхней одежде. Периодически проводилось веерное отключение электричества.

Министерство образования недолжным образом финансировало наш вуз, так как в него входили другие приоритетные комитеты, в частности здравоохранения, спорта и культуры – сокращенно МКИОЗ. Складывалось ощущение, что действовал некий неуправляемый бюрократический аппарат.

Шли годы, жизнь налаживалась, страна вышла из кризисного состояния. Акмола стала столицей суве-

ренного Казахстана, столичный город переименовали в Астану.

После моего ухода с должности ректора покинул должность проректора Николай Васильевич, и мы оба активно включились в творческую деятельность, готовили соискателей и аспирантов, участвовали в работе Диссертационного совета.

Еще в первые месяцы моей работы в должности ректора Миронюк представил меня своим близким друзьям. Познакомился с очень интересными учеными, среди которых были талантливый и высокообразованный профессор Леонид Зигмундович Тель, а также его ученик, молодой патофизиолог Ерболат Дербисалиевич Даленов, ставший к тому времени уже профессором. Николай Васильевич с его общительным характером всегда был в центре внимания. Он обладал прекрасным чувством юмора, рассказывал смешные житейские анекдоты, особенно на еврейские темы, юмористические, не принижающие достоинства этого великого народа.

Николай Васильевич был в нашем кругу общения «своим парнем». Мы называли его на манер белорусско-украинского произношения «швой парень», сокращенно получалось «ШП». В шутку, конечно.

Наш друг вспоминал, что еще юношей приехал в Казахстан из Украины. Окончив среднюю школу в местечковом поселке Минковцы с серебряной медалью, вне конкурса поступил в 1965 году на лечебный факультет Целиноградского государственного медицинского института.

Он прошел славный путь от практического врача до профессора. Миронюк был талантливым человеком, хорошо разбирался не только в медицине и хирургии, где достиг больших результатов и получил признание.

Он имел прекрасные познания в технике, сельском хозяйстве, был замечательным садовником. Только в его саду в суровых климатических условиях северного региона росли яблоки, груши и виноград.

Вспоминая прошедшие в дружбе с ним почти семнадцать лет, с щемящей болью в душе осознаешь горечь утраты. В мир иной ушел добрый и очень порядочный человек, любящий отец и дед, славный сын Украины, ставший современным степняком и истинным патриотом целинного края Казахстана, всего себя отдавший служению вновь обретенной Родины.

ФЕНОМЕН МАРИУСА

В отечественной оториноларингологии XIX–XX веков трудились выдающиеся люди, чьи имена навсегда останутся в истории медицины. И даже в этой когорте ученых профессор Мариус Стефанович Плужников занимает особое место. Он личность, отмеченная Божьим даром. Писать о нем можно бесконечно. Однако сложно передать словами все грани его таланта. Ведь недаром говорят, что если человек талантлив, то он талантлив во всем.

Широкой его натуре, присущей истинно русскому человеку, была присуща особая врожденная интеллигентность. Этот природный дар ощущали многие при первом же знакомстве с ним. За многие годы нашей дружбы я видел, как Мариус Стефанович относится к людям – с теплотой и сердечностью, особенно к пациентам, сопереживая им, но в тоже время вселяя в них оптимизм и надежду, вдумчиво разъясняя причину их болезни, предлагая наиболее приемлемые методы лечения – либо хирургическое вмешательство, либо консервативную терапию.

В деликатной форме профессор умел настроить пациентов на оптимистический лад, используя порой

шутливый рассказ или примеры различных казусных случаев из жизни. Он тактично, но в то же время убедительно разъяснял им, как правильно поступать даже в безвыходных состояниях.

Удивительной чертой талантливого ученого было то, что он мог вести беседу на самые различные темы, проявляя высочайшую эрудицию не только в медицине, но и в литературе, истории, музыке, живописи, искусстве.

Обладая феноменальной памятью, Мариус Стефанович блестяще реализовал свои исключительные способности. В подлиннике читал на английском языке произведения Шекспира и других зарубежных классиков литературы, в том числе из Великобритании, Соединенных Штатов Америки. Его правильная английская речь привлекала внимание многих иностранных ученых-медиков, и они с удовольствием слушали его лекции по новейшим достижениям в области оториноларингологии.

В нем великолепно сочетались способности выдающегося клинициста, хирурга-отоларинголога, блестящего педагога и, конечно, ученого мирового масштаба.

Он, как Петр Первый, «прорубил окно в Европу» по нашей специальности «Оториноларингологии – хирургии головы и шеи». Во время распада бывшего Союза он сумел объединить представителей всех бывших союзных республик, а также выдающихся ученых Европы и Америки, создав Международную академию оториноларингологии – хирургии головы и шеи. Многие иностранные члены этой академии почитали для себя честью состоять в рядах организованной им Международной академии.

Заслуга Мариуса Стефановича, конечно же, не только в создании данной академии. С его участием, благодаря личной постоянной и кропотливой работе в начале

90-х годов были организованы конференции молодых ученых с участием международных научных кругов, что дало мощный толчок к росту профессиональной деятельности молодых специалистов и ученых, работавших в различных уголках России, а также странах ближнего и дальнего зарубежья.

За годы своей творческой деятельности он проделал такую колоссальную работу, которая может быть соизмерима только с научными достижениями коллектива целого ряда научно-исследовательских институтов. Теперь, когда его уже не стало, мы осознали, что потеряли гениального человека, личность, какие рождаются, может быть, один раз в столетие.

Об этом мы, его друзья и соратники, часто говорим во время наших встреч на конференциях и симпозиумах. Известный профессор из Украины Сергей Безшапочный, являющийся одним из любимых учеников Марнуса Стефановича, во время дружеских застолий постоянно говорил мне с печалью в голосе:

– Райс! Мы с тобой осиротели, так как нет нашего мудрого наставника, однако все же должны гордиться, что в нашей жизни мы имели счастье общаться с таким гениальным человеком!

С трепетом вспоминаю мое первое знакомство с Мариусом в далеком 1973 году на Всесоюзном пленуме правления отоларингологов в городе на Неве, о котором я подробно написал в рассказе «Мой дорогой Мариус», опубликованном в книге «Сага о моих современниках» (Астана, 2010 г.). В памяти оживают и более поздние встречи, когда мы уже стали близкими друзьями.

Ярким и запоминающимся оказался последний Всесоюзный съезд отоларингологов, состоявшийся осенью 1988 года в Кишиневе. Запомнился съезд, прежде всего, присутствием на нем будущего председателя Всесоюз-

ного научного общества. Он был тогда самым молодым членом президиума Всесоюзного научного общества – ему было всего 45 лет. Близился конец горбачевской перестройки. В стране была объявлена всеобщая гласность и проклевывались ростки демократии.

В конце работы съезда должны были состояться выборы председателя общества на демократической основе. Большинство делегатов решило проводить тайное голосование. Каждый из претендентов на должность председателя Всесоюзного общества отоларингологов готовился выступить с подготовленными программой и платформой. Делегаты с нетерпением ожидали доклады претендентов, в числе которых были известные ученые: академики АМН СССР Преображенский и Солдатов, профессор Тарасов. Последним выступал Мариус. Он сделал блестящий доклад, зал буквально стоя аплодировал ему. И неудивительно, что по результатам тайного голосования он, с большим преимуществом опередив соперников, стал председателем Всесоюзного общества отоларингологов.

В те годы Мариус Стефанович провел большую организационную работу. Ежегодно стали собираться пленумы правления Всесоюзного научного общества отоларингологов. Они проходили интересно, обсуждалось все новое и передовое. На форум съезжались многие специалисты, в том числе из числа работников практического здравоохранения, руководители крупных ЛОР-отделений областных и межрайонных больниц. Работа на местах оживилась, организовывались научно-практические конференции, семинары.

Значительным событием в научно-практической деятельности в этот период явился созданный 15 февраля 1990 года очередной пленум правления Всесоюзного научного общества отоларингологов в Ленинграде

под руководством Плужникова и сопредседательством члена-корреспондента АМН СССР, профессора Исхаки. Они оба в то время были в расцвете творческих сил. Пленум проходил в актовом зале первого Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова (теперь это Санкт-Петербургский медицинский университет). На трибуне с высоко поднятой головой стоял, улыбаясь, красивый, импозантный мужчина, о котором сразу и не скажешь, что это известный ученый. Он был в строгом темно-синем костюме с блестящими позолоченными пуговицами, напоминавшем форму морского офицера.

На пленум съехались почти все члены правления, главные отоларингологи всех союзных республик, заведующие кафедрами медицинских институтов страны, директора научно-исследовательских институтов.

От Республики Казахстан было четыре представителя: заведующие кафедрами оториноларингологии профессора Тайбогаров, Баймаканова, Шаихов и я, как директор Усть-Каменогорского филиала НИИ профессиональной патологии.

К собравшимся делегатам обратился с приветственной речью Мариус. В зале воцарилась тишина, и оратор произнес яркую пламенную речь.

Он сообщил, что основной повесткой дня пленума является «Модель специалиста-отоларинголога стационара и поликлиники».

Председатель предоставил слово по этому вопросу основному докладчику Самоходскому. Между тем перед его выступлением председатель взял слово и кратко изложил свое мнение. Он сказал, что каждый из делегатов пленума может выступить в дискуссии и выразить свое мнение, которое, конечно, должно быть у каждого. Далее профессор Плужников спросил:

— Что вы сами вкладываете в понятие «модель специалиста»? Этой модели пока не существует.

Председатель пленума попросил всех высказать коллективное мнение в конкретной форме. Он произнес:

— Обратите внимание на техническое оснащение, систему обучения специалиста, проводимые организационные мероприятия, перечень операций, осмотров, эндоскопии и т. д. Осветите значение центров: что такое центры? Кто такой врач поликлиники, стационара? Что такое специализированные кабинеты?

Следует отметить, что и сегодня в нашей специальности упомянутые вопросы остаются актуальными, даже в современных условиях, когда специалистам доступны новые высокие технологии.

Председатель поблагодарил всех присутствующих за приезд на пленум и произнес добрые слова благодарности. Он отметил, что такой форум в Ленинграде не проводился почти 20 лет. Запомнилось его искреннее обращение:

— Нам особенно приятно всех вас видеть! Пользуясь тем, что все мы собрались здесь, хочу объявить некоторым нашим товарищам благодарность от вашего имени и поздравить тех, кто заслужил за последний год этой высокой чести!

Ученый отметил особые заслуги Заболотного, директора Киевского института оториноларингологии, который блестяще провел съезд в Одессе и был избран там председателем общества.

Далее он сердечно поздравил профессора Пальчуна с избранием его главным редактором журнала «Вестник оториноларингологии».

Обращаясь с поздравлением к присутствующим, Мариус Стефанович для каждого находил теплые слова и четко отмечал заслуги коллег, прибывших на пленум.

Он выразил особую признательность отсутствовавшему на встрече по объективным причинам профессору Митину, отметив великолепную организацию Всесоюзной студенческой ЛОР-конференции. Он попросил профессора Заболотного передать доктору от его имени слова сердечной благодарности.

Мне было лестно услышать похвалу в свой адрес. Он, особо подчеркнув, сказал:

– В индустриальном центре, в городе Усть-Каменогорске состоялся пленум Казахского общества, за великолепную организацию которого я хотел бы от вашего имени поблагодарить профессора Тулебаева!

Благодаря конструктивному ведению пленума, проходившего под его председательством, делегаты приняли самое активное участие в дискуссиях. Среди выступавших были академики Солдатов, Хечинашвили, профессора Овчинников, Пальчун и многие другие ученые. С интересным сообщением выступил профессор Таварткиладзе. Его сердечно поздравили с назначением на должность директора недавно созданного Всесоюзного центра аудиологии.

Во время пленума на базе кафедры оториноларингологии первого Ленинградского медицинского института была проведена коммерческая выставка, организованная в лаборатории профессора Белова.

Для всех делегатов наш председатель союзного ЛОР-общества организовал великолепную культурную программу с посещением Дворца Меншикова. Нам были представлены «Золотые кладовые» Эрмитажа.

Сплоченный и дружный коллектив кафедры оториноларингологии первого Ленинградского мединститута организовал для нас замечательный фуршет. Теплый прием и непринужденная обстановка надолго остались в памяти всех делегатов. Возглавлял праздник общения, как всегда, великолепный Мариус Стефанович.

Подводя итоги воспоминаний о моем незабвенном друге, невольно приходят мысли о необходимости серьезного осмысления прожитых лет общения с дорогим мне человеком.

Листая недавно страницы книги о выдающихся личностях, прочитал понравившееся мне высказывание Вудро Вильсона: «Вы пришли в этот мир не просто для того, чтобы прожить жизнь, Вы здесь для того, чтобы обогатить мир. И если Вы пренебрежете этим, то делаете себя беднее».

Мне представляется, что такие выдающиеся личности, как Мариус Стефанович, намного обогатили наш мир. Мое общение с ним длилось почти сорок лет, некоторые моменты стерлись из памяти, но многие яркие и незабываемые эпизоды сохранились благодаря многочисленным фотографиям. Перелистывая свой фотоальбом, воочию вижу незабываемый облик дорогого человека, замечательного друга, мудрого наставника. Грустно сознавать, что это безвозвратно ушло в прошлое.

В жизни для него основным кредом было делать людям добро. И эту миссию он выполнил полностью.

КОРИФЕИ ОТОЛАРИНГОЛОГИИ

Медицина XXI века благодаря новейшим достижениям науки стремительно развивается. Она, в частности, основывается на успехах химии и биохимии, физики и биофизики, генной инженерии и других отраслей знаний.

Вместе с тем за последнее столетие общество значительно урбанизировалось, люди стали больше подвергаться неблагоприятному влиянию факторов внешней и окружающей среды. Для изучения этого воздействия на организм человека начиная уже с середины девятнадцатого столетия в медицине начали формироваться новые направления развития, появились специальности, в основу которых была положена профилактика заболеваний.

К числу специальностей профилактической направленности следует, безусловно, отнести оториноларингологию. Появились врачи, первоначально приступившие к консервативному лечению болезней уха, горла и носа, а также пограничных зон в области головы и шеи. Терапевты и хирурги не совсем обоснованно стали называть врачей-отоларингологов специалистами узкого профиля. В начале прошлого века существовало

неверное суждение о новой специальности. В настоящее время отоларингология – это и хирургия головы и шеи, которая тесно интегрирована с офтальмологией, челюстно-лицевой хирургией, нейрохирургией, таким образом она является самой что ни на есть широкой отраслью медицины.

В начале двадцатого столетия оториноларингология стала быстро развиваться в странах Европы – Германии, Австрии, Франции, Венгрии. В тот же период она получила бурное развитие и в России. В российскую оториноларингологию внесли неоценимый вклад ее основоположники и великие корифеи: академики Николай Петрович Симановский, Борис Сергеевич Преображенский, Владимир Игнатьевич Воячек и многие другие представители оториноларингологических школ, в том числе и из Украины.

Работая по этой специальности более полувека, начав изучение еще при бывшем Советском Союзе, мне приходилось общаться и постоянно учиться оториноларингологии у блестящих клиницистов и известных ученых моего поколения. Со многими из них был знаком лично, нас связывала большая дружба. Судьба свела меня с замечательными людьми, достойно представлявшими оториноларингологию Советского Союза: академиком АМН СССР, профессором Игорем Борисовичем Солдатовым, членом-корреспондентом АМН СССР, ректором Таджикского медицинского института Исхаки, а также заведующим кафедрой этого института Кальштейном. Добрую память оставили руководитель клиники отоларингологии Ташкентского медицинского института профессор Миразизов и ректор Бухарского и Самаркандского медицинских институтов, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Муминов. Незабываемый след в медицине оставили дирек-

тор Киевского НИИ оториноларингологии, профессор Цыганов, директор кафедры и ЛОР-клиники Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) медицинского университета профессор Плужников.

С Игорем Борисовичем Солдатовым впервые встретился в далеком 1968 году на VI Всесоюзном съезде врачей-отоларингологов в городе Ереване. Тогда, будучи аспирантом у профессора Еланцева, я только начинал свой путь в науку. В перерыве заседания съезда подошел к Игорю Борисовичу – в те годы он был еще молодым профессором, но уже известным ученым. Смущаясь и волнуясь, попросил написать автограф на его монографию. Солидная книга была издана в коленкоревой обложке серого цвета с твердым красивым переплетом. Она называлась «Нервный аппарат миндалин в норме и патологии». Профессор с удовольствием подписал книгу и спросил, откуда я приехал. От волнения забыв сразу поблагодарить его, ответил, что приехал на съезд из Алма-Аты. Сообщил, что обучаюсь в очной аспирантуре под руководством Еланцева и работаю над диссертацией по профессиональной патологии ЛОР-органов. Игорь Борисович хорошо знал моего шефа и сказал, что у меня достойный руководитель. Оказывается, его тоже интересовали проблемы влияния факторов химического производства на верхние дыхательные пути, так как в городе Куйбышеве было много промышленных предприятий. Мне было приятно сознавать, что ученый общался со мной как с равным коллегой, несколько не подчеркивая свое превосходство. Ведь в то время он уже был заведующим кафедрой.

За два дня до закрытия съезда гостеприимные хозяева, замечательные армянские коллеги устроили великолепный торжественный ужин. Этот вечер запомнился на всю жизнь. По просьбе делегатов съезда Игорь Бори-

сович блестяще исполнил классическую арию из одноименной оперы «Риголетто» итальянского композитора Джузеппе Верди. Зал взорвался аплодисментами и возгласами «бис». На «бис» он спел романсы. Это было потрясающе. В центре зала стоял и выступал перед гостями импозантной внешности профессор, с очаровательной и обаятельной улыбкой.

В дальнейшем мы с Игорем Борисовичем встречались в начале 70-х годов на Всесоюзном пленуме отоларингологов в городе Ленинграде, а также на VII Всесоюзном съезде в городе Тбилиси. Тогда, будучи уже кандидатом медицинских наук, я входил в состав Всесоюзной проблемной комиссии «Профессиональная патология ЛОР-органов». Руководителем комиссии была профессор Остапкович. Членом ее состоял Игорь Борисович. Мы тогда решили издать совместный монографический сборник «Профессиональная патология верхних дыхательных путей и органа слуха». Игорь Борисович с коллегами планировал написать большую главу по профессиональной патологии верхних дыхательных путей в лакокрасочной промышленности.

На упомянутом съезде в Тбилиси Игорь Борисович сделал прекрасный программный доклад, в котором изложил свою классификацию хронического тонзиллита. Предложенная им классификация была одобрена и принята VII Всесоюзным съездом отоларингологов. По существу, она стала фундаментальным руководством для врачей нашей специальности.

В 1979 году в городе Куйбышеве (ныне Самара) Игорь Борисович организовал Всесоюзную конференцию по детской оториноларингологии, на которую он любезно пригласил и меня. По решению Организации Объединенных Наций (ООН) этот год был объявлен Международным годом ребенка. Поэтому наша кон-

ференция, организованная с 26 по 28 сентября, имела историческое значение. На этот большой форум собрались специалисты всех союзных республик, руководители детских ЛОР-служб и заведующие кафедрами вузов.

Организована конференция была блестяще. Продумано было все до мелочей, включая культурную программу. После завершения работы делегаты и гости отправились на специально организованном транспорте в город Тольятти. Нам была предоставлена возможность посетить Тольяттинский автомобильный завод, выпускающий легковые автомобили «Жигули». Специальный экскурсовод завода показал нам все основные цеха производства, в том числе сборочный. Многие впервые познакомились с процессом выпуска автомобилей, и впечатление оказалось незабываемым. Мы наблюдали, как с конечного этапа конвейера каждые полторы минуты спускались новые красивые «Жигули».

В начале 80-х годов приближалась юбилейная дата Игоря Борисовича – 60-летие. К тому времени он уже был академиком. Я получил от него в начале 1983 года приглашение на юбилейную конференцию. На торжества по случаю 60-летия известного всему миру ученого съехались гости из всех уголков Советского Союза. Мне выпало большое счастье присутствовать на этом большом форуме. Игорь Борисович смог всем уделить внимание. Сотрудники его клиники опекали меня, стараясь сделать все от них зависящее для удобства. Во время посещения клиники более близко познакомился с учеником Солдатова молодым доктором медицинских наук Юрием Владимировичем Митиным. Я его заочно знал и раньше по научным работам. У нас было много общего. Мы родились перед началом Великой Отечественной войны, окончили в один год медицинский

институт и почти в одно время защитили кандидатские диссертации. При этом он, так же как и я, занимался проблемой профессиональной патологии. Юрий Владимирович изучал влияние продуктов производства изопренового каучука на верхние дыхательные пути. Но по защите докторской диссертации я от него отстал почти на целых десять лет. Тому было много причин, мне пришлось пройти сложный и тернистый путь. Благодаря трудолюбию, несомненно большому таланту и, конечно, своему руководителю Игорю Борисовичу его любимый ученик Митин успешно защитил докторскую диссертацию по одной из самых актуальных проблем, касающейся синдрома ларинготрахеита при острых респираторных вирусных инфекциях у детей. Юрий Владимирович тогда уже был профессором кафедры, и шеф его готовил к самостоятельной работе. По совету Игоря Борисовича он подал заявление в Киевский медицинский институт и прошел по конкурсу на заведование кафедрой ЛОР-болезней. Безусловно, Юрий Владимирович является одним из лучших учеников академика Солдатова. Он чем-то напоминает своего шефа, даже почерк письма очень похож. На первый взгляд, есть некоторое внешнее сходство свойств характера и манеры поведения, он такой же мягкий и отзывчивый. Чувствовалось, что он высококультурный человек.

Выступая на этой юбилейной конференции, я зачитал приветственный адрес от нашего министра здравоохранения и вручил только что изданную нашу совместную монографию по профессиональной патологии верхних дыхательных путей и органа слуха. Наши творческие связи продолжались, мы встречались на многих конференциях и пленумах, оставивших в моей памяти незабываемые впечатления от общения с Игорем Борисовичем и целым рядом близких мне друзей. Перед защитой

своей докторской диссертации в начале 90-х годов я позвонил Игорю Борисовичу и с радостью сообщил, что наконец завершил свое большое научное исследование. Он пожелал мне успехов и скорейшего утверждения, обещал поддержку. Действительно, в скором времени ВАК России утвердил мою диссертацию, которая была выполнена на стыке двух специальностей: оториноларингологии и гигиены.

В круговерти забот мы не замечаем времени, которое независимо от нас отсчитывает свои часы. Никто из нас не ожидал, что Игорь Борисович Солдатов внезапно уйдет из жизни 25 марта 1998 года.

В марте 2003 года я вновь приехал на конференцию, посвященную уже памяти Игоря Борисовича. Самарский государственный медицинский университет и кафедра оториноларингологии отмечали 80-летний юбилей со дня его рождения. В город Куйбышев, теперь уже Самару, приехало огромное количество врачей и ученых-отоларингологов. Конференцию организовала ученица Игоря Борисовича, заведующая кафедрой оториноларингологии Самарского государственного медицинского университета, профессор Наталья Владимировна Еремина. Участников конференции приветствовал ректор университета академик РАМН Геннадий Петрович Котельников. Он отметил выдающиеся заслуги Героя Социалистического Труда, академика Игоря Борисовича Солдатова и зачитал поздравление от президента Российской академии медицинских наук академика Валентина Ивановича Покровского.

Научный авторитет Игоря Борисовича Солдатова был настолько высок, что он являлся Почетным гражданином города Самары, имел звание Заслуженного деятеля науки и Героя Социалистического Труда. Он подготовил несколько сот отоларингологов, в том числе

семьдесят пять докторов и кандидатов наук. На кафедре, которая достойно носит его имя, создан в его честь великолепный музей.

Удивительно сложилась судьба этого великого человека. Игорь Борисович родился в Симферополе, в семье медиков. Отец был врачом, а мама хирургической медицинской сестрой. Он окончил среднюю школу в Ленинграде перед началом Великой Отечественной войны и поступил в только что открывшуюся Военно-морскую медицинскую академию. Но началась война, и он вместе с курсантами первого и второго курсов академии ушел воевать, сражался на Ленинградском фронте. Солдатом командовал пулеметным взводом истребительного батальона отдельной морской бригады. Игорь Борисович также воевал в действующей Каспийской флотилии. После окончания войны в 1945 году он с отличием окончил Военно-морскую академию и его оставили в адъюнктуре при кафедре оториноларингологии. В этой академии он успешно защитил кандидатскую диссертацию, работал ассистентом, а затем доцентом кафедры отоларингологии военно-морской медицинской академии и в возрасте 35 лет защитил докторскую диссертацию. Он прошел славный путь от военного врача-отоларинголога до известного всему миру клинициста и блестящего хирурга, превосходного педагога и выдающегося ученого и профессора, действительного члена Российской академии медицинских наук, оставив после себя добрый след. В истории отечественной оториноларингологии до него было только два академика, удостоенных высокого звания Героя Социалистического Труда: Владимир Игнатьевич Воячек и Борис Сергеевич Преображенский.

Что касается профессора Алексея Ивановича Цыганова, то все, кто с ним близко общался, отмечали его

удивительную человечность и доброту. Он начал свой путь в профессии ординатором кафедры отоларингологии Одесского медицинского института, затем работал детским врачом и заведовал ЛОР-отделением в Херсоне, а после защиты кандидатской диссертации стал ассистентом кафедры отоларингологии в Киевском медицинском институте.

Познакомился я с Алексеем Ивановичем, когда он уже был директором Киевского НИИ оториноларингологии. Произошло это в прекрасные сентябрьские дни 1977 года на V съезде отоларингологов Украины в Донецке. Стояла изумительная погода, было начало бабьего лета. Донецк сверкал чистотой, кругом зелень и обилие цветов. Украинские коллеги провели замечательный съезд. Организация была на высшем уровне. На Украинский съезд были приглашены представители всех союзных республик. На съезде Алексей Иванович выступил с большим программным докладом по раку гортани. Его выступление касалось нового метода щадящей хирургии при этом заболевании, ставшего новым направлением в ЛОР-онкологии. Кроме того, он сделал интересный доклад по использованию криохирургии в ЛОР-онкологии. Следует отметить, что за эту работу он был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии Украины.

Он был в центре внимания и вместе с тем Алексей Иванович оставался очень простым, общительным человеком. После завершения работы съезда как обычно состоялся торжественный ужин. Мне представилась возможность пообщаться с ним и пригласить его в Казахстан. Алексей Иванович принял приглашение, но сразу предупредил, что выбрать свободное время для участия в научных конференциях очень сложно. Поэто-

му он сможет поехать только на открытие Республиканского съезда отоларингологов Казахстана.

Как и обещал, профессор Цыганов приехал на открытие нашего I съезда отоларингологов. Этот большой научно-практический форум состоялся в Семипалатинске осенью 1983 года. Мы были рады этой встрече. Ему понравилось наше восточное гостеприимство, он много шутил, рассказывал о своем институте, нерешенных проблемах. Приглашал наших коллег на стажировку в Киевский НИИ отоларингологии.

Однако через два года жизнь Алексея Ивановича внезапно оборвалась, не стало прекрасного и доброго человека, служившего примером бескорыстного служения Отчизне.

Повествуя об известных личностях отечественной отоларингологии, считаю своим долгом рассказать о чудесном человеке и известном ученом Республики Таджикистан, профессоре Юсуфе Баширхановиче Исхаки. Еще до участия осенью 68-го года в VI Всесоюзном съезде отоларингологов в Ереване я посетил столицу Таджикистана Душанбе. Там в середине мая была проведена I конференция отоларингологов республик Средней Азии и Казахстана. Для участия в этой конференции выехала большая казахстанская делегация, в том числе наша кафедра во главе с профессором Еланцевым. Я заканчивал второй год обучения в аспирантуре, и шеф позволил мне участвовать в столь солидном научном форуме.

Там я впервые увидел молодого профессора Исхаки. Это был очень красивый мужчина высокого роста. Его голова с широким лбом была увенчана шапкой черных, вьющихся волос. Большие и удивительно выразительные глаза смотрели внимательно и пронзительно. Его фигура с гордой, величественной, даже царской осан-

кой говорила о том, что это человек особой касты. В то же время он был вежлив и учтив. Обращался с людьми любезно, проявлял чуткость и благожелательное отношение ко всем окружающим. Он был интеллигентен и благороден. Все восхищались его внешностью и манерами. Женщины были от него просто без ума, но он не позволял себе вольности и фамильярности, от него исходила особая аура порядочного человека. Несмотря на большую занятость, он уделял внимание сотрудникам своей кафедры и очень уважительно относился к профессору Льву Иосифовичу Кальштейну. Это был хороший тандем – сплав мудрости профессора Кальштейна и талантливое ученого и организатора Исхаки.

Лев Иосифович Кальштейн приезжал к нам в Алматы весной 1971 года. Его визит был связан с защитой докторской диссертации по глазным болезням его супруги Беллы Марковны Вовси. Жена Льва Иосифовича была близкой родственницей знаменитого терапевта академика Мирона Семеновича Вовси, арестованного по известному «делу врачей». Заслуженный деятель науки, генерал-майор медицинской службы, академик Вовси (по документам Меер Соломонович) был заведующим кафедрой терапии Центрального института усовершенствования врачей, а также главным терапевтом Советской Армии. Его объявили главарем антисоветской сионистской организации и арестовали как врага народа, якобы причастного к смерти Сталина. В апреле 53-го года академик Вовси был полностью реабилитирован. Его родной брат Соломон Михайлович Михозлс (настоящая фамилия Вовси), выдающийся артист и драматург, первый председатель Еврейского антифашистского комитета (АЕК), был убит при загадочных обстоятельствах. Его тоже обвиняли в антисоветской деятельности. Вот такие знаменитые были родствен-

ники у офтальмолога Беллы Марковны Вовси. Защита докторской диссертации Беллы Марковны состоялась на Ученом совете Алма-Атинского государственного медицинского института. На этой защите мне довелось быть в качестве помощника и болельщика. Работа была выполнена по актуальной проблеме краевой патологии и касалась заживления ран роговой оболочки в процессе адаптации организма к условиям высокогорья.

Среднеазиатская конференция отоларингологов в Душанбе, блестяще организованная Исхаки и Кальштейном, понравилась всем гостям и делегатам. Мы почерпнули много полезного, поскольку там собрался весь цвет отоларингологической науки. Конференция была совмещена с выездной сессией Московского НИИ уха, горла и носа. Там я впервые увидел профессоров Дмитрия Ивановича Тарасова, Бориса Михайловича Сагаловича, Лию Борисовну Дайняк.

После окончания конференции Исхаки организовал интересную культурную программу. Нас повезли по высоким и извилистым горным дорогам, вдоль обрывов и ущелий в высокогорный санаторий «Оби-Гарм» на горячий источник, который буквально пробивался среди груды камней. Этот источник обладал удивительными лечебными свойствами. В непринужденной атмосфере санатория мы лучше познакомились друг с другом.

Но близкое знакомство с Юсуфом Баширхановичем состоялось позднее, благодаря моему шефу. Близилась к завершению работа над моей кандидатской диссертацией и встал вопрос, кто же будет моим первым оппонентом. Шеф предложил взять в качестве оппонента тогда еще молодого ученого из Душанбе. В те годы, после защиты докторской диссертации в Московском НИИ уха, горла и носа, он был назначен сначала первым проректором, а через некоторое время ректором

Таджикского государственного медицинского института. Мой руководитель сказал, что напишет ему письмо с просьбой выступить на Ученом совете нашего Алма-Атинского медицинского института, на котором планировалась моя защита в конце мая 1972 года. Меня одолевали сомнения: согласится ли весьма занятой ректор выступить оппонентом? Однако наш отдел аспирантуры получил письменное подтверждение о приезде профессора из Душанбе. Эту большую радостную весть я сообщил шефу. Тот ответил, что не сомневался в положительном результате. Оказывается, около десяти лет тому назад мой шеф был оппонентом его кандидатской диссертации.

В конце мая в Алма-Ате стояла чудная погода. Город утопал в зелени, жители даже днем не ощущали жары, так как с гор дул прохладный освежающий ветер. С некоторым волнением выехал после полудня встретить в аэропорту своего оппонента. Я издали увидел знакомую фигуру ректора. В руке он нес на вид тяжелую и солидную картонную коробку. Вручив ее мне, он произнес: «Это для Вашего банкета – свежие огурцы и помидоры». Я был приятно поражен его вниманием. Тогда я понял, что встретил на своем пути замечательного человека, исключительно благороднейшего ученого.

Так мы стали большими друзьями. Встречались на многих конференциях, в частности, на I межобластной конференции в Джамбуле, организованной мною в 1976 году, а также осенью 1979 года тоже на юге Казахстана на I Республиканской конференции в Чимкенте.

Второй раз я посетил Душанбе во время очередной Среднеазиатской конференции в начале 80-х годов. Юсуф Баширханович к тому времени уже получил большую известность своими научными трудами. Они совместно с профессором Кальштейном написали пер-

вый в Советском Союзе учебник по детской оториноларингологии. Им были опубликованы фундаментальные монографии по кистам верхнечелюстных пазух и проблемам аллергии в отоларингологии. По итогам этих работ Исхаки присвоили высокое научное звание члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР.

Совершенно изумительной и трогательной была наша очередная встреча на исходе эпохи горбачевской перестройки в городе на Неве у Мариуса Стефановича Плужникова. Встреча произошла незадолго до войны в Таджикистане. Мы не предполагали тогда, что виделись в последний раз. В начале 90-х годов жизнь Исхаки трагически оборвалась. Он погиб от взрыва бомбы, случайно заложенной не в ту машину боевиками таджикской оппозиции.

Из когорты выдающихся ученых-отоларингологов незабываемые воспоминания оставил после себя талантливый профессор Муминов. Он был родом из Самарканда. Родился за четыре года до начала Великой Отечественной войны. Как все дети довоенных и послевоенных лет, испытал огромные лишения. После окончания Ташкентского медицинского института учился в клинической ординатуре в Самарканде. Через два года поступил в целевую аспирантуру по отоларингологии при Центральном институте усовершенствования врачей в Москве. Его научным руководителем стал известный профессор Иван Иванович Потапов. После успешной защиты диссертации вернулся в Ташкент, работал ассистентом, доцентом кафедры. В тридцатипятилетнем возрасте защитил докторскую диссертацию, организовал вторую кафедру отоларингологии в Ташкентском медицинском институте. В этом вузе он работал проректором. В последующем его, как опытного организатора и педагога, направили работать ректором

сначала Бухарского, а затем Самаркандского медицинских институтов.

Первая моя встреча с Акрамом Ибрагимовичем состоялась в Ташкенте. Это было в 1972 году, на II конференции отоларингологов Средней Азии и Казахстана. Молодой доктор наук сделал очень интересный доклад по влиянию пестицидов на ЛОР-органы по материалам докторской диссертации. Эта работа была одной из фундаментальных и фактически первым крупным исследованием по проблеме профессиональной патологии в Узбекистане. Поскольку мы оба занимались изучением особенностей поражений слизистой оболочки верхних дыхательных путей у работников сельского хозяйства и промышленности, то наши научные интересы совпадали. Кроме того, нашим научным консультантом по докторской диссертации стала известный профессор из Москвы Остапкович. Мы с Акрамом Ибрагимовичем были членами Всесоюзной проблемной комиссии по профессиональной патологии ЛОР-органов и часто встречались в Москве или других городах на заседаниях проблемной комиссии, руководимой Остапкович.

Запоминающаяся встреча состоялась в южном городе Казахстана Джамбуле (ныне Таразе) осенью 76-го года. На конференцию по моему приглашению приехали Остапкович и Муминов. Тогда мы с ним решили, что будем участвовать во всех наших мероприятиях. Действительно, после этого в древнем городе Бухаре в начале 80-х годов к тысячелетию Абу Али ибн Сины (Авиценны) Акрам Ибрагимович организовал великолепную конференцию, на которую собрались ведущие отоларингологи Советского Союза, представители практически всех республик.

Муминов блестяще организовывал и проводил научные форумы по нашей специальности. Запомнились

наши встречи в Джизакской области, в городе Самарканде. Он приезжал на все мероприятия и в Казахстане. Активно участвовал со своими коллегами в I Республиканской конференции в Южно-Казахстанской области. Форум состоялся в областном городе Чимкенте (в настоящее время переименован в Шымкент), который расположен всего в 100 километрах от Ташкента. В начале 90-х годов меня перевели ректором Чимкентского медицинского института, а Акрам Ибрагимович возглавлял Бухарский медицинский институт. Теперь уже как старые друзья встретились в Ташкенте на юбилее (60-летию) профессора Кучкара Джураевича Миразизова.

Следует отметить, что профессор Миразизов по праву считается одним из первых национальных ученых-отоларингологов Республики Узбекистан. Он был обаятельным и мудрым человеком. Заслуги его огромны. Он много сделал для роста узбекских национальных кадров, подготовил сотни врачей-отоларингологов для республики и внес достойный вклад в развитие этой специальности в Узбекистане. Конечно, его также по праву можно отнести к корифеям отоларингологии республик Средней Азии. Кучкар Джураевич обладал удивительным тактом и был интеллигентом во всем. С уважением относился к людям, невзирая на чины и положение, занимаемое ими в обществе. Он ценил дружбу и не забывал друзей. Молодые врачи и коллеги очень его любили. Мне запомнился один эпизод. Было это весной в начале 80-х годов. Я приехал в Ташкент на отдых по путевке в санаторий «Ботаника», расположенный в пригороде узбекской столицы. Набравшись смелости, позвонил домой профессору Миразизову и сообщил, что отдыхаю в санатории недалеко от Ташкента. Он дружески пожелал мне хорошего отдыха и

сказал, что пошлет своих коллег проведать меня. Но я не ожидал, что он придет лично на своей «Волге» в санаторий. Привез узбекские лепешки, фрукты, зелень и коньяк. Меня это поразило. Все же я был тогда обычным старшим научным сотрудником исследовательского института. При наших встречах я всегда с благодарностью говорил об этом эпизоде, на что он отвечал: «Вы гость, а по восточному обычаю, даже если Вы и младший по возрасту, мы должны с уважением относиться к приехавшему далекому гостю». Действительно, в этом заключается мудрость восточных народов. Когда я пересел в Чимкент и стал ректором института, наши дружеские связи не прекращались. Мы совместно подготовили кандидата наук, я неоднократно выступал в качестве оппонента по диссертациям его учеников. В 40-е годы прошлого века до Миразизова первыми заведующими кафедрами в медицинском институте и институте усовершенствования врачей были профессор Юлий Израилевич Ласков и профессор Эсфирь Абрамовна Ладыженская. Они были научными наставниками Кучкара Джураевича Миразизова.

Акрам Ибрагимович Муминов в начале 90-х годов собрал в Самарканде последний пленум Всесоюзного общества отоларингологов, тогда Союз уже распадался. На этом пленуме с замечательной идеей выступил профессор Мариус Стефанович Плужников, который предложил организовать Международную академию оториноларингологии – хирургии головы и шеи. Мариус подчеркнул, что Союза уже больше нет, но лучшие представители научных школ всех союзных республик должны объединиться в академию. На том заседании все единогласно избрали Мариуса Стефановича президентом академии.

Профессор Муминов был избран академиком этой Международной академии. Через некоторое время его перевели ректором Самаркандского медицинского института. Он поднял работу этого вуза на еще более высокий уровень. Ему приходилось часто бывать на коллегиях Министерства образования и здравоохранения. В один из дней он по вызову должен был срочно выехать в Ташкент, но по дороге из Самарканда случилась страшная авария и он безвременно погиб.

Вспоминая свои встречи с известными и выдающимися учеными родной мне специальности, считаю своим долгом рассказать и о моих первых наставниках, ставших, по сути, в Республике Казахстан главными корифеями отоларингологии.

Моим первым педагогом, побудившим интерес к отоларингологии на старших курсах Семипалатинского медицинского института, был в тот период заведующий кафедрой болезней уха, горла и носа доцент Борис Иосифович Дунайвицер, в последующем ставший доктором наук и профессором, прославившимся своими успехами не только в республике, но и далеко за ее пределами.

Полюбил я отоларингологию не случайно, поскольку в студенческие годы увлекался музыкой и пением, что в определенной степени связано с изучением состояния органа слуха и голосового аппарата.

Следует отметить, что Борис Иосифович большое внимание уделял студенческому научному кружку и привлек к этому всю кафедру. Большую помощь в организации студенческого научного кружка ему оказывала доцент кафедры Нина Петровна Русанова. Занятия в студенческом научном кружке проходили интересно. Мы в вечернее время работали в ЛОР-клинике, курировали больных с нарушениями органов слуха, а также

лиц, страдавших голосовыми расстройствами. Поэтому после окончания института, получив направление в районную больницу, по предложению главного врача я с радостью согласился работать отоларингологом. Прошел в Алма-Атинском институте усовершенствования врачей шестимесячные курсы первичной специализации по отоларингологии и вот уже более полувека тружусь по выбранной еще в студенческие годы специальности.

Что же касается профессора Дунайвицера, интересно отметить, что его научным руководителем по отоларингологии, как и моим, был Заслуженный деятель науки Казахской ССР профессор Еланцев.

В мои студенческие годы на лекциях по отоларингологии в Семипалатинском медицинском институте Борис Иосифович рассказывал, что выбрал эту специальность после возвращения с фронта. Он принимал участие в боях действующей армии в качестве военного врача с начала 1942 года до самого конца войны. Сложная и в то же время насыщенная жизнь сложилась у этого замечательного человека, великолепного труженика, прекрасного клинициста, талантливого педагога и ученого. Дунайвицер в Республике Казахстан является продолжателем школы профессора Еланцева, так же как и его последующие ученики. В частности, не менее известным и талантливым был профессор из Караганды Анатолий Владимирович Бروفман.

Борис Иосифович Дунайвицер родился 9 июня 1920 года в селе Купино Хмельницкой области на Украине. В начале XIX века, вплоть до Октябрьской революции, большинство украинских сел, в том числе местечко Купино, относилось к черте оседлости евреев. Его отец Иосиф работал мелким кустарем, был портным. До революции работал по найму, а после прихода Советской

власти стал трудиться в артели в качестве портного до начала Великой Отечественной войны. Борис Иосифович благодаря усилиям родителей получил среднее образование. Обладая пытливым умом и большим трудолюбием, он по совету отца в 37-м году поступил учиться в Винницкий медицинский институт. Но уже в самом начале войны город был оккупирован немецкими захватчиками, хотя институт неимоверными усилиями успели эвакуировать в Ставрополь. Уже в 42-м году состоялся ускоренный выпуск молодых врачей. Бориса Иосифовича из этого выпуска призвали в Советскую Армию в качестве военного врача. В это же время он получил страшное известие: в городе Виннице от рук фашистов погибли отец и мать. Немецкие оккупанты расстреляли многих евреев, в числе которых оказались и его родители.

После призыва он с августа 42-го года до февраля 43-го служил в качестве врача санитарной части Житомирского пехотного училища, передислоцированного в Казань. В конце этого срока службы его направили в Москву на двухмесячные курсы усовершенствования медицинского состава при санитарном управлении Министерства обороны. После окончания курсов получил распоряжение отбыть на Западный фронт. Там служил старшим врачом в артиллерийском полку стрелковой дивизии. Во время боев под Смоленском получил тяжелое ранение и контузию, потерял слух и почти три месяца находился на излечении в эвакогоспитале при Центральной клинической больнице Наркомата путей сообщения.

Тяжелое ранение и контузия в последующем отразились на его слухе. Он в значительной степени утратил восприятие звуков. Из-за баротравмы и контузии произошло повреждение слухового нерва. Это обстоя-

тельство побудило в дальнейшем выбрать профессию отоларинголога, он решил непременно стать врачом по болезням уха, горла и носа. Мечта осуществилась после окончания войны. Однако слух его полностью не восстановился. Он плохо воспринимал разговорную речь собеседника, но компенсировал это, внимательно следя за артикуляцией губ говорящего.

Удивительно, что, несмотря на сниженный слух, он продолжал воевать в составе Третьего Белорусского фронта и служил там до сентября сорок пятого года старшим врачом стрелковой дивизии. День Победы Борис Иосифович встретил в Чехословакии. Он был удостоен многих боевых наград. Еще в 1944 году его наградили орденом Красной Звезды за участие в боях за город Орел. В начале 45-го года удостоили орденом Отечественной войны за прорыв обороны немецких войск на границе Восточной Пруссии. Кроме того, был награжден медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

После окончания войны и демобилизации он приехал в Алма-Ату и стал работать обычным клиническим ординатором в отоларингологической клинике под руководством Бориса Владимировича Еланцева. Уже через год его, как опытного врача-фронтовика, назначили заведовать ЛОР-отделением Первой городской клинической больницы Алма-Аты. Особая любознательность и преданность своей специальности позволили ему осваивать и другие разделы отоларингологии. Он начал читать курсы фониатрии и гигиены голоса на вокальном факультете Алма-Атинской государственной консерватории.

В те послевоенные годы на кафедре отоларингологии в Алма-Ате работали преподавателями и другие фронтовики, как и Дунайвицер прошедшие через гор-

нило войны. Например, должность доцента кафедры занимал опытный отоларинголог Нугманов. Во время Великой Отечественной войны он работал в специализированном госпитале для бойцов, раненных в голову и шею. После демобилизации его направили на учебу в отоларингологическую клинику Ленинградского института усовершенствования врачей. Он обучался в трехгодичной клинической ординатуре под руководством выдающегося профессора Леонида Тихоновича Левина. В этой клинике Муса Нугманович овладел всеми оперативными вмешательствами на ухе. Поэтому после возвращения в родную Алма-Ату его сразу взяли на кафедру отоларингологии исполнять обязанности доцента. Через три года под руководством профессора Еланцева он защитил кандидатскую диссертацию по оперативному лечению атипичных мастоидитов. Борис Владимирович высоко ценил клинический опыт и хирургическую активность своего доцента. Поручал ему все сложные случаи при патологии среднего уха и заболеваний гортани. Часто они оперировали вдвоем. Обучаясь в аспирантуре, я часто видел, как оперирует Муса Нугманович. Он был виртуозным хирургом.

Рассказ о корифеях Казахской отоларингологии был бы неполным без упоминания профессора Анатолия Владимировича Брофмана, чья роль в становлении и развитии ЛОР-службы в Центральном Казахстане на кафедре отоларингологии Карагандинского медицинского института была неопределимой. В годы войны он учился в Алма-Атинском медицинском институте, окончил этот вуз с отличием и был оставлен клиническим ординатором на кафедре ЛОР-болезней у профессора Еланцева. После клинической ординатуры поступил в очную аспирантуру при этой же кафедре. Его научным руководителем также был профессор Елан-

цев. Анатолий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Состояние верхнего дыхательного тракта, органа слуха и вестибулярного аппарата при бруцеллезе». После защиты кандидатской диссертации Брофман уехал работать в начале 50-х годов в Караганду, где был образован второй медицинский вуз Казахстана. В созданном институте первым заведующим кафедрой отоларингологии стала приехавшая из Казани ученый и прекрасный хирург-отоларинголог, профессор Ольга Михайловна Мукосеева. Доцент Брофман перенял ее богатый клинический опыт. После отъезда профессора на родину кафедру Карагандинского медицинского института возглавил Анатолий Владимирович. Он защитил докторскую диссертацию в 1967 году в Московском НИИ уха, горла и носа. Его научным консультантом уже по докторской диссертации также являлся Еланцев. Для выполнения докторской диссертации шеф подал идею изучить патологию верхнего дыхательного тракта у шахтеров. Брофман с интересом и большим упорством взялся за проведение предложенного научного исследования. Работа была успешно завершена. Она стала одним из первых фундаментальных и оригинальных исследований по изучению профессиональной патологии шахтеров Карагандинского угольного бассейна. Брофман внедрил на угольных шахтах целый ряд крупных организационных мероприятий и методических разработок по ранней профилактике патологии слизистой оболочки верхних дыхательных путей. Данный научный труд был высоко оценен.

Будучи высокообразованным и интеллигентным человеком, он сохранял и хорошую физическую форму. Всегда был подтянут, аккуратен и одевался по тем временам очень модно и изысканно. С ним охотно общались и дружили многие известные ученые. Осо-

бое взаимопонимание было у него с соратниками профессорами Дунайвицером, Кальштейном и известным астраханским ученым Дайхесом. Все они были почти ровесниками. Однако старше всех был участник Великой Отечественной войны Борис Иосифович, поэтому относились к нему с особым почтением. При этом все четверо хорошо знали идиш и свободно на нем говорили. В этом убедился во время пребывания с ними на пленуме в Ленинграде. Во время экскурсии по городу я оказался рядом с ними на заднем сиденье экскурсионного автобуса и слушал, как они разговаривали на идише. Меня они воспринимали как любознательного молодого ученого и знали мою супругу Галину Соломоновну. Она была их землячкой, потому что родилась тоже на Украине. С теплотой ко мне относился Лев Иосифович Кальштейн, помня мою помощь при защите научной степени его супруги Беллы Марковны, да и профессор Аркадий Исаакович Дайхес отечески заботился обо мне. В те годы мы высоко ценили дружбу. Непременно поздравляли друг друга с Новым годом и всеми государственными праздниками. Вели постоянную переписку, информируя друг друга о предстоящих научных конференциях, и, конечно, старались принять в них участие. Это сближало. Например, с Дайхесом и Кальштейном я неоднократно встречался на иркутской земле, на знаменитом озере Байкал, во время научных конференций, которые блестяще организовывал профессор Анатолий Григорьевич Шантуров.

Большая заслуга Бروفмана состояла в организации отоларингологической службы в Центральном Казахстане, а также в подготовке высококвалифицированных отоларингологов и научно-педагогических работников. Он подготовил более десяти кандидатов науки. В союзном издательстве «Медицина» была выпущена моногра-

фия «Патология ЛОР-органов у шахтеров». Анатолий Владимирович обладал данными по широкому диапазону научных и клинических исследований. Он много оперировал при патологии уха, особенно у больных с отогенными внутричерепными осложнениями, которые в те годы были весьма распространенными. Виртуозно удалял инородные тела из верхних дыхательных путей и пищевода. Большое внимание уделял и тонзиллярной патологии, а также профессиональным заболеваниям ЛОР-органов. В последующие годы профессор Брофман и профессор Остапкович издали фундаментальную монографию по профессиональной патологии ЛОР-органов, которая фактически стала руководством для врачей-отоларингологов.

Аналогичные достижения в научных исследованиях и клинической работе имели многие ученики профессора Еланцева. Следует отметить, что он обладал удивительным даром предвидения. Всегда шел в ногу с современными проблемами науки. Интуиция его не подводила. Ученый знал, что проблемы краевой патологии, и особенности поражений ЛОР-органов, в различных условиях климата относятся к одним из актуальных, поэтому полагал, что данную проблему необходимо изучать. Например, под его руководством одним из его учеников было выполнено оригинальное исследование, касающееся изучения состояния верхних дыхательных путей у горнорабочих медных рудников полупустынной зоны Казахстана. Кандидатскую диссертацию на эту тему защитил ассистент Ноэль Гумерович Динавер.

Замечательной чертой профессора Еланцева было стремление всячески проявлять заботу о своих учениках. Причем делал он это неназойливо. К каждому ученику он находил индивидуальный подход, учитывая все нюансы. Нам рассказывали старшие коллеги, что

Борис Владимирович с большой симпатией относился к Дунайвицеру и переживал по поводу его тугоухости. Зная трудолюбие начинающего клинического ординатора, профессор через год перевел его на должность заведующего отделением отоларингологии. Шеф предложил ему идею заняться кандидатской диссертацией по проблемам протезирования органов слуха. Эта тема для самого Дунайвицера была актуальной, поскольку он с войны страдал от травмы. Через три года после утверждения темы он блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Причем Дунайвицер одним из первых в послевоенные годы в Советском Союзе выполнил эту работу, результаты которой были тогда опубликованы в журнале «Вестник оториноларингологии». После защиты и получения диплома кандидата медицинских наук Борис Иосифович по совету шефа поехал в Семипалатинск заведовать кафедрой отоларингологии в открывающийся третий по счету медицинский вуз Казахстана.

С присущей энергией и большим оптимизмом Борис Иосифович начал с нуля создавать новую кафедру. Он часто ездил в Алма-Ату за советом к шефу, получал от него ценные наставления и материальную помощь по обеспечению кафедры учебниками, специализированной отоларингологической литературой. Увозил из Алма-Атинской клиники таблицы и муляжи.

Профессор Еланцев посоветовал Дунайвицеру продолжить научную работу и приступить к докторской диссертации. Оба сошлись во мнении, что актуальной проблемой для Казахстана будет изучение распространенности отосклероза и оценка результатов оперативного лечения. В нашей республике в те годы только два специалиста овладели методами оперативного вмешательства на среднее ухо при отосклерозе: в Алма-Ате

оперировал больных отосклерозом доцент кафедры отоларингологии института усовершенствования врачей Олег Викторович Минский, а в Семипалатинске – Дунайвицер. Борис Иосифович выполнял наиболее сложные виды модификаций операций у больных отосклерозом, несмотря на отсутствие современных зарубежных микроскопов. Он работал с отечественным микроскопом Ленинградского оптико-механического завода (ЛОМО).

Вместе с тем полученные функциональные результаты были хорошими. К началу 70-х годов он собрал солидный клинический материал, составлявший анализ более трехсот операций. В 1970 году он с успехом защитил докторскую диссертацию в Алма-Ате. Мне выпала честь присутствовать на защите у Дунайвицера, так как в те годы было мало защит по отоларингологии – даже кандидатских диссертаций, – и это являлось огромным событием. Все члены большого Ученого совета Алма-Атинского медицинского института единогласно проголосовали за присуждение искомой степени Борису Иосифовичу.

После защиты он отметил это событие. Мне на память он подарил свой автореферат и подписал: «Чете Тулебаевых на добрую память».

Подавляющее число научных статей по теме докторской диссертации он опубликовал в журнале «Вестник оториноларингологии» и киевском Журнале ушных, носовых и горловых болезней. Вручая мне автореферат, он сказал, что нужно смело печататься в этих изданиях. Борис Иосифович поделился мнением, что публиковать научные статьи в сборниках института не имеет смысла. Эти работы, сказал он, являются «братской могилой». Запомнил его слова, сказанные мне на банкете:

«Райс Кажкенович! Помните, по публикациям в наших отоларингологических журналах Вас будут знать».

Через два года я защитил в стенах того же института под руководством Бориса Владимировича Еланцева кандидатскую диссертацию. Тему моей научной работы – весьма интересной – конечно же, предложил шеф. Через пару месяцев после первого года обучения в аспирантуре он пригласил меня к себе в кабинет и посоветовал изучить состояние верхних дыхательных путей у работников табачного производства. Рекомендовал поискать литературу по данной проблеме. Вскоре я встретился с шефом и встревоженно сообщил ему, что уже имеется кандидатская диссертация Круковера по состоянию верхних дыхательных путей у рабочих табачного производства. Борис Владимирович улыбнулся и ответил, что это ему известно. Затем он сказал:

– Молодой человек! Профессор Круковер выполнил эту работу в далекие тридцатые годы. Прошло уже сорок лет, многое изменилось. Сейчас, например, выяснилось, что табак является аллергеном и, возможно, у рабочих табачного производства есть сенсibilизация к табачному аллергену, – подчеркнул он.

Глубоко задумавшись, профессор пояснил:

– Мне кажется, Вам следует тщательно изучить эти аспекты, обследовать состояние слизистой оболочки верхних дыхательных путей у лиц, занятых на всех этапах табачного производства, включая табаководов, работающих на табачных плантациях Алма-Атинской области. Вы должны знать, что в Талгарском районе есть известный на весь Советский Союз Алма-Атинский табачный совхоз. Там директором трудится знаменитый табаковод Герой Социалистического труда Томаровский.

– Борис Владимирович! Я этого не знал!

– Вот видите, молодой человек, в том то оно и дело. Впрочем, Райс Кажкенович, Вам надо встретиться с нашим известным аллергологом, членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР, профессором Николаем Дмитриевичем Беклемишевым и моим учеником доцентом Виктором Семеновичем Мошкевичем. Оба работают в институте краевой патологии, сейчас, кстати, он завершает докторскую диссертацию. Пожалуй, я позвоню им и договорюсь о Вашей встрече. Может быть, кто-то из них захочет быть консультантом.

Борис Владимирович оказался провидцем. Действительно, проблема аллергии респираторного тракта начиная с 60-х годов прошлого века стала актуальной во всем мире. Сплошная химизация, загрязнение окружающей среды явились тем спусковым крючком, который способствовал сенсбилизации организма к гаптенам и полугаптенам и привел к росту числа аллергических заболеваний верхних дыхательных путей.

Состоялась встреча с академиком Николаем Дмитриевичем Беклемишевым и молодым в те годы доцентом Виктором Семеновичем Мошкевичем. По рекомендации академика Мошкевич согласился стать моим вторым руководителем.

Мудрость и научное предвидение моего шефа профессора Еланцева удивляли многих коллег. Обладая фундаментальными знаниями и высокой эрудицией, он легко ориентировался в научных проблемах. Он являлся ярким представителем славной династии врачей: его отец Владимир Павлович и дед Павел Петрович, от которых он перенял лучшие традиции интеллигенции XIX века, были земскими врачами. Борис Владимирович Еланцев родился в Томске, в Восточной Сибири. После окончания гимназии сначала поступил в Томский политехнический институт, но, проучившись до

второго курса, оставил учебу в техническом вузе и поступил на лечебный факультет Томского университета. В студенческие годы увлекся отоларингологией. Будучи студентом шестого курса уже вел практические занятия по этой специальности. Однако после окончания университета вначале он служил в рядах Красной Армии и лишь затем перешел на кафедру ЛОР-болезней. Начал работать ассистентом под руководством профессора Александра Михайловича Никольского. За четыре года до начала Великой Отечественной войны ему присвоили ученую степень кандидата медицинских наук за научную работу «Нистагм горнорабочих», написанную в виде монографии.

После профессора Никольского кафедрой отоларингологии Томского университета стал заведовать профессор Александр Георгиевич Фетисов. В 1940 году, получив звание доцента, Борис Владимирович переехал в Алма-Ату. В этом городе кафедрой болезнью уха, горла и носа заведовал известный профессор Владимир Георгиевич Ермолаев, приглашенный из Ленинграда. Владимир Георгиевич одновременно являлся заместителем наркома здравоохранения Казахской ССР.

Переезд из Томска в Алма-Ату стал для Еланцева поворотным в судьбе. Практически всю работу кафедры отоларингологии профессор Ермолаев возложил на молодого доцента Еланцева. Началась Великая Отечественная война, но, несмотря на это, в 1943 году Борис Владимирович защитил докторскую диссертацию по терморегуляции слизистой оболочки носа. Через год после отъезда профессора Ермолаева он возглавил кафедру отоларингологии и руководил ею более 35 лет. За это время профессор Еланцев подготовил десятки докторов и кандидатов наук, издал сотни статей. Несколько лет совмещал работу заведующего кафедрой с

должностью проректора по научной деятельности Алма-Атинского государственного медицинского института.

В конце 50-х годов в Казахском государственном книжном издательстве вышла его замечательная монография «Оперативная оториноларингология». Это издание стало практическим руководством и настоящей настольной книгой для ЛОР-врачей. Она иллюстрирована прекрасными высококачественными цветными рисунками. Я бережно, как реликвию, храню книгу моего учителя, где на первой странице обложки написано его рукой: «Моему дорогому ученику Райсу Кажкеновичу Тулебаеву».

Шеф действительно был талантливым человеком, увлеченной натурой. Он занимался техническим усовершенствованием медицинской аппаратуры по нашей специальности, изобрел целый ряд инструментов. Его любимым предметом в свободное время была фотография, причем цветная. Кроме того, он снимал любительские фильмы. На этой почве мы часто общались, так как я тоже любил фотографию и кинематографию. Помимо этого, Борис Владимирович увлекался охотой и был заядлым рыбаком. Еще он любил коллекционировать раритетные издания книг и собирал старинные предметы быта, представлявшие художественную ценность.

Вспоминаю с особой теплотой мои встречи с шефом в последние годы его жизни, когда он уже передал заведование кафедрой своему ученику, молодому профессору Тайбогарову. За три года до своей кончины Борис Владимирович был приглашен на Всесоюзный пленум отоларингологов в Ленинград, куда я с удовольствием его сопровождал. Это была его последняя поездка. В городе на Неве он познакомил меня с профессором Остапкович, будущим моим научным консультантом

по докторской диссертации. На пленуме мне посчастливилось познакомиться также с самым молодым тогда доктором медицинских наук Мариусом Плужниковым, который в те годы еще не получил звания профессора. Эта встреча стала для меня судьбоносной. У нас завязалась крепкая дружба, которая длилась почти сорок лет, до последних дней жизни моего дорогого Мариуса.

Как-то незаметно и быстро пролетели годы юности и зрелости. Теперь некоторые мои друзья и учителя уже покинули этот мир. Но остались их добрые дела и преданные ученики. Дай Бог, чтобы они не забывали своих учителей, помнили их добро.

Недавно я побывал на курорте в Ессентуках. Раньше я тоже приезжал на минеральные воды Кавказа, принимая лечение и чудесные целебные воды в Железноводске и Ессентуках. Однако на этот раз у меня, наряду с отдыхом в санатории «Казахстан», состоялась интересная встреча с коллегой профессором Гюсаном. Он заведует кафедрой оториноларингологии медицинского факультета Черкесского государственного университета в Карачаево-Черкесской Республике. Мы знакомы уже более десяти лет, часто встречались у нашего общего друга Мариуса Плужникова в Санкт-Петербурге, и поэтому я позвонил ему на сотовый телефон. Он обрадовался моему звонку и сказал, что обязательно придет навестить меня. Арсентий приехал ранним утром на своем «Мерседесе» в санаторий «Казахстан». Мы с супругой Марией и сопровождавшим его доцентом выехали в Карачаево-Черкессию. Объехали почти всю республику. Посетили знаменитую горнолыжную базу «Архыз». Дорога была не очень утомительной, так как мы любовались природой. Красоту тех мест трудно передать словами. Величественные холмы и горы покрыты лиственными и хвойными лесами. Дорога в виде

серпантина тянется как бы к облакам. У самого подножия холмов расстилается невообразимо красивым ковром зеленая долина.

По пути в «Архыз» мы заехали в удивительное место. Там, довольно высоко в горах, был найден образ Спаса Нерукотворного в виде лика Христа. Икона была обнаружена в 1999 году. Этот образ был найден в Нижнеархызском городище на крутом берегу реки Зеленчук на высоте около ста метров выше уровня реки. Мы поднялись без отдыха по крутой железной лестнице, преодолев более пятисот ступеней – это почти подъем на двадцатый этаж жилого дома. Изображение лика Христа нас впечатлило. Этот объект иконографического искусства, по-видимому, относится к IX–X векам. На нем фронтально изображено лицо, огромные глаза словно пронизывают вас взглядом, применена особая светотеневая моделировка, подчеркивающая объемность картины.

Изрядно утомившись после крутого подъема, решили отдохнуть и пообедать. Арсентий организовал чудный кавказский обед на природе. Мы продолжили путь на машине, все круче поднимаясь в горы. Наконец добрались до горнолыжной базы и канатной дороги, построенной по последнему слову техники. Проехались по канатной дороге в широких комфортабельных кабинках до самой вершины горы. Там перед нами открылась потрясающая панорама вершин гор, покрытых снежной шапкой.

Во время пребывания на отдыхе и лечении в Ессентуках мы с супругой посетили и другие замечательные места Северного Кавказа. Увидели непревзойденную красоту Теберды-Домбая, Эльбруса. На машине проехали по горным тропам Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Республике Алании.

Особое впечатление оставило посещение Республики Чечни и ее столицы Грозного с красивыми и современными вновь отстроенными домами, величественными новой площадью, домом Правительства и резиденцией Президента. Великолепны новая большая мечеть с богатым внутренним убранством и музей первого Президента Республики Ахмед-Хаджи Кадырова. Увиденное и вдохновило меня кратко описать красоту Кавказских гор и всего Северного Кавказа. Воспоминания о прошедших годах разбредили душу. Я вспомнил предложение профессора Гюсана и его ценный совет написать воспоминания о корифеях отечественной отоларингологии, особенно о близких мне людях, с которыми тесно общался и дружил.

Подытоживая свое воспоминание о корифеях отечественной оториноларингологии, считаю долгом сказать слова большой признательности и человеческой любви моим ныне здравствующим коллегам, профессорам Георгию Ароновичу Фейгину, Владимиру Тимофеевичу Пальчуну и Анатолию Григорьевичу Шантурову, которые являются крупными и известными учеными и талантливыми врачами нашей специальности. Сейчас все трое перешагнули 85-летний рубеж жизни. Дай Бог им дожить до ста двадцати лет, как Мафусаилу. Они по праву должны занимать свое место среди когорты корифеев оториноларингологии XXI века.

Мне приятно сознавать, что с ними я дружу уже несколько десятков лет. В частности, с моим дорогим другом Георгием Ароновичем Фейгиным я познакомился около сорока лет тому назад на иркутской земле, в начале 70-х годов прошлого столетия. Тогда он работал заведующим кафедрой болезней уха, горла и носа Читинского медицинского института.

Встреча на иркутской земле произошла благодаря конференции, блестяще организованной профессором Анатолием Григорьевичем Шантуровым. Кстати, именно он является создателем и организатором многих научно-практических конференций на региональном, республиканском и всесоюзном уровнях, проведенных в Иркутске. В течение десяти лет я пять раз бывал в Иркутске и участвовал в этих конференциях. Делегаты и гости иркутских форумов всегда посещали знаменитое озеро Байкал и лимнологический музей, размещенный на его берегу.

Красоту Восточной Сибири следует отождествлять с озером Байкал. В далекие времена его называли морем, даже сложили песню о священном море Байкал. Это единственное в мире глубоководное и пресноводное озеро, с уникальной и разнообразной флорой и фауной. Особенно славится байкальский омуль. Но любители рыбных деликатесов могут там выловить хариуса, сига, налима, тайменя, щуку, даже осетра. Байкал действительно богатейшее озеро. В переводе с тюркского языка «Бай-Куль» и означает «богатое озеро», которое местами достигает глубины более полутора километров. Следует подчеркнуть, что Байкал внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Я запомнил одну красивую легенду, рассказанную гидом во время нашего круиза по озеру. Легенда гласит, что у Байкала была единственная дочь – Ангара. Она влюбилась в Енисея и решила сбежать. Отец Байкал, узнав об этом, попытался преградить ей путь, кинув ей наперерез Шаман-камень – так и называется возвышающаяся там скала. Но Ангара побежала дальше. Тогда Байкал послал за ней в погоню своего племянника Иркуту, но тот пожалел Ангару и свернул с пути. Ангара встретила с Енисеем и потекла дальше с ним.

Прекрасное путешествие по озеру на пароходе всегда с большим энтузиазмом организовывал Шантуров. Это были чудные и незабываемые дни. Мы дружно запевали песню «Славное море священный Байкал» под мой аккомпанемент на баяне. Анатолий Григорьевич обладает хорошим баритоном и вместе со своим другом профессором Юрием Иннокентьевичем Красильниковым они составляют просто великолепный дуэт.

Вспоминая профессора Шантурова, хочу сказать, что это очень неординарный человек. Приехав в Иркутскую область из средней полосы России еще в молодые годы, за более чем полувековой период он стал настоящим сибиряком, с открытой душой и добрыми помыслами. Он живет для людей, их заботами и стремится всеми силами помогать попавшим в беду. Анатолий Григорьевич талантливый врач, блестящий хирург и ученый. Его можно по праву назвать «сибирским самородком». Он прекрасно пишет об истории Иркутского края. Его перу принадлежат сотни профессиональных очерков, в частности, полезные советы по деонтологии. Мне запомнилась книга «Кому доверить факел Гиппократ». Недавно он прислал мне книгу с собственными философскими изысканиями, озаглавленную «Ищи быть и будь человеком». В этом произведении он провозглашает идеи человеколюбия и размышляет о том, какой должна быть настоящая личность. Прежде всего, нужно быть «честным, гуманным, образованным, нравственным и, конечно, достойным во всех других отношениях».

В конце 70-х годов мои контакты с профессором Фейгиным продолжились. Он прошел по конкурсу и стал заведовать кафедрой отоларингологии Киргизского медицинского института в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Мы стали чаще встречаться в Алма-Ате и Фрунзе. Осо-

бенно запоминающимися оказались события последних двух десятилетий, связанные с участием в заседаниях Международной академии отоларингологии – хирургии головы и шеи вместе с Мариусом Плужниковым. Трудно передать словами общую боль потери нашего незабвенного друга Мариуса.

Мы стараемся чаще звонить друг другу. Георгий Аронович блестящий хирург и до сих пор продолжает выполнять сложнейшие хирургические вмешательства при различных опухолях ЛОР-органов, в том числе для восстановления дыхательной и голосовой функции гортани у больных с раковыми поражениями. Он один из пионеров проведения ларингофиссуры и других сложнейших операций у детей, страдающих стенозом гортани после длительного ношения трахеотомической трубки. Работает он в клинике до позднего вечера. Конечно, пациенты с трепетом и волнением ждут его консультаций. Он никому не отказывает, его доброта и щедрость поражают многих. Его девиз: «Все для больных и блага людей». Бесспорно, любит природу и активный отдых. Меня приятно удивляет, что в столь солидном возрасте он все еще ездит за рулем. Лихо водит машину, в чем лично убедился во время поездки в горы на джайлау.

Считаю своим приятным долгом выразить особое отношение к профессору Пальчуну. Владимир Тимофеевич является олицетворением истинной русской интеллигенции. Общение с ним доставляет огромное удовольствие. В нем сильно вдумчивое отношение ко всему окружающему. Он мудрый наставник и прекрасный педагог. А что касается специальности – это великолепный клиницист и хирург-отоларинголог. К тому же главный редактор нашего ведущего журнала «Вестник оториноларингологии». Нынешнее поколение молодых отоларингологов учится по изданным под

его руководством великолепным книгам и учебникам. За последние десять лет по его инициативе и с активным участием ежегодно в Москве проводится конференция «Наука и практика в оториноларингологии», а также международный мастер-класс и приглашаются мировые лидеры нашей специальности. Кроме того, для молодых отоларингологов проводится конкурс, на котором они выступают с научными докладами, в последние годы и на английском языке. Победители конкурса награждаются премиями, что служит хорошим стимулом для роста молодых специалистов.

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ

В далекие 70-е годы прошлого столетия мне выпало большое счастье познакомиться с моим будущим учителем, профессором Евгением Степановичем Белозеровым. В те незабываемые годы, только защитив кандидатскую диссертацию, я, будучи еще совсем молодым ученым, работал в городе Алма-Ате, где в НИИ краевой патологии начал трудовую деятельность сначала младшим, а спустя три года стал старшим научным сотрудником и уже имел некоторый задел по докторской диссертации.

Но судьба распорядилась иначе. Меня назначили начальником отдела науки в Министерстве здравоохранения Казахской ССР, благодаря чему и выпало огромное везение встретиться с моим шефом по докторской диссертации.

Евгений Степанович тогда занимал должность проректора по научной работе Семипалатинского государственного медицинского института. Он часто бывал в Алма-Ате, приезжая на Ученый медицинский совет Минздрава республики утверждать научные темы Семипалатинского мединститута, а также планы издания учебников, монографий, учебных пособий и даже ме-

тодических указаний по существовавшему тогда положению.

Ученый медицинский совет Минздрава Казахстана возглавлял маститый ученый, один из видных академиков Национальной академии наук, лауреат Государственной премии Николай Дмитриевич Беклемишев. Его знали в Советском Союзе как крупного аллерголога и иммунолога. Он относился к Евгению Степановичу с особым уважением, ставя его в пример как одного из лучших проректоров по научной работе среди медицинских вузов нашей республики. Мне, как выпускнику Семипалатинского мединститута, было приятно это слышать. О высокой оценке работы Евгения Степановича на заседании бюро Ученого медицинского совета (УМСа), членом которого я также являлся, в один из его приездов в Алма-Ату рассказал будущему шефу. Скромный по натуре, он не ожидал такой оценки со стороны руководства Ученого медицинского совета и был даже удивлен. Весьма учтиво и вежливо обратившись ко мне, он искренне ответил:

– Райс Кажкенович! Спасибо за неожиданную и приятную новость. Очень буду рад познакомиться поближе с моим земляком. Как я понял, Вы окончили наш вуз. Сколько лет Вы уже работаете?

– Евгений Степанович! Я окончил институт десять лет тому назад, с шестым выпуском нашего вуза.

– Очень хорошо, Вы еще совсем молодой, а уже большой начальник. Но все же, если подойти более серьезно к вопросу дальнейшей научной деятельности, нравится ли Вам такая бумажная работа? Может быть, подумаете о более интересной клинической работе в учреждении исследовательского института или учебном вузе.

– Вы правы, Евгений Степанович. Но в Минздрав я перешел из-за отсутствия жилья. У меня двое детей,

супруга тоже медик. В НИИ краевой патологии, где трудился до этого, практически невозможно получить квартиру.

– Да, это большая проблема. К сожалению, медики в этом вопросе обделены вниманием государства. Но все же подумайте о дальнейшей научной работе над докторской диссертацией.

После такого откровенного разговора я убедился в правоте Евгения Степановича. Однако обстоятельства складывались не в мою пользу. Поэтому путь в большую науку был для меня сложным и тернистым.

Я часто приезжал в свой родной Семипалатинск, советовался с Евгением Степановичем. Эти встречи доставляли мне огромное удовольствие. Он делился со мной всем сокровенным и давал ценные советы. Помню замечательные вечера в студенческом лагере нашего института на берегу живописного Иртыша. Тогда могучая река была еще полноводной и судоходной, по ней плавали грузовые баржи, пассажирские пароходы, теплоходы и катера, приплывающие из сибирской части Иртыша и Оби. В летние месяцы во время вступительных экзаменов шеф вечерами часто наведывался в студенческий лагерь и мы с его коллегами сражались в шахматы. Евгений Степанович всех обыгрывал, поскольку играл в шахматы великолепно, особенно в блицтурнирах. Все сотрудники института с большим уважением относились к моему шефу за его демократичный стиль руководства. Он ровно относился ко всем сотрудникам, готов был каждому помочь советом и доброжелательным отношением. Поэтому все его любили.

В начале 80-х годов в стране началась эпоха горбачевской перестройки. Я уже не работал в Минздраве, а был переведен директором Усть-Каменогорского филиала института краевой патологии, который был

всего-то в двухстах километрах от Семипалатинска. В 1985 году Евгения Степановича назначили ректором Семипалатинского мединститута. В нашем институте, родной альма-матер, он прошел путь от заведующего кафедрой, проректора по клинической, а затем научной работе до ректора. За более чем десятилетний период работы он поднял на самую высокую планку научно-педагогическую деятельность института, сделав его одним из ведущих медицинских вузов Казахстана. Здесь он подготовил десятки докторов и кандидатов наук, причем подавляющее большинство из них были представителями национальных кадров.

Вспоминая нашу долгую дружбу ученика и учителя, в памяти всплывают интересные моменты из рассказа Евгения Степановича о его учебе в Свердловском мединституте, насыщенной полноценной творческой жизнью. В студенческую пору, обучаясь на старших курсах, он встречался с выдающимися людьми, которые сыграли в его дальнейшей научной деятельности большую роль.

На первый взгляд может показаться, что в судьбе Евгения Степановича нет ничего особенного, что отличало бы его от людей того поколения, прошедших долгий путь в науку. Однако его жизнь удивительно переплелась с судьбами известных всему миру ученых-медиков, да и не только медиков.

Евгений Степанович родился в небольшом городке Кировоград Свердловской области. Когда ему исполнилось пять лет, началась Великая Отечественная война, принесшая всем жителям страны горе, разруху и нечеловеческие страдания. Люди голодали, перенося невероятные муки, особенно в глубинке, в сельской местности. Такая участь выпала и ему. Но несмотря на столь суровые испытания, он с отличием окончил сельскую

среднюю школу и сразу поступил в желанный Свердловский государственный медицинский институт.

Будущая профессия медика, конечно, ему нравилась и была по душе. Учился в институте весьма прилежно. На старших курсах начались интересные клинические дисциплины. Очень заинтересовался инфекционными болезнями. Он буквально закидал педагогов в ходе обучения каверзными вопросами. Заведующая кафедрой инфекционных болезней предложила ему заняться научной работой. В результате уже на шестом курсе он опубликовал свою первую научную работу по лечению полиомиелита преднизолоном. Однако в то время этот препарат не применялся в терапии полиомиелита. Даже в аннотации к способу его использования указывалось, что он противопоказан при инфекционных болезнях. Но начинающий ученый доказал, что этот гормональный препарат снимает отек, который во многом определял клинику поражения спинного мозга вирусом. После применения этого гормона у больных полиомиелитом автор получил поразительный эффект от данной терапии. Как теперь уже стало известным, в последующем преднизолон вошел в практику лечения острой фазы полиомиелита. Это была большая победа молодого исследователя.

Между тем в институте он увлекся не только инфекционными болезнями. Страстно заинтересовался генетикой. Поэтому после окончания пятого курса во время летних каникул был приглашен в Ильменский заповедник, где располагалась летняя база исследовательской лаборатории. Отделом генетики заведовал тогда уже ученый с мировым именем профессор Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Его научные труды знали во всех странах, и он считался всемирно известным генетиком. Функционировавший отдел генетики был

создан им на базе Уральского филиала Академии наук СССР.

Для будущего медика эта встреча с патриархом науки была незабываемой. Там, на Уральской земле, во время путешествий по лесам заповедника произошла его не менее знаменательная встреча с известным в стране кибернетиком Алексеем Андреевичем Ляпуновым, а также с не менее знаменитым физиком Игорем Полетаевым. В те годы Полетаев выпустил в свет популярную книгу по кибернетике. По этой книге на страницах газеты «Комсомольская правда» в те годы состоялся большой диспут на тему «Физики и Лирики», затронувший и молодого Евгения Степановича.

Тесное общение в лесах заповедника с этими талантливыми учеными повлияло на будущего молодого медика Белозерова. Благодаря им он познал красоту природы Зауралья. Как и они, он вставал с раннего утра, любуясь восходом солнца и прелестным ландшафтом Уральской заповедной зоны. Алексей Андреевич Ляпунов был страстным коллекционером камней, а Игорь Полетаев был большим любителем рыбалки. Впечатлительный Евгений Степанович решил, что в будущем тоже займется коллекционированием и рыбалкой. Эти хорошие наклонности заложили в характер будущего ученого целеустремленность. Благотворное влияние на него оказала и встреча с биофизиком Николаем Викторовичем Лучником, который со временем стал ученым с мировым именем.

Работа в Ильменском заповеднике на базе лаборатории генетики оставила глубокий след в душе Евгения Степановича. В отделе генетики, руководимом профессором Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, царила творческая атмосфера. Успешные исследования проводились в лаборатории биофизики с

биологической станцией на большом Миасском озере Ильменского заповедника. В те годы Уральский филиал Академии наук СССР, расположенный в заповеднике, был своеобразной Меккой для генетиков и последователей выдающейся школы Тимофеева-Ресовского. Это была незабываемая летняя школа для молодых медиков, радиобиологов, генетиков. Николай Владимирович блестяще читал лекции по генетике, теории эволюции, учении о биосфере. Все эти новые сведения молодой Евгений Степанович впитывал как губка, боясь упустить из памяти все услышанное и впервые увиденное.

Успешно завершилась учеба в стенах Свердловского мединститута. Получив диплом с отличием, Евгений Степанович приступил к самостоятельной работе. По зову сердца он выбрал специальность инфекциониста. Это позволило ему начать трудовую деятельность с самых низов, работая на селе. Он возглавил инфекционное отделение Сухоложской районной больницы в Свердловской области. Там почти два года ушло на усвоение практических навыков врача-инфекциониста. Трудился с раннего утра и до позднего вечера, почти без выходных. За это время получил определенный багаж опыта клинической работы.

Но жажда знаний и стремление к научной деятельности побудили заняться научной работой. Он решил поступить в очную аспирантуру родного вуза. Подал документы на кафедру инфекционных болезней. Успешно сдал конкурсные экзамены, был зачислен в очную аспирантуру. Учебу завершил блестящей защитой кандидатской диссертации в 1966 году.

Теперь перед ним открывались большие перспективы. Его оставили на кафедре инфекционных болезней, где более четырех лет проработал ассистентом кафедры, приобретя неоценимый опыт клинической и педа-

гогической работы. В эти годы стал активно проводить научные изыскания для сбора материала по докторской диссертации. По счастливой случайности узнал, что в молодом медицинском вузе города Семипалатинска Казахской Республики освободилась должность заведующего кафедрой инфекционных болезней. Предшествующий заведующий, кандидат медицинских наук, уже два срока заведовал кафедрой и на третий срок не имел права претендовать по Положению Министерства высшего и среднего специального образования без защиты докторской диссертации. Евгений Степанович подал документы на конкурс и успешно его прошел, став избранным на должность заведующего кафедрой инфекционных болезней. Произошло это знаковое в его жизни событие в 1972 году.

На кафедре он активно продолжил научную деятельность. Следует отметить, что к моменту приезда в Семипалатинск он уже имел солидный задел по докторской диссертации и собрал интересный научный материал. Через два года успешно защитил докторскую диссертацию и стал, в возрасте 38 лет, в числе немногих ученых одним из самых молодых докторов медицинских наук в Казахстане. Те годы были самыми трудными для большинства научных работников и преподавателей вузов, готовящих к защите диссертационные работы. В середине 70-х годов в стране началась большая работа по реорганизации Высшей аттестационной комиссии (ВАК) по присуждению ученых степеней. ВАК, подчиненная ведомству Министерства высшего и среднего специального образования, передавалась Кабинету министров Союза ССР, т. е. непосредственно Правительству. Ее председателем был назначен Кириллов-Угрюмов. Тогда по стране ходил анекдот: «Кандидатские диссертации утверждает Кириллов, а докторские – Угрюмов».

Но Евгений Степанович в стенах Первого Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова блестяще защитил свой большой научный труд. Его научным консультантом, да и практически наставником по жизни, была известный инфекционист Советского Союза, академик АМН СССР Евгения Петровна Шувалова. Мне посчастливилось повстречать эту замечательную женщину и большую труженицу, преданную науке и своей специальности более четверти века тому назад, когда привез на предзащиту свою докторскую диссертацию уже в Санкт-Петербургский НИИ уха, горла, носа и речи. Поскольку значительное место в работе занимали клинические и иммунологические исследования, моим первым консультантом был, конечно, Евгений Степанович Белозеров, а уже вторым профессор-отоларинголог Вера Борисовна Панкова. Тогда шеф и познакомил меня с академиком Шуваловой, которая любезно оказала организационную помощь при моем пребывании в северной столице. Евгений Степанович всегда с особой теплотой относился к своему учителю, был предан ей, постоянно уделяя внимание и проявляя человеческую заботу к уже пожилой коллеге. Мой шеф подчеркивал, что академик Шувалова относится к истинной старой петербургской интеллигенции. Эта плеяда людей, говорил он, обладает высоким долгом гражданственности и патриотизма к Отечеству.

После защиты докторской диссертации Евгений Степанович еще более активно и весьма продуктивно занялся подготовкой молодых научных кадров, так необходимых нашей республике. У него была масса новых научных идей, которые довольно успешно реализовывали его многочисленные ученики. В частности, под его научным руководством были защищены более ста диссертаций, в том числе 23 докторских и 88 кан-

дидатских. Из его учеников выросли три ректора вузов, десятки заведующих кафедрами, руководители ряда научно-исследовательских институтов и лабораторий. Он издал фундаментальные учебники и руководства по клинической иммунологии и аллергологии, инфекционным болезням, десятки учебных пособий и более сорока книг и монографий.

Республика Казахстан высоко оценила его труд, присвоив ему еще в 1991 году высокое звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР». Действительно, по мнению многих казахстанских ученых-медиков, а также по моему глубокому убеждению, его смело можно назвать «полководцем казахстанской медицинской науки».

За долгие годы трудовой деятельности в Казахстане Евгений Степанович прошел славный путь от заведующего кафедрой до ректора двух медицинских институтов. Особо следует подчеркнуть, что он в 1987 году был единогласно избран коллективом Алма-Атинского государственного института его ректором и более восьми лет трудился на этом нелегком поприще в южной столице Казахстана. Когда республика создала свою ВАК, он стал в медицинском институте председателем Докторского диссертационного совета и заместителем председателя Экспертного совета ВАК.

Все изложенное позволяет мне с гордостью сказать, что Евгения Степановича можно отнести к категории особо одаренных людей. Его по праву можно назвать легендарной личностью и отнести к одной из лучших плеяд ученых-медиков Казахстана. На мой взгляд, Евгений Степанович занимает особое место среди деятелей науки нашей республики. Он истинный ученый, обладающий фундаментальными знаниями и широким кругозором. К тому же ученый является хорошим кли-

ницистом, блестящим педагогом, умелым организатором медицинской науки и здравоохранения.

В Казахстане его знают как яркую личность, человека, преданного своему делу. Ученый являет пример безупречной честности и высокой ответственности, он имеет выраженную гражданскую позицию. Долгие годы рука об руку идя с ним по стезе науки, хочу подчеркнуть удивительные черты его характера: простоту, доступность, доброжелательность и большую отзывчивость.

Часто бывая у него дома, всегда замечал его прекрасное отношение к супруге Нине Андреевне. Их семейное счастье длится уже более полувека. Дай Бог не сглазить. Мечтаю в будущем поздравить их с бриллиантовой свадьбой и многочисленными правнуками. Евгений Степанович замечательный семьянин, воспитал вместе с любимой Ниной Андреевной двух достойных детей: сына Алексея и дочь Наталью.

Восьмидесятилетие крупного ученого, конечно, хороший юбилей, но, даст Бог, не последний. Поэтому желаю дорогому Евгению Степановичу долгих лет этак до ста двадцати, как указано в Ветхом завете – до возраста легендарного Мафусаила.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В НАУКУ

Многим известна крылатая фраза «Путь в науку усыпан шипами роз». В справедливости данного высказывания убеждается большая часть людей, избравших этот путь. Что касается меня, то, работая на протяжении многих лет в сфере науки, я также прошел ее тернистый путь, движимый стремлением достичь определенных высей и карабкаясь к каменистым вершинам.

Мое вступление в науку началось еще с очной аспирантуры медицинского института города Алма-Аты. В Казахстане этот вуз был одним из старейших медицинских учебных заведений. Обучался я на кафедре болезней уха, горла и носа. Руководил кафедрой известный в то время ученый, получивший признание не только в нашей республике, выдающийся педагог Борис Владимирович Еланцев. Профессор имел высокое звание Заслуженного деятеля науки и был также известен как автор уникальной книги «Оперативная оториноларингология». Его фундаментальное учебное пособие служит и по сей день настольной книгой и руководством для широкого круга врачей. В моем становлении врача-оториноларинголога и начинающего ученого он сыграл неоценимую роль, являясь руководителем кан-

дидатской диссертации и научным наставником. Борис Владимирович предложил мне интересную тему диссертации. Он рекомендовал с новых позиций изучить проблему влияния табака на людей, работающих в условиях сбора и промышленного производства табачных изделий.

В 70-е годы прошлого столетия перед человечеством встали проблемы аллергических заболеваний. Это побудило шефа обратить мое внимание на роль табака как аллергена и изучить особую чувствительность людей, или, выражаясь научным термином, «сенсбилизацию» к табаку в клиничко-экспериментальных исследованиях. Научное предвидение шефа оказалось верным. Я успешно защитил кандидатскую диссертацию. Меня распределили в Институт краевой патологии, где начал работать на должности младшего научного сотрудника. В этом учреждении бессменно проработал более двадцати лет, пройдя все ступени – от младшего научного сотрудника до заведующего отделом и директора Усть-Каменогорского филиала института краевой патологии.

Удивительна история организации Института краевой патологии и его первых руководителей. Еще перед окончанием Великой Отечественной войны решением правительства Советского Союза в городе Алма-Ате был создан Институт тропических болезней при Казахском филиале Академии наук. После окончания войны филиал института принял статус самостоятельного научного учреждения и был переименован в Институт краевой патологии.

Первым его директором был назначен известный ученый-терапевт, член-корреспондент Академии медицинских наук, профессор Удинцев. Он, как талантливый организатор, внес значительный вклад в организацию научной базы и обеспечение полноценного функционирования открытых лабораторий и отделов. В после-

дующем руководить институтом стал один из первых ученых тогда молодой Казахской Республики, крупный организатор здравоохранения и видный общественный деятель академик Ишанбай Каракулов. Он дважды назначался Наркомом здравоохранения страны. Большую известность принесли его научные исследования в области эпидемиологии, в частности бруцеллеза, являвшегося тогда в Казахстане краевой патологией.

В начале 50-х годов прошлого столетия третьим директором Института краевой патологии был назначен участник Великой Отечественной войны, закончивший ее в чине капитана медицинской службы, талантливый ученый Бахия Атчабаров. Несмотря на невзгоды послевоенного лихолетья, своим упорным трудом он добился признания своих научных поисков и сумел блестяще защитить докторскую диссертацию. Добившись в последующие годы еще больших научных достижений, академик Атчабаров проработал в должности директора института более тридцати пяти лет.

Наш директор был мудрым человеком. О его кристальной честности и добропорядочности ходили легенды. Об этом знали многие медицинские работники и руководители здравоохранения республики. С его деятельностью связаны почти все весомые научные открытия в области профилактической медицины. Следует подчеркнуть, что он внес неоценимый вклад в развитие медицинской науки Казахстана. Например, в числе его фундаментальных научных работ следует отметить изучение влияния радиационного воздействия на жителей Семипалатинского ядерного полигона, возникшего после первого наземного испытания атомной бомбы, а также последующие исследования влияния на людей эффектов длительного лучевого воздействия. Он впервые в мире описал отрицательные эффекты радиа-

ционного синдрома и назвал его «Кайнарским». Тогда эти работы были засекречены и о них не писали в доступной медицинской литературе. Ученый также сделал открытия при изучении патогенеза, или механизма развития свинцовой интоксикации. Он впервые в мире описал синдром поражения нервной системы, в частности, отдельных волокон и структур нервных клеток при свинцовой интоксикации. Его фундаментальные научные труды и монографии были изданы в Германии.

Атчабаров был неординарной личностью. В народе говорят, что только великим людям присуща скромность. Наш Бахия именно таким и был. Под его руководством в институте была создана творческая атмосфера с необходимыми для этого принципами демократии. На Ученом совете мог с критикой выступить любой сотрудник, не только член совета. Даже молодые, начинающие свой путь в науку аспиранты или младшие научные сотрудники могли высказать свое мнение.

Он был очень добрым человеком, но в то же время принципиальным, категорически не приемлющим никаких проявлений лицемерия. Ему был присущ врожденный интернационализм, он не делил людей на нации или по принадлежности к определенным казахским родам или кланам, что, к сожалению, нередко встречается в настоящее время у ряда лиц. Для него не существовало национальных ограничений. В нашем институте значительное число лиц были еврейской национальности. Многие из них самоотверженно трудились, занимая высокие должности, заведая крупными научными отделами и лабораториями, а также работали в качестве старших и младших научных сотрудников. В нашем коллективе не существовало антисемитских настроений. Образно выражаясь, даже не ощущался его «запах». Поэтому люди любой национальной при-

надлежности, в том числе и евреи, чувствовали себя в коллективе довольно комфортно. Мы ценили стиль руководства директора и очень его уважали.

В институте у меня было много друзей-евреев. Очень многому я у них научился и прежде всего трудолюбию. К сожалению, в начале 90-х годов, после отставки нашего директора по возрасту, многие из них добровольно покинули наш коллектив. Справедливости ради нужно отметить, что это были не рафинированные, а настоящие ученые. В памяти сохранились воспоминания о замечательной плеяде талантливых и преданных науке людей. Добрую память оставили о себе профессора Виктор Семенович Мошкевич и Роальд Александрович Нищий.

Один из моих замечательных друзей профессор Михаил Ефимович Зельцер активно трудится и по сей день, хотя ему уже давно перевалило за восемьдесят. В институте он прославился не только как талантливый ученый, но и как великолепный спортсмен. Даже когда ему было шестьдесят лет, он пробегал почти полную марафонскую дистанцию и до ста раз отжимался от пола. Насколько мне известно, даже сейчас он ежедневно бегает до пяти километров и сохранил хорошую спортивную форму. Зельцер прекрасно играет в шахматы и если бы он стал профессиональным шахматистом, не исключаю, что добился бы гроссмейстерского звания.

Я с особой теплотой вспоминаю кандидатов медицинских наук Лину Николаевну Народецкую и Григория Яковлевича Чацкого, Бориса Абрамовича Крутоного (он сейчас живет в Нью-Йорке). Хорошо помню кипучую деятельность Эдуарда Иосифовича Гомберга и Бориса Григорьевича (по документам Боруха Гиршевича) Фейгина. Активно сотрудничал с профессорами Владимиром Антоновичем Козловским и Виталием Ла-

заревичем Резником, а также с милой труженицей Асей Григорьевной Дардик.

Мне посчастливилось многие годы работать под руководством Атчабарова. Даже после ухода с директорского поста он продолжал активно трудиться и встретил глубокую старость достойно. Он ушел из жизни в возрасте девяноста двух лет. В бывшей южной столице Алматы недавно создан новый научно-исследовательский институт прикладной и фундаментальной медицины, который по праву носит имя академика. Приятно сознавать, что справедливость восторжествовала.

В Институте краевой патологии наш директор одним из первых в Казахстане ввел балльную систему оценки научной деятельности сотрудников. Специально созданная комиссия четко и объективно проводила рейтинговую оценку для каждой категории сотрудников. Обычно это делалось в конце года и по ее итогам лица, получившие три призовых места, награждались специальными денежными премиями. В открытом соревновательном конкурсе участвовали все сотрудники. Это стимулировало их и способствовало повышению их научной продуктивности. Среди старших научных сотрудников мне три года подряд вручали призовые места. По ряду научных показателей мои данные даже были выше, чем у некоторых заведующих.

До сих пор сохранилась в памяти одна из встреч с директором. Как-то я попросил его секретаршу записать меня на официальный прием по личному вопросу. Хотя надо отметить, что к нему можно было попасть в кабинет в любое время дня – Атчабаров не признавал бюрократических замашек и двери его кабинета всегда были открыты для посетителей.

Руководитель института встретил меня дружелюбной улыбкой и спросил:

– Как дела, Райс Кажкенович? Какими успехами на научном поприще можешь меня порадовать?

– Спасибо, Бахия Атчабарович. Успехи неплохие. Вот уже третий год подряд занимаю призовые места по баллам среди старших научных сотрудников!

– Знаю, дорогой! Меня интересует, как продвигается твоя докторская диссертация?

– Все идет в соответствии с намеченным планом. Но для личной научной работы времени маловато. Замучили постоянные выезды и экспедиции. Ведь участвую почти в каждой теме. Многие гигиенисты не могут обходиться без результатов клинических исследований. На всех обследованных мною химико-металлургических предприятиях, даже на заводе по получению цветных и редкометальных элементов, страдают слизистые оболочки верхних дыхательных путей. В первую очередь, конечно, из-за все еще большой запыленности, а также загазованности рабочих мест. По сути, слизистая носоглотки у рабочих первой принимает на себя удар, она является как бы барьером и «форпостом» при воздействии вредных веществ.

– Райс Кажкенович, я в курсе. Читал научные отчеты сотрудников. Но все же Вам надо находить время для работы над докторской диссертацией.

– Хорошо, Бахия Атчабарович!

Через минуту, набравшись смелости, обратился к директору с просьбой.

– Бахия Атчабарович! Можно ли организовать для меня отдел по изучению профессиональной патологии ЛОР-органов? Эта проблема меня давно волнует. Организация самостоятельной лаборатории, как мне кажется, откроет большие возможности.

Да и чего греха таить, подумал я про себя: «Буду в полтора раза больше получать зарплату». Но вслух об

этом не сказал, стесняясь своей меркантильной заинтересованности.

Директор задумчиво произнес:

– Вопрос непростой. По данной проблеме ко мне уже обращались коллеги. Пойми меня правильно. Открытие отделения или лаборатории серьезное дело. Создание нового научного подразделения надо четко обосновать, особенно перед Министерством и Государственным планом республики. Эти учреждения, если посчитают необходимым, должны направить ходатайство в Москву, где находится наш «монстр» – Государственный комитет по науке и технике. У нас в Алма-Ате несколько десятков научных институтов и каждый из них мечтает заполучить научные единицы и ставки. Так что эта проблема зависит не только от меня. Конечно, с организацией лаборатории повысится заработная плата, что важно для тебя, так как я знаю, что у тебя семья и двое детей, да и бытовые условия желательнее улучшить.

Потом директор убедил меня, что на данном этапе важнее ускорить завершение докторской диссертации. Дружески обняв меня за плечи, он произнес:

– Если станешь доктором наук, то перед тобой откроются широкие перспективы и горизонты!

После нашей беседы, где-то через два месяца, точное время уже не припомню, мне позвонила секретарь Ученого совета и сообщила, что меня приглашает директор. С каким-то неясным предчувствием и волнением о возможной хорошей вести прибыл к шефу. Он не смог сразу меня принять, так как шло совещание. Перед обеденным перерывом состоялась аудиенция. Директор встретил меня с улыбкой и попросил секретаршу принести нам чаю. Почувствовав мое волнение, шеф любезно произнес:

– Есть хорошие новости для Вас, Райс Кажкенович! Наш головной институт при Академии медицинских наук в городе Москве выделяет нам одно место в докторантуру. Я предложил Вашу кандидатуру. Если согласен, вопрос практически будет решен. Обучение будете проходить в отделе профессиональной патологии ЛОР-органов. Этим отделом заведует известный ученый-отоларинголог профессор Валентина Емельяновна Остапкович.

От волнения забыв поблагодарить директора, сразу ответил, что, конечно, готов ехать на учебу.

– Тогда в добрый путь, не откладывая на длительный срок сборы. Прежде всего согласуй свои бытовые проблемы с семьей.

Так я попал на учебу в докторантуру, надеясь к концу обучения, через три года, защитить докторскую диссертацию. Клиника Института гигиены труда и профессиональных заболеваний находилась в живописной роще почти на окраине Москвы, ближе к известному Измайловскому парку. Сотрудники клиники встретили меня дружелюбно. Всем было интересно узнать о столице Казахстана. С собой в клинику я захватил известный тогда по всей стране наш знаменитый сорт яблок апорт. Познакомился с будущим научным консультантом докторской диссертации профессором Остапкович. На первый взгляд она показалась мне строгой и властной женщиной. Но в процессе дальнейших контактов понял, что это не так. Она была чутким руководителем, ученым с большим кругозором.

Запомнилась наша первая встреча. Пристально окинув меня строгим взором, деловито задала вопрос:

– Молодой человек, простите, не могу сразу запомнить Ваше имя и отчество... Имеются ли у Вас наработки по диссертации, материалы исследований? Сколько

человек Вы обследовали и на каких промышленных производствах?

– Валентина Емельяновна! Мне приходилось участвовать в экспедиционных исследованиях в качестве ответственного исполнителя ряда научных тем. В частности, по изучению состояния ЛОР-органов у работающих на боратовом заводе и фосфорном производстве. Наш клинический материал охватывает более полутора тысяч наблюдений. С собой привез копии двух научных отчетов. Имею по результатам исследований около тридцати научных публикаций. Под моим руководством, с официального разрешения ВАК СССР, защищена одна кандидатская диссертация.

– Да, это неплохо. Хорошо, что имеете определенный задел по докторской диссертации. Но требования к докторским диссертациям с каждым днем ужесточаются. Необходима тщательная статистическая обработка материалов на электронно-вычислительных машинах.

В Москве с головой окунулся в работу. Вечерами занимался в библиотеке. По совету коллег стал посещать известную в стране Государственную публичную библиотеку имени Владимира Ильича Ленина, которую все сокращенно именовали «Ленинкой».

В профпатологической клинике мне представили еще одну сотрудницу профессора Остапкович, ее ученицу, кандидата медицинских наук Веру Борисовну Панкову. Я сразу проникся к ней симпатией. Добрая и отзывчивая, она снискала в своем коллективе уважение. Мы стали друзьями. У нее многому можно было поучиться. В ней чувствовался человек глубокого ума и редкой порядочности. При этом гармонично сочетались все лучшие черты русской интеллигентной женщины. Она была очаровательной и красивой. Да и сейчас профессор Вера Борисовна Панкова сохранила все женское

обаяние и неувядающую красоту. С тех первых встреч у нас сохранилась большая дружба. В начале 80-х годов Вера Борисовна блестяще защитила докторскую диссертацию. После безвременной кончины профессора Остапкович она возглавила клинику профессиональной патологии ЛОР-органов.

Моя докторантура неожиданно прервалась на втором году обучения по непредвиденным обстоятельствам. Я получил известие о тяжелой болезни отца и прилетел в Алма-Ату. У отца случился обширный инфаркт и через неделю он умер. Все заботы по материальному обеспечению семьи отца легли на меня, так как мама из-за болезни не работала, а двое моих младших братьев еще были студентами. Продолжение учебы в докторантуре пришлось отложить.

Наш директор вник в мою проблему и по мере возможности принял участие в создавшейся тяжелой ситуации. Он предложил мне в служебном порядке перевестись в Министерство здравоохранения на освободившуюся там должность начальника отдела науки. В то же время сохранил совместительство по институту в должности старшего научного сотрудника.

Работая в министерстве, получил большой опыт. Прежде всего, расширился мой кругозор. Однако на научную деятельность оставалось мало времени и приходилось использовать выходные дни и трудовые отпуска. Поэтому для завершения докторской диссертации попросил руководство вновь направить меня в мой родной институт.

В Казахстане, как и по всему Союзу, начался период перестройки. Меня министр направил на периферию для усиления научного кадрового потенциала. Назначили директором Усть-Каменогорского филиала института краевой патологии. Впервые стал руководить боль-

шим коллективом. В те годы в стране стали внедрять хозяйственный механизм управления. Многие научные исследования с результатами внедрения мы стали проводить на хоздоговорных началах. Почти пять лет я проработал в филиале, подготовил второго кандидата наук и, наконец, подошел к финишу своей докторской диссертации.

Теперь оставалось, на мой взгляд, решить в основном организационные вопросы. Обратился за помощью к профессору Вере Борисовне Панковой с просьбой стать одним из моих научных консультантов. К тому времени она уже была солидным ученым по проблеме профессиональной патологии, после защиты ею докторской диссертации минуло более десяти лет.

В Усть-Каменогорске мы изучали влияние факторов промышленного производства и окружающей среды на организм человека в условиях воздействия различных вредностей. Комплексные исследования осуществлялись с участием гигиенистов и клиницистов на заводах цветной металлургии. Мы также изучали состояние здоровья у лиц, занятых на других производствах. К примеру, на некоторых секретных предприятиях по выпуску редкоземельных элементов и бериллия. Эти заводы были единственными в Союзе, с уникальными производствами.

В те годы в стране большое внимание уделялось профилактике профессиональной заболеваемости. Мы имели определенные успехи благодаря осуществляемым обязательным ежегодным профилактическим осмотрам работающего контингента.

Результаты указанных углубленных исследований также легли в основу моей докторской диссертации. На научные поиски и внедрение их результатов в практическое здравоохранение ушли многие годы. Я помнил

наставления профессора Остапкович, что к защите докторской диссертации надо подходить очень серьезно. Она постоянно напоминала, что докторская диссертация является как бы итогом всей научной деятельности. Для успешной защиты мне необходимо было иметь изобретения и патенты, значимые фундаментальные научные статьи в центральных журналах.

Поэтому я старался скрупулезно и щепетильно выполнять все требования Высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней. На завершение докторской диссертации ушло почти двадцать лет. Поскольку мне предстояла защита не в стенах родного института, беспокоился, все ли соблюдено по требованиям защиты. Было приятно сознавать, что результаты наших исследований по свинцовому и фосфорному производству вошли в Государственный союзный стандарт и были включены в перечень Всесоюзных санитарных правил по указанным отраслям промышленности. Мною было издано более десяти методических указаний и рекомендаций, утвержденных Министерством здравоохранения республики.

Заканчивалась бездарная горбачевская перестройка, и в самом начале 90-х годов прошлого столетия привез диссертацию для защиты в головной Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний Академии медицинских наук в город Москву. Однако специализированный Ученый совет вежливо отказал принять мою работу к защите. Эксперты обосновали это тем, что мне следует защищаться по двум шифрам специальности – отоларингологии и гигиене. Причем первым шифром следовало обозначить болезни уха, горла и носа, так как значительная часть клинических исследований охватывала патологию ЛОР-органов. Ученый секретарь порекомендовала разовую защиту в Санкт-Петербургском

институте уха, горла, носа и речи с дополнительным введением в состав диссертационного совета пяти докторов наук, имеющих шифр специальности гигиена.

Действительно, в научной работе многие разделы касались клинико-иммунологического обоснования респираторной интоксикации и ее профилактики у рабочих химико-металлургических производств. В те годы иммунологические исследования в нашем институте еще не проводились так широко. Поэтому в качестве второго научного консультанта я выбрал известного иммунолога, заслуженного деятеля науки, профессора Евгения Степановича Белозерова, работавшего в те годы ректором и профессором кафедры клинической иммунологии Алма-Атинского медицинского института. Научные работы Евгения Степановича по иммунологии были известны в союзном масштабе, и он по праву являлся признанным иммунологом. Уже в те годы он подготовил десятки докторов и кандидатов наук, внеся большой вклад в республике по подготовке национальных научных кадров. Евгений Степанович и по сей день активно трудится, являясь научным консультантом и ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургской военно-медицинской академии после переезда из Алма-Аты. Ученый более сорока лет проработал в Казахстане, занимая высокое научное положение. Он работал многие годы проректором и ректором двух медицинских институтов (Семипалатинского и Алма-Атинского). Наша дружба длится уже многие годы. Я безмерно счастлив, что на моем жизненном пути встретился мудрый ученый и хороший научный наставник.

Учитывая заключения московских специалистов, решил ехать в Санкт-Петербург. Сотрудники Санкт-Петербургского института уха, горла, носа и речи встретили меня радушно. Директор института профессор

Ланцов принял работу. С приятной новостью полетел домой в Алма-Ату и с нетерпением ожидал весточки из Питера. Вскоре мне сообщили, что на диссертацию получено положительное заключение от экспертов. Работу приняли на защиту по двум специальностям. Однако мне следовало пройти апробацию, т. е. предзащиту, и выступить с докладом на Ученом совете института. Теперь город на Неве стал для меня родным.

В те годы, после развала Союза, все республики находились в состоянии экономического кризиса. Авиарейсы выполнялись нерегулярно из-за отсутствия топлива. На самолетах стали реже летать также по причине дороговизны билетов. Организовать командировку было почти невозможно. Соискатели, приезжавшие за свой счет в Москву или Санкт-Петербург на защиту, стремились устраиваться в студенческих общежитиях.

На предзащиту я прилетел вместе с Евгением Степановичем. Нас устроили в шикарном ректорском номере общежития Санкт-Петербургского медицинского университета. Комфортные условия проживания организовала академик Евгения Петровна Шувалова, заведующая кафедрой инфекционных болезней медицинского университета. Она много лет дружила с Евгением Степановичем и помогала ему как коллеге многие годы. Несмотря на свой преклонный возраст, Евгения Петровна активно занималась научной и общественной деятельностью, состояла действительным членом Академии медицинских наук и часто ездила в Москву, практически не пропуская научные форумы и рабочие заседания академии. Об этом мне поведал Евгений Степанович, когда мы собрались поехать к ней в гости попить чаю по ее любезному приглашению. Жила она в центре города, в небольшой скромной квартире. Ее рабочий кабинет был весь заставлен книгами. На вы-

соких книжных полках от пола и до потолка тесными рядами стояли медицинские книги, а на отдельных стеллажах размещалась художественная литература. Профессор угостила нас печеньем и чаем, поданным в красивых чашках, изготовленных знаменитым Санкт-Петербургским фарфоровым заводом.

Шувалова спросила, по какой специальности предстоит мне защищать докторскую диссертацию. Выяснив, что моим вторым шифром является гигиеническая специальность, она сказала, что знакома с некоторыми гигиенистами. При упоминании профессора Ретнева — он планировался быть одним из моих оппонентов — она отметила, что знает его хорошо. Оказывается, Ретнев, так же как и она, заведует кафедрой, только в Институте усовершенствования врачей и является членом-корреспондентом Российской академии естественных наук.

Примерно через три месяца с момента апробации я был вызван на долгожданную защиту. Это был незабываемый период белых ночей в Санкт-Петербурге. Стояла теплая летняя погода. Ласковое июньское солнце своими теплыми лучами согревало землю, легкий ветерок нежно касался лиц гулявших прохожих. Люди спешили насладиться таким чудесным подарком природы.

На защиту прибыл с небольшой группой поддержки. Прилетели супруга Мария, ее старшая сестра Галия и шурин Бекзат. Благодаря предварительному звонку Евгения Степановича академику Шуваловой нас устроили в общежитии для аспирантов и докторантов медицинского университета. Быстро раскидав вещи и наскоро перекусив, мы ринулись осматривать город. Я, как бывалый гид, повез родичей на Невский проспект. Значительную часть пути вдоль всего Невского проспекта прошли пешком, любуясь архитектурными шедеврами. Оказались возле Аничкова моста. Бекзата

поразила скульптура четырех коней. Рассказал ему, что автором этого изваяния является знаменитый скульптор Клодт. По довольно широкому мосту прогуливались прохожие. К нам подошли молодые девушки, торговавшие мороженым, и предложили аппетитное на вид мороженое в вафельных стаканчиках. Мы купили сливочный пломбир. Всем он понравился. Особенно была в восторге Галия.

– Марийка! Это просто прелесть. В жизни не ела такого вкусного мороженого. Приеду в Алма-Ату и расскажу своим подругам, знатокам кулинарного искусства.

Оставив родственников осматривать город, помчался на улицу Бронницкую, по месту будущей защиты диссертации.

В те годы, да, пожалуй, и сейчас, Институт уха, горла, носа и речи являлся одним из ведущих центров по оториноларингологии в Российской Федерации. Я трепетно входил в этот храм науки, ощущая особый дух и какую-то сопричастность к великим личностям, которые творили и создавали его историю. Одним из основателей института был академик Владимир Игнатьевич Воячек, Герой Социалистического Труда, генерал-лейтенант медицинской службы. По его инициативе старая ушная больница, открытая полтора века тому назад, превратилась в специализированное научно-клиническое учреждение. И сегодня административный корпус и клиника института, сохранившие свое величие и красоту, находятся в старинном здании бывшей Александрийской общины сестер Красного Креста по улице Бронницкой.

Секретарь диссертационного совета молодая и милостивая коллега Галина Мальцева с нетерпением ждала моего приезда. Оказывается, по положению ВАК,

отзывы от оппонентов должны находиться уже в совете, за десять дней до защиты. Она попросила меня срочно найти профессора Ретнева, так как от него еще не поступил отзыв и связаться с ним было невозможно. После шокирующего известия, через какое-то мгновение выйдя из состояния ступора, с радостью вспомнил, что с ним часто общалась академик Евгения Петровна Шувалова. Набравшись храбрости, позвонил ей на домашний телефон – тогда еще не было мобильной связи. С тревогой ожидал ответа на звонок. Минуты, как мне показалось, длились вечно. Наконец подняли трубку и я услышал вежливый женский голос. Евгения Петровна вникла в создавшуюся проблему и попросила перезвонить после полудня, поскольку не может найти его телефон и домашний адрес. Ближе к вечеру мы с супругой поехали искать квартиру по указанному Шуваловой адресу. Она сказала, что найти дом нетрудно, так как он находится рядом с остановкой метро.

Поскольку времени было в обрез, взяли такси. Уже наступил вечер, но белые ночи создавали иллюзию дня. Мы совершенно потеряли ориентацию во времени суток, хотя уже был довольно поздний час. Наконец нашли указанный дом, но подъезд был закрыт на кодовый замок. После томительного ожидания кто-то вышел из подъезда. Это был изрядно выпивший мужчина с подбитым глазом и окровавленным лицом. Испугавшись, мы попытались быстро пройти к подъезду, но он погнался за нами, ругаясь «грехэтажным» матом. Еле оторвавшись от него, нажали в лифте кнопку нужного этажа и очутились перед дверью квартиры, загороженной железной решеткой. В те годы в больших городах была сложная криминальная обстановка. Город на Неве называли «бандитским Петербургом». Многие жильцы, опасаясь хулиганов и разбойных нападений, ставили

перед дверью дополнительные решетки. На наш звонок долго не отвечали. К нашей радости, из квартиры вышла пожилая дама. Увидев меня и супругу, державшую в руках коробку конфет и цветы, спросила, кто нам нужен. Мы с недоумением восприняли ее ответ. Она сказала, что Ретневы здесь не живут. От отчаяния я громко произнес, в последней надежде, что мы от академика Шуваловой. Хозяйка квартиры позвала своего супруга, пожилого мужчину, который, опираясь на тросточку, вышел в коридор и попросил нас пройти в комнату. Хозяева поняли мое состояние. На наше счастье, пожилые люди тоже оказались медиками, преподавателями университета. Они сказали, что знают Шувалову и, улыбнувшись друг другу, поведали, что, по всей видимости, Евгения Петровна перепутала адреса. Время было позднее, настенные часы показывали час ночи. Отзывчивые профессора разыскали телефон профессора и, извинившись за поздний час, рассказали по телефону о наших страданиях. На звонок ответила его супруга. Она сообщила, что мужа дома нет, он командирован в город Читу и не может вылететь из-за отсутствия топлива. Далее она поведала, что накануне супруг звонил домой. Он в курсе предстоящей защиты и попросил ее позвонить на его кафедру, чтобы сотрудники передали отзыв в Институт уха, горла и носа. Однако в суматохе дня она забыла позвонить на кафедру мужа. Извинившись, она сказала, что утром непременно позвонит на работу мужа.

В третьем часу ночи, еле живые мы добрались до общежития. Нас встретила с ревом и слезами Галия. Не слушая нас, она запричитала:

— Мы с братиком подумали, что вас ограбили и убили, а тела наверняка сбросили в Фонтанку или Неву!

Рано утром, еле поднявшись, в полусонном состоянии, так как пришлось поспать всего три часа, поехал на кафедру гигиены. Там все были в курсе моих ночных походов. Лаборантка вручила мне два экземпляра отзыва. Но они оказались не заверенными печатью. На такси доехал до административного корпуса института усовершенствования врачей, где в отделе кадров заверил гербовой печатью отзыв моего оппонента.

Утомившись с утра от бесконечной езды и еле волоча ноги, к часу дня доехал к месту защиты. Ученый секретарь была в тревоге, все члены совета были в сборе, отсутствовал диссертант. Вкратце рассказал о моих ночных похождениях, чем вызвал ее сочувствие.

Кворум для защиты оказался достаточным, совет почти в полном составе, за исключением одного члена, собрался заслушать мой доклад. Члены Диссертационного совета активно стали задавать мне вопросы, которых оказалось более двадцати. Председатель совета профессор Ланцов порекомендовал своим коллегам ограничить вопросы соискателю. Хорошо запомнил его заключительное слово.

— Глубокоуважаемые коллеги! Обратите внимание, диссертант выполнил колоссальный объем исследований. Решены важные задачи по диагностике, лечению и профилактике отоларингологической заболеваемости. Ставлю на голосование вопрос о ходатайстве в Высшую аттестационную комиссию о присуждении соискателю искомой степени доктора медицинских наук.

В перерыве заседания ученый секретарь совета пригласила всех членов выпить по чашке чая. Секретарю помогала моя супруга Мария. Во время чаепития произошел курьезный случай. Кто-то из членов совета попросил кофе. Мария, быстро взяв в руку первую попавшуюся чашку, направилась к нему. Профессор спросил,

не использованная ли это посуда. От волнения Мария перевернула чашку и хотела убедить ученого, что чашка чистая. Но в нее был заранее насыпан растворимый кофе. Опрокинув посуду, Мария высыпала кофе на голову профессору. Маститый ученый улыбнулся и произнес:

– Так мне кофе еще никто не подавал!

Затем, смеясь, он добродушно добавил:

– Не волнуйся, милая, это не отразится на результате голосования.

После перерыва объявили результат. Он оказался блестящим. Все члены совета единогласно проголосовали за присуждение мне степени доктора медицинских наук.

Так завершился мой самый важный и в то же время тернистый этап пути в науку. С тех пор прошло больше четверти века. Теперь я создал уже свою научную школу, подготовил более пятидесяти кандидатов и докторов наук, написал десятки монографий и учебных пособий, несколько сотен статей. Меня избрали действительным членом Национальной академии наук и почетным профессором ряда медицинских университетов, членом иностранных академий. Несмотря на уже солидный возраст, я продолжаю работать, консультирую пациентов, руковожу кафедрой, организовываю научные форумы и конференции. Занимаясь любимым творческим поиском и трудясь над очередной книгой, с особой теплотой вспоминаю своих первых учителей, открывших мне широкую дорогу в науку.

ВЕЛИКИЙ МЕДИК ИЗ УЛЫТАУ

Казахи издревле считали, что судьба любого человека предначертана Богом. При этом на особом месте стоят люди, избранные Им. Всевышний оберегает таких людей в трудные моменты их жизненного пути. Господь дает своему избраннику мощные силы, твердость духа и божественное вдохновение. Среди наших современников к числу отмеченных Богом следует отнести академика Торегельды Шарманова, выдающегося врача и ученого, ставшего в настоящее время всемирно известным.

В знак большого уважения даже старшие по возрасту коллеги обращаются к нему почтительно, называя его ласково Токе. Мне выпало большое счастье работать вместе с ним долгие годы. Я тесно общаюсь с Токе уже более сорока лет. В памяти всплывают многие события, не только судьбоносные и значимые, но и порой удивительные моменты творческого общения. Особенно памятны встречи за последние два десятилетия. Постепенно встречи переросли в большую дружбу, что позволило мне глубже познать истину человеческого общения, вселило веру в победу добра над злом.

Особо в этой галерее памяти стоит период начала восьмидесятих годов прошлого столетия, омраченный несправедливой оценкой его труда на посту главного медика страны. Отставка от должности министра здравоохранения, на которой он самоотверженно трудился почти двенадцать лет, вызвала в душах медиков страны бурю протеста и возмущения. Но некоторые высшие чиновники, стоявшие тогда у властных структур, устроили на Торегельды Шарманова настоящие гонения, вынудив его покинуть родину и уехать в Москву. Удивительное дело: в России он был принят со всеми почестями и назначен заведующим кафедрой питания в Центральном институте усовершенствования врачей. Москвичи хорошо знали профессора и академика Российской Академии медицинских наук Шарманова как крупного ученого и талантливого организатора здравоохранения. Теперь он известен всему миру.

Так в чем же заключается феномен ученого? Чтобы понять это, надо знать истоки.

Торегельды Шарманов родился в Центральном Казахстане. Его предки жили на святой казахской земле Улытау, не случайно получившей такое название, которое переводится с казахского языка как «Великие горы». Действительно эта местность является жемчужиной обширных степей Сарыарки. С Улытау в жизни казахов связаны судьбоносные события. Великие горы сыграли важную роль в периоды становления казахской государственности и объединения всех казахских племен и родов.

Географически территория Улытау располагается в центральной части нынешнего Казахстана. Через эти места издревле проходили торговые караванные пути. Великие горы были облюбованы кочевниками из-за выгодного расположения местности и чудной природы.

Здесь всегда было обилие рек и ручьев, а склоны гор покрывал густой сосновый бор. Особенно эти места приглянулись любителям охоты – султанам и ханам, другой высокой знати из-за обилия диких животных и птиц.

Историки пишут, что именно на этой священной земле собрались все главные представители казахских родов и племен на великий курултай. На съезде также присутствовали султаны и бии, знаменитые батыры всех трех жузов, чтобы объединенными силами дать отпор джунгарам и освободить захваченные ими казахские земли. Одним из главных батыров, громивших вражеское войско, был представитель рода найманов, легендарный полководец Каракерей Кабанбай Батыр.

К этому древнему роду найманов относимся и мы с Торегельды-ага. Он родился в Улытауском районе в тридцатые годы прошлого столетия. Когда ему исполнилось 11 лет, началась Великая Отечественная война, ставшая суровым испытанием для всего советского народа. В 1949 году Торегельды с золотой медалью окончил среднюю школу и в том же году поступил на лечебный факультет Карагандинского государственного медицинского института. Его родители были простыми тружениками: отец Шарман и мать Назипа прожили всю жизнь в сельской местности. Они любили своего единственного сына, лелеяли его, мечтая, что он станет достойным наследником своего рода.

Эти надежды родителей полностью оправдались. В 1955 году Торегельды с отличием окончил медицинский институт. Его, как выпускника с красным дипломом, ректор института Петр Моисеевич Поспелов рекомендовал в очную аспирантуру на кафедру фармакологии. Ректор увидел в молодом специалисте будущего талантливого ученого и не ошибся. Следует сказать,

что медики Центрального Казахстана особо чтят заслуги Петра Моисеевича Пospelова: за большие заслуги он был удостоен звания Почетного гражданина города Караганды. На одной из центральных улиц шахтерской столицы в его честь установлен памятный бюст.

Молодого Шарманова после окончания аспирантуры направили работать главным врачом Улытауской районной больницы. Здесь он за четыре года наработал большой опыт организатора здравоохранения. Кроме того, в условиях сельской больницы Торегельды написал и блестяще защитил кандидатскую диссертацию на Ученом совете Карагандинского медицинского института по актуальной в те годы проблеме, касающейся влияния синтомицина и левомицетина на систему крови. В двадцать девять лет он стал кандидатом медицинских наук.

Но молодой ученый и не думал довольствоваться этим достижением и примеривался к другим большим научным проблемам. И тут сама судьба подтолкнула его к новой научной работе. Помог счастливый случай. В Караганду приехал директор научно-исследовательского института краевой патологии профессор Бахия Атчабарович Атчабаров, который пригласил начинающего ученого в Алма-Ату. НИИ краевой патологии тогда был в ведомственном подчинении Академии наук Казахской ССР. Атчабаров знал о Торегельды не понаслышке. Мудрый аксакал увидел в нем будущего перспективного и талантливого исследователя. Так профессор Атчабаров стал его учителем и наставником. С особой гордостью хочу подчеркнуть, что наш директор через несколько лет стал и моим учителем, а также наставником по жизни. Атчабаров, конечно, был из плеяды блестящих руководителей того периода, одним из мудрых и дальновидных ученых. Он более 35 лет

руководил институтом. Ученый обладал кристальной честностью и придерживался высоких принципов. Его заслуги перед отечественной медицинской наукой очень велики.

В НИИ краевой патологии Шарманов получил должность заведующего одним из крупных научных отделов. Его мечта о большой науке стала реальностью. Через шесть лет защитил докторскую диссертацию по гиповитаминозу в Казахстане и его влиянию на иммунобиологическую реактивность при бруцеллезе. Следует сказать, что в 60-е годы в Казахстане наблюдался рост заболеваемости бруцеллезом. Эта болезнь стала проблемой краевой патологии в республике. Научная работа исследователя носила фундаментальный характер. Докторскую диссертацию Торегельды защитил в тридцать восемь лет. В те годы в Казахстане он стал самым молодым доктором медицинских наук.

Осенью 1968 года произошло значительное событие в жизни Торегельды Шармановича. Его назначили ректором Актюбинского государственного медицинского института и одновременно заведующим кафедрой фармакологии. Тогда институт переживал годы становления. За три года работы в должности ректора он провел колоссальную работу. Укрепил материально-техническую базу и состав научно-педагогических кадров, построил новые корпуса общежития для студентов. Оснастил кафедры и лаборатории новым современным оборудованием, открыл Центральную научно-исследовательскую лабораторию, высоко поднял рейтинг молодого вуза. О кипучей деятельности молодого ректора узнала вся республика. В том числе хорошую оценку он получил от Правительства республики и Центрального Комитета партии. В сентябре 1971 года он был назначен Министром здравоохранения Казахской ССР. И вновь

он стал самым молодым министром и членом Правительства.

Моя первая встреча с Токе состоялась в октябре 1972 года. Тогда я работал младшим научным сотрудником института краевой патологии. До мельчайших деталей помню эту незабываемую встречу в гостях на квартире профессора Алданазарова по случаю утверждения его докторской диссертации. Наш директор института и Амир Турлыбаевич были участниками Великой Отечественной войны и с уважением относились друг к другу.

Я работал в отделе профессиональных заболеваний у Алданазарова, и он привлек меня для оказания помощи в гостевой встрече с министром. Конечно, я волновался по такому случаю. Шуточное ли дело помогать обслуживать таких именитых гостей. В довольно узком кругу собрались знаменитые люди. Среди них были известные профессора Ишанбай Каракулов и Бахия Атчабаров, а также Алшынбай Ракишев. Почетными гостями были двое ученых, приглашенных из НИИ гигиены труда и профессиональных заболеваний Академии медицинских наук СССР.

Как вспышки молнии озаряются в моей памяти события тех лет благодаря сохранившимся фотографиям. Красивое черно-белое фото хорошего качества было сделано мною при помощи зеркального фотоаппарата «Зенит». Кстати, эта фотография наших корифеев медицины хранится в музее медицины Казахского Национального медицинского университета имени Санжара Асфендиярова в городе Алматы.

В тот вечер все были восхищены молодым министром. Вел он себя довольно демократично и скромно, но с достоинством. В нем чувствовалась какая-то внутренняя сила, сочетавшаяся с обаятельной внешне-

стью. Выглядел он очень молодо благодаря стройной, спортивной фигуре, был энергичен и подвижен. Легкой походкой быстро вошел в гостевую комнату, где уже собрались приглашенные гости. Вежливо поздоровался со всеми и извинился за некоторое опоздание. Оказывается, был на заседании Правительства, о чем заранее был предупрежден хозяин дома. Гости об этом знали, им пришлось ждать всего полчаса.

Присутствовавшие стали усаживаться. Министра хозяин хотел посадить во главе стола, но он категорически возразил, сказав, что это место для почетного аксакала, и предложил возглавить дастархан члену-корреспонденту АМН СССР Каракулову. Аксакал славился тем, что был непревзойденным тамадой и обладал великолепным юмором. Не прошло и получаса, как общение за столом стало непринужденным и радушным. Гости обращались к министру, вежливо называя его Токе. У казахов с такой краткой аббревиатурой произношения имени обращаются не только к старшим по возрасту, но и к почитаемым и уважаемым людям. Вечер прошел в исключительно семейной и дружелюбной обстановке. Задержались до поздней ночи, никто не хотел расставаться.

Прошло три года, на пороге стоял 75-й год. В институте краевой патологии я уже работал старшим научным сотрудником и активно занимался темой докторской диссертации. А в Министерстве здравоохранения под руководством нового министра коренным образом улучшилась деятельность ведомства. Начали укрупняться управления, создавались новые отделы. Шарманов впервые ввел в структуру новый отдел науки, который должен был координировать всю научную деятельность.

Однажды меня пригласил на беседу директор института и сообщил, что рекомендовал министру мою кандидатуру на должность начальника созданного в Министерстве здравоохранения отдела науки. Теперь уже во второй раз пришлось встретиться с министром. Как и полагалось по курируемому отделу, меня представил председатель Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения республики академик Николай Дмитриевич Беклемишев. После беседы коллегия утвердила меня начальником отдела науки. Под руководством министра Шарманова и академика Беклемищева мне посчастливилось пройти большую научную и жизненную школу.

Осенью 76-го года нашего министра вызвали на союзную коллегию в Москву, и он взял меня с собой в качестве помощника. В ту пору в Москве стояла великолепная теплая погода со всеми признаками «золотой осени». Расширенную коллегию Министерства здравоохранения СССР с участием всех министров союзных республик вел академик Борис Васильевич Петровский. На коллегии присутствовал заместитель председателя Совета министров СССР, кандидат в члены Политбюро Кирилл Трофимович Мазуров. Министр здравоохранения Союза ССР Петровский доложил о решении Правительства провести международную конференцию Всемирной Организации Здравоохранения по первичной медико-санитарной помощи в одной из союзных республик. Рассматривались кандидатуры Грузинской ССР и Узбекской ССР. Но решающее слово и согласие должны были подтвердить руководители республик.

Наш министр принял правильное и нужное стратегическое решение. Сразу после приезда из Москвы он поручил мне срочно подготовить вместе с академиком Беклемишевым письмо на имя первого секретаря ЦК

Компартии Казахстана, члена Политбюро ЦК КПСС Кунаева. В официальном письме на имя Динмухамеда Ахметовича мы четко обосновали необходимость проведения конференции ВОЗ в городе Алма-Ате. Письмо за подписью министра было направлено в Центральный Комитет Компартии Казахстана. Вскоре был получен положительный ответ от Кунаева. Таким образом, за два года до начала конференции наше Министерство начало готовиться к этому грандиозному мероприятию. Теперь вся страна уже отметила тридцатилетие конференции ВОЗ. Заслуга в проведении этого мирового форума, конечно, принадлежит академику Шарманову. Была проведена колоссальная работа. Об этом ярко свидетельствует полученная им высшая награда Лауреата премии Леона Бернара, вручаемая за выдающиеся достижения в мировой медицине.

Конференция ВОЗ и детского фонда ЮНИСЕФ явилась ярчайшим историческим событием для Казахстана. Алмаатинская декларация стала «Великой хартией мирового здравоохранения XX века». Об этом историческом событии написано много публикаций. Однако самым первым и всеобъемлющим очерком, в котором проникновенно, с философской мудростью, детально и в высокохудожественной форме описана Всемирная конференция ВОЗ в Алма-Ате, является книга Шарманова «Долгое восхождение к праву на здоровье».

После организации этой грандиозной конференции в здравоохранении республики произошли большие положительные перемены. Благодаря инициативе министра улучшилась материальная база многих лечебных учреждений, особенно в сельской местности. Открылись новые фельдшерские и акушерские пункты. В амбулаториях и поликлиниках на новую ступень поднялось оказание первичной медико-санитарной по-

мощи. В республике начала снижаться детская и материнская смертность. Значительно улучшилась диспансеризация населения. Перед здравоохранением была поставлена задача к переходу на всеобщую диспансеризацию и охрану здоровья трудящихся.

Вместе с тем, несмотря на такие значимые сдвиги в здравоохранении, буквально через пять лет высшие чиновники не оценили титанический труд министра и он был вынужден подать в отставку. Более того, на него устроили гонения, не дав возглавить созданный им Институт питания.

Но в стране началась эпоха перестройки. В конце 80-х годов Шарманов вернулся в Алма-Ату и стал директором созданного им Института питания. В те же годы перестройки теперь уже меня попросили освободить занимаемую должность в Министерстве здравоохранения и направили работать на периферию. Назначили руководителем Усть-Каменогорского филиала НИИ гигиены труда и профессиональных заболеваний. Тогда руководство Министерства здравоохранения, ссылаясь на установку первого секретаря ЦК компартии Казахстана Геннадия Колбина, отправило меня в область. Может быть, Колбин был и прав. В любом случае благодаря этой ссылке я сумел завершить докторскую диссертацию и вернулся в Алма-Ату. Здесь, к моей великой радости, вновь увидел Торегельды Шармановича. Он, как и в прежние годы, развернул кипучую творческую деятельность. Мы видели, что наш кумир находится в расцвете творческих сил, как всегда бодрый и энергичный. Я был безмерно рад нашей встрече после долгой разлуки.

В скором времени меня назначили заведующим отделом впервые организованной в Республике Казахстан Высшей аттестационной комиссии. Возглавляемый

мною отдел был одним из крупных. Главные эксперты нашего отдела курировали медицинские, биологические, зооветеринарные, сельскохозяйственные и химические науки. Конечно, на первых порах не хватало опыта, все делалось впервые. Организовывались отраслевые Экспертные советы по всем направлениям науки. Передо мной председатель ВАК поставил задачу сформировать Экспертный совет по медицинским наукам и внести кандидатуру председателя. На пост председателя Экспертного совета по медицинским наукам рекомендовал академика Шарманова, и он был утвержден коллегией ВАК в этой должности.

Снова работать вместе с Токе было одно удовольствие. Его высокая эрудиция, глубокие фундаментальные знания, богатый опыт научной и организационной работы очень помогали в качественной оценке выполненных диссертационных работ. В его команде трудились известные ученые-медики. Он, как опытный капитан за штурвалом, вел большой корабль из ученых правильным и нужным курсом, тщательно и скрупулезно рассматривал каждую научную работу. Объективно оценивал, прежде всего, качество и глубину научных исследований, обращал внимание на научную новизну. Он подчеркивал, что результаты научных разработок должны обязательно внедряться в практическое здравоохранение.

Сравнительно короткое время совместной работы с Торегельды Шармановичем в Высшей аттестационной комиссии остается для меня самым запоминающимся периодом. Через два года и у меня произошли судьбоносные события. Министерство здравоохранения направило возглавить Шымкентский фармацевтический институт, где проработал в должности ректора до конца

1997 года. Через четыре года перевели ректором медицинской академии в городе Акмола.

Все последующие годы мы часто встречаемся на многочисленных форумах по медицине, а также на совещаниях в медицинских университетах Алматы, Караганды, Семей. Эти встречи не проходят бесследно. Они оставляют в наших душах глубокий отпечаток и положительную ауру. Мы с трепетом и удовольствием слушаем мудрые слова и наставления нашего дорогого учителя и старшего брата.

Сегодня, преодолев восемьдесят пятый рубеж жизни, Токе по праву не считает себя старым человеком – и это правильно. Он по-прежнему энергичен, всегда бодр и весел. При этом обладает одним непревзойденным качеством – удивительно тонким чувством юмора. Например, на юбилейной встрече в октябре этого года, организованной в городе Алматы Казахским Национальным медицинским университетом для студентов и профессорско-преподавательского состава, присутствовали около тысячи человек. Было много вопросов к мэтру науки. Один из студентов задал каверзный вопрос: «Уважаемый Торегельды Шарманович! Как Вы относились, когда были ректором и министром, к слабому полу?» На что академик с юмором ответил: «Я реагировал!» В этом ответе кроется мудрый смысл. Ведь можно реагировать положительно или отрицательно. Каждый может трактовать по-своему.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ОЛИМПУ ОТОЛАРИНГОЛОГИИ

(вместо этилога)

Писать очерк о жизни и деятельности ученого всегда сложно. Как правило, невозможно обойтись без сухих фактов, перечисления опубликованных научных работ, в том числе книг и монографий, количества подготовленных кандидатов и докторов наук. Однако мне хотелось осветить личность академика Райса Кажкеновича Тулебаева с другой точки зрения, рассказать о нем как о человеке неординарном, отзывчивом, человеке широкой души. Так что это будет не обычный очерк об ученом, а рассказ о Человеке с большой буквы.

Сегодня имя академика Тулебаева знакомо почти каждому медицинскому работнику, ученым в республике и далеко за ее пределами. Жизнь его тесно связана с историей и участью казахской интеллигенции. Он родился 15 января 1941 года на станции Чарск бывшей Семипалатинской, ныне Восточно-Казахстанской области. У него сложилась трудная судьба, общая для поколения людей, родившихся перед Великой Отечественной войной. Они пережили голод, послевоенную разруху и тяготы восстановления страны. Однако люди того поколения выдержали все испытания, а многие достигли вершин своей мечты.

Райс Кажкенович вырос в семье служащих. Мама работала учительницей, а отец многие годы трудился на железной дороге, на знаменитой Туркестано-Сибирской магистрали. С раннего детства родители привили сыну трудолюбие, взрастили в нем чувство долга, понимание честного служения Отчизне и любви к Родине. На его малой родине – в Семипалатинской области – царил дух нравственности, патриотизма и интернационализма. Семья дружила с людьми многих национальностей, среди которых были русские, татары, немцы, евреи. Поэтому когда молодой врач после окончания института встретил и полюбил девушку из Украины, родители не возражали против их женитьбы. Мама встретила сноху Галину Соломоновну как родную дочь, с любовью и распростертыми объятиями.

Райс Кажкенович и Галина Соломоновна счастливо прожили почти двадцать лет. Но судьба распорядилась по своему, и его верная и любимая супруга трагически погибла при родах, ожидая третьего ребенка...

Все прожитые вместе годы они занимались одной полюбившейся профессией – отоларингологией. Райс Кажкенович после успешного окончания очной аспирантуры в возрасте тридцати лет в Алма-Ате защитил кандидатскую диссертацию, а через восемь лет и Галина Соломоновна стала кандидатом наук. Оба начали собирать научный материал для докторской диссертации: он по проблеме профессиональной патологии ЛОР-органов, а она по актуальным вопросам ЛОР-онкологии, касающейся диагностики и лечения новообразований верхних дыхательных путей.

Гибель супруги стала для Райса Кажкеновича большим ударом. Эта трагедия надломила его. Галина Соломоновна ушла из жизни в расцвете сил и на пике творческого роста: она была исключительной личностью,

прекрасным клиницистом и ученым, ЛОР-онкологом, врачом высшей категории.

После кончины супруги все заботы по быту легли на плечи Райса Кажкеновича. Он ухаживал за потерявшей зрение мамой, также на его иждивении были двое младших братьев-студентов. Отец умер еще в 70-е годы от ран, полученных на войне. Поэтому Райс Кажкенович почти на целых десять лет отложил защиту докторской диссертации. Но судьба вновь помогла ученому, и он нашел вторую половину в лице доброй Марии, которая взяла на себя заботы по воспитанию его дочери Гаухар и помогала старшему сыну Самиру, обучающемуся в медицинском институте. Кроме того, она родила ему сына Олжаса. Теперь их уже совместному младшему сыну скоро исполнится тридцать лет.

В годы перестройки Райс Кажкенович с Марией вынуждены были выехать из Алма-Аты, оставить ставшие родными края и интересную работу в отделе науки Министерства здравоохранения, поскольку было негласное распоряжение тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Казахстана Геннадия Колбина о направлении молодых специалистов министерств на периферию и в областные центры. Может быть, Колбин был и прав. Но эта ссылка пошла ученому на пользу. В Усть-Каменогорске он возглавил филиал НИИ краевой патологии. В последующем это научное учреждение было преобразовано в Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний. В начале 90-х годов в этом филиале Райс Кажкенович завершил работу над докторской диссертацией.

Сегодня Райс Кажкенович Тулебаев – видный ученый-отоларинголог, клиницист и педагог, известный общественный деятель, автор 565 научных работ, 19 монографий, 3 учебников на государственном языке,

26 методических рекомендаций и учебно-методических пособий, им получено более десяти авторских свидетельств и патентов на изобретения. Под его руководством 15 соискателей защитили докторские и 38 кандидатские диссертации. Его исследования в области отоларингологии и профессиональной патологии, клинической иммунологии и аллергологии издавались крупнейшими научными центрами, в частности в издательствах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, а также в столицах союзных республик: Риге, Киеве, Минске, Ташкенте, Кишиневе, Бишкеке. Кроме того, его научные статьи опубликованы ведущими медицинскими изданиями стран дальнего зарубежья: США и Германии, Иордании и Австрии, а также Испании, Греции, Японии, Египта и Польши, где получили высокие оценки.

Ученый достиг выдающихся результатов в исследовании влияния факторов промышленного производства и окружающей среды на слизистую оболочку верхних дыхательных путей и органы слуха и внес большой вклад в развитие отечественной оториноларингологии, поднял ее на международный уровень и создал свою научную школу отоларингологов. С его участием были организованы в Казахстане республиканские конференции и съезды, международные симпозиумы и сессии. Являясь президентом Республиканской ассоциации отоларингологов, Райс Кажкенович достойно представляет делегацию Казахстана на всех съездах и конференциях стран СНГ и дальнего зарубежья. Им впервые в республике изучено влияние биологических, физических и химических факторов на ЛОР-органы у лиц, занятых в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, углубленно исследовано функциональное состояние респираторной системы и внедрены этио-

логические и патогенетические методы профилактики патологии слизистой оболочки верхнего дыхательного тракта.

Хочется подробнее рассказать о родителях Райса Кажкеновича, ведь именно от родителей мы получаем главные уроки нравственности и жизненные установки.

Его отец Кажымухамед, инвалид II группы, был ветераном Великой Отечественной войны, освобождал Берлин, имел многочисленные ордена, медали и другие государственные награды, умер в послевоенные годы. Мать Ыубыжан Каримова, педагог, в 30-е годы прошлого века стала представительницей первых казахских женщин-интеллигенток. Она окончила Казахский педагогический техникум в городе Семипалатинске – в тот период крупном административно-культурном центре. Много лет работала учителем средней школы, и еще до начала Великой Отечественной войны ей присвоили высокое звание «Отличник просвещения Казахской ССР». Она была высококультурной и образованной женщиной, воспитала и дала высшее образование всем четверем детям. Ее средний сын Алмас является доктором технических наук, профессором.

Райс Кажкенович учился в средней школе города Семипалатинска, которую окончил в 1958 году, и тут же поступил на лечебный факультет Семипалатинского государственного медицинского института.

Достойный сын своих родителей, вобравший от них все лучшее, Райс Кажкенович еще в студенческие годы проявил большой интерес к научным исследованиям и с 4-го курса посещал научный студенческий кружок на кафедре болезней уха, горла и носа, которым руководил профессор Борис Иосифович Дунайвицер.

После окончания института в 1964 году изъявил добровольное желание работать на селе и был направлен

в Курдайский район Джамбульской области (село Георгиевка), где более трех лет проработал врачом-оториноларингологом в районной больнице. В 1965 году прошел специализацию по оториноларингологии в Алма-Атинском институте усовершенствования врачей. Во время специализации в Алма-Ате профессор Еланцев и доцент Гинзбург обратили внимание на молодого энергичного врача, заметили его любознательность и склонность к аналитической работе. Они и посоветовали ему поступить в аспирантуру.

С 1967 по 1970 год учился в очной аспирантуре на кафедре болезней уха, горла и носа Алма-Атинского государственного медицинского института. В период учебы в аспирантуре освоил целый ряд хирургических операций при заболеваниях носа и придаточных пазух, глотки, гортани и среднего уха, а также функциональных методов исследований. В аспирантуре занимался под руководством крупного ученого страны, заслуженного деятеля науки, профессора Еланцева, а также известных ученых-аллергологов – академика Беклемишева и профессора Мошкевича. Научные работы этого периода посвящены функциональной диагностике заболеваний слизистой оболочки верхнего дыхательного тракта, вопросам аллергии и иммунитета. Трудолюбие и способности к научной деятельности позволили ему в 1972 году успешно защитить кандидатскую диссертацию на тему: «Состояние верхних дыхательных путей и сенсбилизация к табаку у работников табачного производства» (клинико-экспериментальные исследования).

С 1972 по 1975 год он работал младшим, а затем старшим научным сотрудником научно-исследовательского института краевой патологии Министерства здравоохранения Казахской ССР. За время работы в отделе

профессиональных заболеваний этого института участвовал в многочисленных экспедициях по исследованию состояния здоровья у рабочих химических и химико-металлургических предприятий Казахстана. Эти исследования, проведенные совместно с сотрудниками института, нашли отражение в серии публикаций в центральных и республиканских медицинских журналах.

В 1975 году Райс Кажженович был назначен начальником отдела науки Министерства здравоохранения Казахской ССР. Здесь проявились его организаторские способности. Участвовал в создании новых научно-исследовательских учреждений и лабораторий, а также научных филиалов. В эти годы активно занимался подготовкой к проведению в столице международной конференции ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи.

С 1977 по 1982 год работал старшим научным сотрудником НИИ краевой патологии. В этот период большую научно-практическую ценность представляет цикл его научных работ, посвященных вопросам этиологии, патогенеза, диагностики и лечения профессиональной патологии верхних дыхательных путей и органов слуха у рабочих химических и химико-металлургических производств Казахстана.

В 1982 году вновь был приглашен на работу в центральный аппарат Министерства здравоохранения и вел ответственный участок по планированию научно-исследовательских работ и оценке их эффективности. В 1987 году его перевели заведующим Усть-Каменогорским филиалом НИИ краевой патологии, где организовал новую лабораторию иммунологии. Сотрудники филиала всесторонне изучали проблему сатурнизма, этиологии и патогенеза, а также профилактики свинцовой интоксикации.

В 1992 году его, как опытного организатора медицинской науки, назначили заведующим медико-биологическим отделом Высшей аттестационной комиссии при Кабинете министров Республики Казахстан и членом коллегии ВАК. Находясь на этой должности, внес значительный вклад в становление и укрепление государственных аттестационных органов страны, а также способствовал внедрению многих новых идей в аттестацию и работу специализированных советов по защите диссертаций.

В 1993 году защитил в Санкт-Петербурге докторскую диссертацию по двум специальностям – отоларингологии и гигиене – на тему: «Клинико-иммунологическое обоснование ранней диагностики и профилактики респираторной интоксикации у рабочих химических и металлургических производств». В своих фундаментальных исследованиях ученый обогатил практическую оториноларингологию целым рядом ценных практических рекомендаций, отраженных в десятках методических указаний и пособий. Очень важными явились рекомендации по раннему выявлению патологии верхних дыхательных путей в раннем (преморбидном) состоянии, а также способы профилактики этих нарушений. В своих исследованиях автор стремился уточнить патогенез нарушений слизистой оболочки верхних дыхательных путей при воздействии химико-токсических соединений в условиях химических и металлургических производств. Им впервые был предложен термин «респираторная интоксикация», объясняющий механизм воздействия промышленных вредностей через слизистую оболочку респираторного тракта.

В 1994 году Райс Кажкенович был утвержден в ученом звании профессора, а в 1995 году избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Рес-

публики Казахстан. В 2002 году стал действительным членом (академиком) Национальной академии наук.

С 1993 по 1997 год работал ректором Шымкентского фармацевтического института. По его инициативе были открыты педиатрический и лечебный факультеты. Фармацевтический институт получил статус медицинского вуза. В дальнейшем институт был преобразован в Южно-Казахстанскую государственную медицинскую академию. В годы руководства медицинским вузом в Шымкенте ему много приходилось работать над укреплением и приумножением материально-технической базы, повышением научного и кадрового потенциала, улучшением квалификации преподавателей и морально-психологического климата в коллективе. Если до его прихода в институте работало 4 доктора наук, то уже через четыре года их стало 17. Многие молодые преподаватели защитили кандидатские диссертации. В институте была открыта аспирантура.

Большая организационно-методическая работа была осуществлена им по созданию новых клинических кафедр. В 1994 году была открыта первая кафедра оториноларингологии, и уже через два года на базе кафедры болезней уха, горла и носа и гигиены была проведена межрегиональная конференция по профессиональной патологии ЛОР-органов с участием российских и узбекских ученых.

В 1997 году Райс Кажкенович был переведен ректором Акмолинской государственной медицинской академии. Здесь тоже в полной мере раскрылся его талант умелого организатора. За короткое время вдвое увеличилось количество докторов наук. Впервые был создан компьютерный центр, академия стала выпускать ежеквартальный научно-практический журнал республиканского значения «Астана медициналық журналы».

Впервые открылась докторантура. Были созданы из семи специальностей два докторских и один кандидатский диссертационные советы по защите диссертаций. Построен современный зал Ученого совета, оборудованный новейшей аппаратурой и видеотехникой. В академии были открыты 10 филиалов научных центров и научно-исследовательских институтов. Значительно повысилась эффективность научно-исследовательских работ. Руководимая Райсом Кажкеновичем Акмолинская государственная медицинская академия стала признанным учебно-методическим центром не только в северном регионе, но и по республике в целом. В академии были созданы новые факультеты, в то время там трудились около 40 докторов наук и свыше 150 кандидатов наук.

Разносторонние и многолетние исследования ученого в области отоларингологии и профессиональной патологии общепризнаны. К их числу относятся монографии «Патология ЛОР-органов при фосфорной интоксикации» (1995 г.), «Хроническая свинцовая интоксикация» (1995 г.), «Диагностика и профилактика воспалительно-дистрофических изменений респираторного тракта» (2000 г.). Изданы учебник для студентов медицинских колледжей и вузов на государственном языке «Құлақ, мұрын, тамақ аурулары» (1997 г.), монография «Лекарственные растения в оториноларингологии и пульмонологии» (1998 г.). Вышли в свет фундаментальные руководства «Курортотерапия респираторной патологии» (2001 г.), «Острые и хронические синуситы» (2004 г.), «Оценка гигиенических рисков в промышленных регионах Республики Казахстан» (2004 г.). В РФ выпущена книга Райса Кажкеновича «Диагностика, профилактика и лечение синуситов в амбулаторных условиях» (2007 г.). На государственном

языке опубликовано учебное пособие «Мұрын қуысы және оның қосалқы қуыстарының аурулары» (2007 г.), выпущен «Справочник по классификации ЛОР-болезней» (2008 г.). Издано руководство на казахском языке «Оториноларингология терминдерінің түсіндірме сөздігі» (2009 г.). Выпущены лекции для высших учебных медицинских заведений на казахском языке «Оториноларингология дәрістері» (2009 г.) и учебник «Оториноларингологиядан қысқаша оқу құралы» (2014 г.).

Результаты его клинических исследований, к которым привлекались сотрудники академии, составили теоретическую и практическую основу для создания специализированных кабинетов и организации профилактической оториноларингологической помощи населению в городах и крупных промышленных регионах.

Ученый выступал с докладами на всесоюзных съездах и конференциях отоларингологов, симпозиумах и пленумах Правления. В последние годы Райс Кажкенович участвовал с сообщениями на международных конгрессах в Иордании, США, Южной Корее и Турции, а также в странах Европы: Австрии и Германии, Румынии и Греции, Бельгии и Франции, Польше. Кроме того, неоднократно выступал с докладами в странах СНГ: Украине, России, Узбекистане, Кыргызстане, Армении, Республике Беларусь.

Наряду с большой научно-исследовательской и педагогической деятельностью академик Тулебаев много времени уделяет организационно-методической и общественной работе. В настоящее время является заместителем председателя научного семинара по апробации диссертаций на соискание ученой степени доктора PhD и магистерской диссертации, главным редактором журнала «Оториноларингология – Бас, Мойын Хирургиясы», а также соредактором журнала

«Оториноларингология. Восточная Европа». Член редакционного совета российских журналов «Вестник оториноларингологии», «Российская оториноларингология», «Российская ринология», а также член редколлегии республиканских журналов «Медицинский журнал Казахстана», «Вестник университета», «Экология и здоровье», «Астана медициналық журналы», «Морфология и доказательная медицина».

По инициативе и с личным участием Райса Кажкеновича проведены многочисленные научно-практические форумы отоларингологов. В частности, первая Межобластная научно-практическая конференция отоларингологов Казахстана в Джамбуле (1976 г.). Важными событиями явились организация I Республиканской конференции отоларингологов в Шымкенте (1979 г.), а также проведение I съезда отоларингологов Казахстана в Семипалатинске (1983 г.). Кроме того, в последующие годы были организованы региональные конференции в Усть-Каменогорске (1989 г.) и по профессиональной патологии ЛОР-органов в Шымкенте (1993 г.).

В 1999 году Райс Кажкенович провел VI годовое собрание Международной академии оториноларингологии – хирургии головы и шеи в Астане, где был избран действительным членом академии. В 2003 году в Алматы провел Национальный конгресс и выездную сессию вышеуказанной академии. В 2005 году в Шымкенте и Туркестане организовал Национальный конгресс отоларингологов Казахстана и первую Международную конференцию молодых ученых на английском языке.

С 2006 года под редакцией Райса Кажкеновича стал выходить ежеквартальный международный научно-практический журнал «Оториноларингология – Бас, Мойын Хирургиясы». Осенью 2007 года в Западном Казахстане произошло большое событие: по плану

Министерства здравоохранения была созвана в Атырау Международная научно-практическая конференция отоларингологов с участием более 20 зарубежных стран. В 2009 году академик Тулебаев организовал в Караганде Международную научно-практическую конференцию отоларингологов Казахстана с участием ученых Германии и Польши.

В 2011 году успешно провел I съезд отоларингологов Республики Казахстан в Астане. В работе форума приняли участие гости из ближнего и дальнего зарубежья. Решения съезда, явившегося важным событием, способствовали улучшению научной и практической деятельности врачей-отоларингологов нашей страны. В 2012 году Райс Кажкенович организовал Международную научно-практическую конференцию отоларингологов в Таразе (Жамбылская область). В этом форуме приняли участие делегаты и гости из всех областей Казахстана, России, Кыргызстана и дальнего зарубежья (Германия). В 2013 году в Уральске состоялась Международная научно-практическая конференция отоларингологов с участием ведущих профессоров и ученых Польши, Германии, России, Узбекистана, Кыргызстана и всех врачей нашей республики. В том же году была организована в Алматы Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию профессора Тайбогарова.

В 2014 году Райс Кажкенович провел региональную научно-практическую конференцию с участием международных экспертов и мастер-класс, посвященные 80-летию первого заведующего кафедрой болезней уха, горла и носа Целиноградского государственного медицинского института, члена-корреспондента Международной академии наук Высшей школы Республики Казахстан профессора Шаихова.

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую и общественную деятельность академик Тулебаев награжден почетными знаками «Отличник здравоохранения СССР» (1983 г.), «Қазақстан Республикасының Денсаулық сақтау ісінің үздігі» (1996 г.), медалями «Ветеран труда» (1990 г.), «Астана» (1998, 2008 гг.), получил звание «Қазақстан Республикасының Еңбек сіңірген қайраткері» (2002 г.). В 2014 году был удостоен медали «Ардақты еңбек ардагері».

Широкая эрудиция, высокая личная культура, связанные его любовью к искусству, музыке, литературе, простота и доступность снискали ученому заслуженный авторитет и уважение коллег, а также теплые чувства многочисленных учеников и друзей.

Академик Национальной академии наук Республики Казахстан, действительный член Международной академии оториноларингологии – хирургии головы и шеи, профессор Тулебаев предстает перед современниками как крупный ученый с широким диапазоном профессиональных интересов, как педагог и наставник, видный общественный деятель. Его знают как известного отоларинголога. Кроме того, он является академиком Международной академии наук Высшей школы Республики Казахстан, действительным членом Нью-Йоркской академии наук, а также избран почетным профессором Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясави, Семипалатинского и Карагандинского медицинских университетов, Западно-Казахстанского медицинского университета имени Марата Оспанова, Казахского Национального университета искусств, Кембриджского Международного биографического института.

Франц Галицкий

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Чудесная пора юности	5
Вершина славы тети Марзии	25
Щедрое сердце доктора Кученева	32
Обладатель золотого скальпеля	60
С Аралом связанная судьба	69
Патриот степного края	88
Феномен Мариуса	95
Корифеи отоларингологии	103
Портрет учителя	141
Тернистый путь в науку	152
Великий медик из Улытау	173
Восхождение к олимпу отоларингологии (<i>вместо эпилога</i>)	185

Райс Кажкенович Тулебаев

СВЯТАЯ ЛЮБОВЬ К МЕДИЦИНЕ

*Редактор Марат Каирбеков
Технический редактор Эльмира Заманбек
Художественный редактор Женис Казанкапов
Корректор Оксана Ниязова
Компьютерная верстка Акерке Скаковой*

Подписано к печати 23.12.2015.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л.14,7. Тираж 1500 экз. Заказ № 132.

Издательство «Фолиант»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

Отпечатано в типографии «РЕГИС-СТ Полиграф»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

Известный ученый-медик, Заслуженный деятель Республики Казахстан, академик Райс Тулебаев в своей книге «Святая любовь к медицине» филигранно и с особой любовью создает литературные образы людей, связанных с профессией медика. Перо автора вырисовывает запоминающиеся, яркие образы наших современников, рассказы о которых наполнены глубоким смыслом и содержанием. В высокохудожественной форме автор сопереживает те или иные ситуации с героями своих повествований.

Книга проникнута гуманными чувствами и наполнена духовным содержанием, отражая общечеловеческие ценности, чем, несомненно, вызовет отклик в ваших сердцах и, надеемся, будет весьма полезна широкому кругу читателей.

ISBN 978-9965-638-63-3

FOLIANT